ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 2 ЯНВАРЬ 1987

РОЛИ ТАТЬЯНЫ ДРУБИЧ

ВСПОМИНАЕТ Ю. НАГИБИН

ХУДОЖНИК ЕЛЕНА ВОЛКОВА

Г. ГРЕЧКО: ПРИТЯЖЕНИЕ КОСМОСА

НЕПРЕСТИЖНАЯ СПЕЦШКОЛА

НАТАША СПИРИНА: «ПРОГНОЗ НАЧИНАЕТСЯ У НАС, НА АЛДАНЕ»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 2 (3103)

10—17 ЯНВАРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Техник-радиооператор Наташа Спирина.

(См. материал «Застава погоды».)

Фото Александра Награльяна

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии О. И. КОЗАК

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

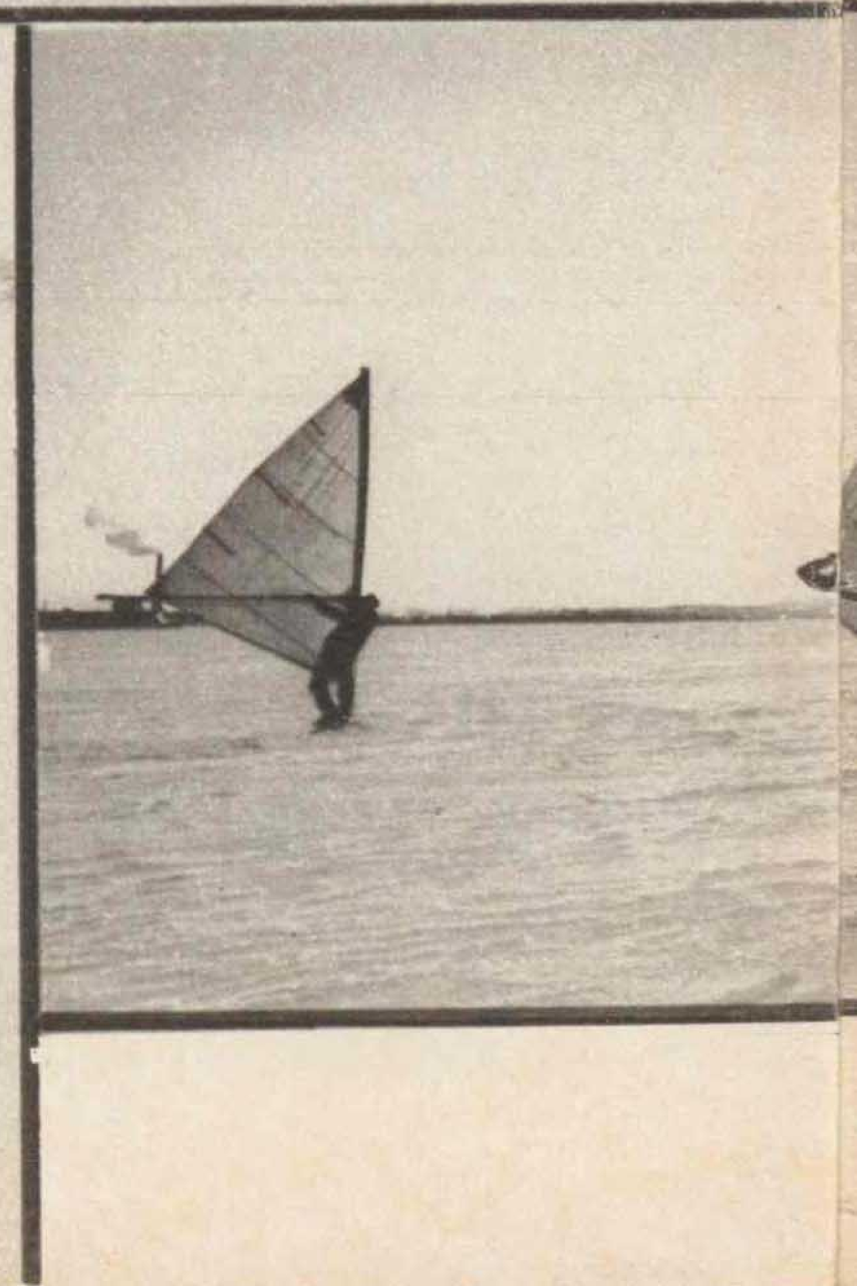
Сдано в набор 19.12.86. Подписано к печати 06.01.87. А 00785. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 63. Заказ № 4141.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ХОРОША ТЫ, МАТУШК

...А-ЗИМА

Андрей СОКОЛОВ,
фото Сергея ПЕТРУХИНА

«...В городе Устинове минус десять—двенадцать». Эти слова утренней сводки погоды по радио мы услышали в старинном городе вместе со всеми его жителями в один из предновогодних выходных дней. Они прозвучали словно сигнал: «Все на улицу!» Сигнал, которого ждали.

Городской парк имени С. М. Кирова. Сюда приходят целыми семьями. Приподнятое, беззаботное настроение. Многие наверняка замечали характерную особенность: летом человек старается найти место поукромнее, а зимой наоборот — каждого тянет туда, где многолюдно.

Есть, правда, и здесь отшельники — любители подледного лова. Защищаясь от ветра, многие из них соорудили себе укрытия из больших полиэтиленовых мешков. Так теплее, хотя, кажется, эта категория людей вообще нечувствительна к холоду.

Грань, где кончается активный отдых и начинается спорт, порой незаметна. По сути они неразделимы, как разные дороги к одной цели.

...По ледяной дорожке стадиона один за другим проносятся мотоциклисты. Почти прижимаясь на виражах ко льду, они проходят круг за кругом, оставляя в морозном воздухе запах выхлопных газов, облака снежной пыли и ледяной крошки, высеченной шипованными колесами.

Шла тренировка гонщиков, они же испытатели мотоциклов объединения «Ижмаш». Рассказывает начальник бюро испытаний спортивных мотоциклов Дмитрий Могучий.

— На дорожке мастер международного класса, чемпион СССР Николай Журавлев, призер чемпионатов СССР Анатолий Котелов, гонщики Сергей Плотников и Игорь Ураков. Мотоцикл для них и спорт, и отдых, и работа.

Совсем недавно познакомились жители Устинова с таким новым видом спорта, как парусная лыжа. И, совсем как виндсерфинг когда-то, он быстро завоевал популярность.

Здесь быстро и легко приживается всякое новшество, которое имеет отношение к зимнему отдыху и спорту. Это и неудивительно в городе, где живут давние спортивные традиции, где все от мала до велика чувствуют и ценят пользу, которую дают в воскресный день те несколько часов, что проведены на морозном воздухе.

Планета встретила новый, 1987 год. В канун его страна, все мы слушали Новогоднее обращение к советскому народу Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева.

Мы вступили на путь глубоких перемен. Это наш с вами выбор. Еще дают себя знать силы застоя и благодушия, надежды кое-кого на то, что все вернется в старую колею. Но это не остановит движение советского общества по пути перестройки. Мы должны быть твердыми и последовательными. Никаких послаблений мы не можем себе позволить. Инициатива и ответственность, критика и гласность, демократия и дисциплина — вот наша политическая и нравственная позиция, эффективные средства развития социалистического строя.

М. С. ГОРБАЧЕВ

НИКТО ЗА НАС НЕ СДЕЛАЕТ

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото Анатолия БОЧИНИНА

Есть в столице предприятие, изделия которого установлены в каждом доме многомиллионного города. Да что там в доме, в каждой квартире, в каждой комнате москвича. И не только москвича: многие большие и малые города страны с нетерпением ждут эту продукцию. Радуются ей варшавяне и пражане, жители Берлина и Бухареста... Предприятие носит имя революционера Петра Войкова, а выпускает, как уже, может, догадался читатель, радиаторы и конвекторы для отопительных систем — источники тепла, уюта.

Многотысячный коллектив чугунолитейного завода имени П. Войкова получил новый корпус, который позволит вдвое увеличить мощности по выпуску новых отопительных приборов.

— В Новогоднем обращении к советскому народу,— говорит директор завода В. И. Прибытков,— Михаил Сергеевич Горбачев напомнил, что никто за нас ничего не сделает, не решит наши задачи, наши проблемы. Каждый из нас обязан прибавить в работе, и прибавить основательно.

Наш коллектив тоже стремится работать лучше. Например, за полгода, а это значит на несколько недель раньше срока, мы обязуемся полностью освоить новые мощности. Что это даст? К 70-летию Великого Октября дополнительно будут оснащены более десяти миллионов квадратных метров жилья приборами, создающими комфорт.

Раньше коллектив завода имени П. Войкова намеревался выпускать по шестьсот тысяч конвекторов за год. Но в начале 1986 года партийный съезд, курс на ускорение и перестройку всколыхнули заводчан. Коммунисты, а вместе с ними и передовые рабочие пересмотрели обязательство и нашли возможности увеличить выпуск конвекторов в полтора раза. Это ли не рывок!

Новый климат в коллективе создают во многом сами рабочие, в первую очередь ветераны. Стерженщица Мария Ивановна Осташева, например, пришла на завод сорок пять лет назад. Но и сегодня, как и в годы молодости, немногим удается потягаться с ней в сноровке.

Евгений Филиппович Шолкин — коммунист почти с сорокалетним стажем, он более полувека на заводе. Был слесарем-лекальщиком высшего разряда, теперь в ОТК. А сколько инструментальщиков подготовил Евгений Филиппович за жизнь!

Как и в каждом трудовом коллективе, у войковцев есть немало своих проблем. В частности, здесь высока доля старого оборудования, есть цеха, мало приспособленные к современному производству, изрядная текучка кадров, не хватает молодежи...

— Но и эти узкие места постепенно расшиваем,— говорит Андрей Анищенко, вчерашний выпускник Брянского технологического института. Рослый, с открытой улыбкой, знающий цену времени, а главное, слову, Андрей быстро «вписался» в коллектив. Умение работать с людьми помогло инженеру в короткий срок стать руководителем конвекторного цеха.

...Широко распахиваются заводские ворота, и «КамАЗы» устремляются по Ленинградскому проспекту, спешат к Ярославскому вокзалу. Сегодня продукция завода имени П. Войкова будет отправлена на Урал и в Сибирь, в Казахстан и на Дальний Восток. А это значит, что сибирякам и уральцам будет теплее, прибавится и радости.

Евгений Филиппович Шолкин (слева) дружен с молодежью.

А это Андрей Анищенко, он в центре.

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ «ОКТЯБРЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ»

1917 • 1987

Ленинград — колыбель революции, поэтому первое слово нашим ленинградским читателям.

МОНУМЕНТ ИЛЬИЧУ

К. К. МАРКОВ,
ветеран труда

Снимок, который вы видите рядом с этой заметкой, хранится в моем семейном архиве, и связан он с историей создания памятника Владимиру Ильичу Ленину. Этот монумент, установленный на площади у Финляндского вокзала, знает вся страна. Здесь 3 апреля 1917 года вернувшийся в Россию Ильич выступил с речью перед рабочими, солдатами и матросами, призвал их к свершению социалистической революции.

С создания этого памятника началась моя рабочая биография. Родился и вырос я в деревне Игомель на берегу реки Плюссы, оттуда ушел воевать с Врангелем, был на разных фронтах. А в октябре 1925-го, демобилизовавшись, приехал в Ленинград и по счастливому стечению обстоятельств попал на «Красный выборжец». Специальности у меня, подходящей для города, не было, для начала взяли чернорабочим. Ну, а работу доверили самую светлую: определили в художественную мастерскую, где отливали памятник Владимиру Ильичу.

Он создавался по просьбе ленинградцев. В горсовет и в газеты шли сотни предложений: где ставить памятник, каким ему быть. Во всесоюзном конкурсе на лучший проект участвовало более шестидесяти работ, они были представлены на широкое обсуждение в залах Академии художеств. После длительных дебатов ответственный заказ получили архитекторы В. Щуко, В. Гельфрейх и скульптор С. Евсеев.

А непосредственными исполнителями их замысла стали рабочие «Красного выборжца». Мои обязанности были немудреные: просеивал формовочные пески, загружал их в тележки, отвозил в сушку. И учился. У таких мастеров, как Репин (вот он в первом ряду справа), Михайлов, Титков (они на снимке с сыновьями), у Иванова, Анчукова, Перова (сидят во втором ряду), у Степанова (наверху от меня справа).

Близились Октябрьские праздники 1926 года, сроки поджимали. Уж на что я считался крепким парнем, а уставал. В мастерской нас было человек пятьдесят, но часто приходили товарищи из других цехов, предлагали помощь — всем хотелось приобщиться к такому делу.

Настал торжественный день. Перед тем как вывезти работу на заводской двор, мы все сфотографировались на память. Я забрался на стремянку и оказался выше всех. Теперь, конечно, понимаю, что был дерзок, но никто не ворчал.

Фотографировались тогда люди нечасто, и само по себе это уже считалось событием. Но я и представить себе не мог, что когда-нибудь с этого снимка будут делать копию для заводского музея, расспрашивать, как мы тогда работали, о чем думали.

Конечно, мы гордились, понимали, что не рядовой заказ выполняем. Ни времени, ни старания не жалели. На века трудились...

Частенько я потом приходил к Финляндскому вокзалу, навещал своего Ильича. Отсюда уходил и на Великую Отечественную. Ну, а сейчас правнуки цветы к постаменту приносят.

Трудная судьба выпала Ленинграду, и все-таки иногда задаюсь вопросом: неужто моя фотография осталась единственной? Может, сохранилась такая же еще в чьей-то семье? Очень хотелось бы узнать, как сложилась жизнь людей, вместе с которыми шестьдесят с лишним лет назад работал над монументом, ставшим символом революционного Петрограда.

МАЛЫШ «ФП»

У. З. КАРИМОВ,
ветеран объединения «Кировский завод»

Нынешние добрые перемены, начатая партией перестройка, поистине революционное обновление особенно заметны нам, ветеранам, немало повидавшим на своем веку.

Память невольно переносит меня в далекий 29-й год, когда по путевке биржи труда я пришел на «Красный путиловец» и был определен на сборку «Фордзонов».

В армии был я слесарем, шофером, а здесь попал в подручные к К. Я. Яковлеву, тому самому, кто в 1924 году вывел первый советский трактор на первомайскую демонстрацию.

Константин Яковлевич рассказывал, как, не имея ни чертежей, ни технологии, смастерили они этого первенца. Разобрали американский трактор, обмерили детали и стали делать свои. За несколько месяцев собрали два опытных образца, показали их на демонстрации, а вскоре рискнули отправиться с ними своим ходом из Москвы на Нижегородскую ярмарку.

Начинали кустарно. А через несколько лет счет нашим «Фордзонам-Путиловцам» пошел уже на тысячи. Село в них нуждалось, и мы хорошо помнили ленинскую мечту о ста тысячах тракторов. Однажды, в 1929-м, к нам на рабочее собрание приехали С. М. Киров и В. М. Куйбышев. Куйбышев интересовался, сможем ли мы дать за год сразу десять тысяч машин. Кого-то из специалистов эта цифра смутила, но у рабочих сомнений не было. Реальность такого количества мы не раз обсуждали с Сергеем Мироновичем — он состоял у нас на партучете и был тесно связан с заводом. Подсчитав резервы, краснопутиловцы выступили со встречным предложением — собрать не десять, а двенадцать тысяч тракторов!

Слово свое мы сдержали.

Вот уж не думали в то время, что когда-нибудь наш «ФП» станет музейной редкостью. А случилось так, что трактор, предназначенный для заводского музея, в блокаду работал и погиб при бомбежке. Лишь в 78-м году в Калининской области, в лесу под Конаковом, был найден еще один. Привезли его в Ленинград, позвали меня смотреть. На блоке мотора я увидел цифры — 1930. Комсомольцы взялись за его восстановление, и вскоре «ФП» стоял на заводском дворе рядом с могучим «Кировцем».

Глядел я на него — такой малыш, до кабины «Кировцу» едва достает, а сколько наработал — первые пятилетки, войну на себе вынес.

У нынешних богатырей другие дороги. Сотни тысяч их работают на полях страны, за рубежом, зарекомендовали они себя неплохо. Но хочется большего. Чтобы и славой, и качеством могучие «Кировцы» ни в чем не уступали своему скромному предку, начинавшему строить нашу страну.

Знаю, что об этом беспокоятся и труженики объединения, связывают свои надежды с реконструкцией, обновлением. Но не менее важны моральный, боевой настрой людей, решимость продолжать добрые традиции краснопутиловцев. В этом вижу я преемственность наших поколений.

У стенда Кировского завода в Музее С. М. Кирова.

Эту фотографию я сделал в Сочи в мае 1961 года. Сергей Павлович Королев приехал отдыхать в санаторий. Здесь же отдыхали космонавты во главе с Юрием Гагариным. Гуляя на пляже, я увидел Сергея Павловича Королева у моря на топчане. Он о чем-то думал... Я незаметно сфотографировал его. Тогда еще мир не знал в лицо Главного конструктора. Его знали лишь друзья, коллеги и мы, фото- и кинорепортеры, допущенные к съемкам.

Мне посчастливилось запечатлеть жизнь, быт и подготовку к полету первого отряда советских космонавтов. Академик Королев для них был не только Генеральным конструктором, но и настоящим отцом, непререкаемым авторитетом, самым близким другом.

Снимок, который я предлагаю к 80-летию Сергея Павловича Королева, публикуется впервые.

Игорь СНЕГИРЕВ

КОСМОНАВТ

ПРОФЕССИОНАЛЫ

На вопросы корреспондента «Огонька» Бориса Смирнова отвечает дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией Института физики атмосферы АН СССР Георгий Михайлович ГРЕЧКО.

Есть в нашем языке такое слово — «профессионал», и авторитет этого понятия очень высок: профессионал — это грамотный специалист, это человек, нашедший свое призвание и знающий цену качественной, искусной, со смыслом и с толком сделанной работе. Пожалуй, для нашего времени стал характерен не просто энтузиаст, не наскоро подготовленный «умелец», привыкший все делать «на живую нитку», а тот, кто уже не может работать плохо; иным словом — профессионал.

И кто же лучше расскажет о важности владения своим ремеслом, как не космонавт: профессия сравнительно новая, видная, как сейчас говорят, синтетическая, вобравшая в себя десятки различных специальностей. И еще, если откровенно, выигрышная: уж кого-кого, а космонавта всегда и послушают, и прочитают. К тому же умение говорить и отвечать на вопросы тоже можно считать частью их профессии...

Задумать что-то, как всегда, было легче, чем сделать; две недели я почти через каждый час набирал номера и служебного, и домашнего телефонов космонавта Гречко и уже не раз разговаривал с Георгием Михайловичем, но договориться с ним о встрече все никак не мог: «позвоните через час», «позвоните вечером», «давайте попробуем созвониться завтра» — и все начиналось сначала. Я нисколько не сомневался, что мой неуловимый телефонный собеседник действительно очень занят, и даже составлял себе в уме некий график произвольно взятой недели космонавта: участие в симпозиуме, дела в Госкомитете по науке и технике, прием иностранной делегации по линии Советского комитета защиты мира, ученый совет в своем институте... Можно было сделать вывод, что жить в таком ритме — тоже задача не из простых, что в профессии космонавта (в земной ее части) есть и такая грань — хроническая занятость. Наконец, услышав по телефону в очередной раз голос Гречко, я взмолился:

— Георгий Михайлович, я либо дисквалифицируюсь, сидя вот так у телефона, либо меня просто уволят с работы!

В трубке раздался смех, потом шутливое:

— А я-то надеялся, что вас уже уволили... Ну что же, я постараюсь. Позвоните... через час!

Я позвонил и услышал долгожданное: «Приезжайте!»

...Среднего роста, крепко сложенный человек, знакомая по фотографиям улыбка прищуренных глаз... Сознание того, что рядом с тобой сидит космонавт, не покидает ни на минуту — ведь он один из тех считанных на земном шаре людей, которые видели этот самый земной шар своими глазами, одним взглядом охватывали целые континенты, моря, океаны, наблюдали то, что открывается лишь со стороны,— саму округлость планеты! И все это мы, обычные земляне, в абсолютном своем большинстве — увы! — так никогда и не сможем увидеть, потому что космические полеты еще на долгие годы останутся уделом избранных — вернее, отобранных.

Впрочем, кое-кто стал поговаривать, что и космос теперь «приелся», что интерес к полетам «уже не тот»... А как думает сам космонавт?

— Вполне нормальное отношение к профессии. Например, в годы, когда я был мальчишкой, у всех, что называется, на устах были фамилии Папанина, Кренкеля, Федорова, Ширшова. Скажите, а много ли имен полярников каждый из нас сможет назвать сейчас? А ведь сегодня от полярников толку в тысячи раз больше, чем от той первой экспедиции, и задания у них неизмеримо сложнее, но мы этих людей уже не знаем. То же самое происходит с космонавтами. Гагарина, Титова, Николаева, Поповича, еще ряд имен помнят все. Но вот я, зная сегодняшних космонавтов по именам и фамилиям, по отчествам смогу назвать не каждого, а ведь мы часто общаемся. Что же удивитель-

В ПОЛЕТЕ И НА ЗЕМЛЕ

Эту фотографию Г. М. Гречко выделяет из многих других: «По вымученной улыбке видно, что снимок сделан сразу после сложной тренировки...»

ного, если кто-то даже не скажет, летают ли сию минуту в космосе или нет! Я считаю, вполне естественное течение профессии. В этом смысле ее, наверное, можно сравнить с профессиями летчика-испытателя, моряка-подводника, полярника: с одной стороны, уже нет прежнего ореола новизны, былой эйфории в оценках, а с другой — такие профессии все же никогда не встанут вровень с обычными. Нисколько не умаляя значения других профессий, скажем, трудной, даже опасной работы шоферов или нервной работы продавцов, все же признаем: и на подводниках, и на испытателях, и на полярниках лежит больший груз ответственности. Цена ошибки очень велика! И этим наша профессия будет, наверное, всегда выделяться — необходимостью многое знать, принимать конкретные и точные решения и не ошибаться, хотя это, конечно, невозможно. Все ошибаются, и космонавты тоже.

— Вы хотите сказать, что ваша профессия остается редкой и в то же время ее нельзя считать какой-то исключительной...

— Вообще, знаете, меня всегда удивляли споры о «престижности» и «непрестижности» профессий. Честно говоря, даже пресловутого «дядю Васю», охаянного нашей прессой, я уважаю за его мастерство и расторопность больше, чем какого-нибудь неумеху с «престижной» профессией. Мне всегда интересен человек, досконально знающий свое дело, чем бы он ни занимался. Прекрасный пример такого отношения к людям давал нам Сергей Павлович Королев. Ему как раз в эти дни должно было исполниться восемьдесят лет, мог бы еще жить... Крупнейший ученый с огромной эрудицией, человек энциклопедических знаний, умевший к тому же многое делать своими руками, он собирал вокруг себя, как правило, лучших специалистов, но по характеру людей ершистых, несговорчивых, умевших перед кем угодно постоять за собственное мнение. Для него, для Генерального конструктора, «непрестижных» профессий не существовало, хотя престиж работника, отобранного когда-то Королевым, до сих пор очень высок.

— Жаль, что такой принцип отбора не принят у нас и в других сферах... Кстати, Георгий Михайлович, о проблемах отбора, ведь он для вашей профессии основа основ: раньше ходили прямо-таки легенды о строгостях отбора в космонавты и если хотели сказать, что человек здоров, говорили: может хоть в космос лететь! Сейчас, наверное, требования такого рода при отборе снизились?

— При отборе медики стали терпимее. Но требования не снизились, они как бы сократились. Космонавт по-прежнему обязан быть очень здоровым человеком, но сейчас, например, уже слетали в космос несколько очкариков,— Гречко, улыбаясь, притронулся к карману со своими очками,— а раньше это было исключено. А вообще, отбор усложнился. Неизмеримо возросли требования профессиональные. Кандидату в полет стало необходимо так много знать, так хорошо разбираться в тонкостях и своей, и смежных специальностей, что полеты, кажется, стали бы просто нереальными, не появись у нас многоместных космических кораблей. А три человека — командир, инженер, исследователь — это уже возможность специализации, каждый должен хорошо знать свое дело и немножечко — дело товарищей. Правда, когда возникли экипажи, возникла и проблема психологической совместимости, особенно в длительных полетах. Оказалось, эта проблема настолько значительна, что в отдельных случаях она изменяла весь ход полета. Один раз два прекрасных человека, два профессионала были отстранены от полета за неделю до старта: каждый из них в отдельности мог работать на орбите, а экипажа не получилось. В другом случае пришлось досрочно вернуть корабль на землю...

— Вы только что сказали, что возросли требования чисто профессиональные. Но ведь космонавту, как мы знаем, приходится в полете выполнять самые различные задания — управлять кораблем, заниматься монтажом, сваркой, владеть электроникой, вести биологические эксперименты и так далее. Во всех ли случаях космонавт должен быть истинным профессионалом? Например, все вы занимаетесь на борту фотосъемкой (для меня изо всех ваших дел это, наверное, ближе всего) — так вот, на каком уровне вы должны уметь фотографировать?

— Отвечу таким примером: космонавту Джанибекову было поручено провести эксперимент по сварке на орбите, и он столько узнал об этой операции, так ее освоил, что теперь может посоститься с квалифицированным сварщиком... В полете космонавт должен выполнять любую свою работу безошибочно — мы уже говорили о цене ошибок. Взять ту же фотографию—это, между прочим, больной вопрос. Вот буквально на днях меня привлекли к редактированию одного альбома с фотоснимками из космоса. Сколько лет мы уже летаем, больше двадцати пяти? На орбите сделаны тысячи фотографий, но оказалось, что отобрать из них сотню достойных — проблема. А ведь вроде бы чего проще — «щелкай» направо-налево, все интересно! Во время своего длительного полета мне хотелось снять в Японии гору Фудзияму. Я знал, что у японцев есть альбом ста снимков этой священной для них горы, и решил сделать сто первый снимок. А полет протекает так, что каждую точку Земли мы пролетаем раз в двое суток. И вот проходим над горой в первый раз, я смотрю — она закрыта облаками. Через два дня проходим — то же самое. Третья встреча поздним вечером. Я жду у иллюминатора, вроде бы пора спать, медики с Земли уже теребят, а Фудзияма как-то невыгодно освещена, контраста мало, краски не те. Жду следующей ночи, ставлю будильник. На этот раз вроде все хорошо, и ракурс удачный, но пока я пытаюсь выстроить кадр, конструкция станции прикрывает гору, и снимать бесполезно. И так целую неделю. Ну, с Фудзиямой понятно, как-никак гора, ее легко можно найти, а если объект мелкий? Ты же быстро проносишься, пока разглядишь — что-то уже изменилось. Короче говоря, нужна настоящая репортерская реакция, умение так «попасть» в кадр, чтобы сделать его по-настоящему профессионально, чтобы им можно было любоваться... Я уж не говорю о том, что каждый кадр на орбите должен получиться четким, контрастным — ведь он, как правило, неповторим...

— Ну, а Фудзияму-то снять все же удалось?

— Да, удалось! Кажется, неплохо получилось, и, говорят, японцам тоже понравилось. Правда, снимку повезло больше, чем мне,— он поехал в Японию... Но мне потом рассказали, что там его перепечатывали неоднократно. Вообще-то я могу, наверное, немножко гордиться! За восемь лет, что прошли после моего самого длительного полета, другие космонавты очень много и удачно снимали, а все же и мои снимки до сих пор часто встречаются в разных изданиях! — с явным удовольствием говорит космонавт, и я нисколько не осуждаю его за нотки авторского самолюбия: уж если Гречко, такой осторожный в оценках, позволил похвалить себя — значит, он действительно вложил в это дело всю душу. Без чего, между прочим, не стоит и брать в руки фотоаппарат...

— Наболевшим я считаю этот вопрос потому, что у нас огромные деньги тратятся на самое совершенное оборудование, на первоклассную аппаратуру, а вот на фотопленке решили сэкономить какие-то рубли! Предлагают нам ту, что подешевле, и конечный результат — сам фотоснимок — заметно теряет качество. У англичан есть на такой случай известная поговорка: «Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи».

Это и на Земле верно, а в космосе — тем более. Там все делается дороже. Например, провести телерепортаж на орбите на две-три минуты: нужно задумать его, разработать планы, найти ход, освещение выставить, о звуке позаботиться, сделать, чтобы провода в кадр не лезли... В общем, мы с Юрой Романенко готовили один двухминутный репортаж

КОСМОНАВТ В ПОЛЕТЕ И НА ЗЕМЛЕ

для программы «Время» полтора часа. Потом нам заказали сделать два репортажа, мы их сделали, но попросили больше таких заданий не давать — это нас выбивало из рабочего режима. А ведь кто-то может сказать — мол, капризничают космонавты, здесь и дел всего-то: открыл рот на две минуты, поговорил — и все в порядке!

— Где же комиссия по отбору в космонавты будет находить таких людей, которые должны все уметь, все знать, во всем разбираться?

— А таких людей просто не существует, как не существует идеальных летчиков, подводников и так далее. Мы пока не научились выращивать людей в пробирках, генная инженерия пока до этого не дошла—может, к счастью! Мы отбираем из числа живых людей, из уже сформировавшихся, конкретных людей, и выбирать надо лучших — тех, кто блестяще владеет основной своей профессией и еще парочкой смежных. А найти такого, кто все может в совершенстве, немыслимо. То, чего кандидату в полет не хватает, должно быть приобретено в процессе учебы. И экипаж подбирается так, чтобы космонавты в полете друг друга дополняли.

— Георгий Михайлович, известно, что вы кандидат в мастера спорта по автогонкам, горнолыжник. Скажите, а вот эти ваши занятия как-то пригодились в космосе?

— Ну, то, что я знаю, каким ключом выкручивается автомобильная свеча, напрямую в космосе мне не пригодилось! Но я абсолютно уверен, что без увлечения автоспортом, без горных лыж, без подводного плавания космонавта из меня не получилось бы... Конечно, не только это — я скажу о другом позже,— но умение владеть техникой в условиях повышенной опасности космонавту совершенно необходимо. Ведь страх — естественное состояние психики, это защитная реакция организма, выработанная миллионами лет эволюции, и подавить такое чувство в себе не так-то просто. Я глубоко убежден, что человек, просидевший всю жизнь за своим письменным столом и не изведавший опасности, страшнее, чем укол скрепкой для бумаги, не сможет так же, как за столом, спокойно и точно работать, попав в какие-то экстремальные условия. Уж, во всяком случае, в космосе.

— Значит, вы считаете, что и автогонки, и горные лыжи должны быть обязательными для этой профессии?

— Нет, желательными. Например, в автогонках из всех космонавтов участвовал только я и, должен признаться, поступал иногда легкомысленно — выступал в соревнованиях за несколько месяцев до старта. Теперь вижу — это мальчишество, нельзя было рисковать... А горными лыжами и горным туризмом у нас увлекаются очень многие космонавты. Можно использовать, конечно, и другие виды спорта,— скажу только, что навыки высоты, скорости, умение владеть собой в опасной ситуации в нашем деле необходимы. И их надо получать в молодости, потому что потом, в зрелые годы, сделать это уже гораздо сложнее. Да и некогда уже будет этим заниматься...

— А психологическая подготовка? Я имею в виду проблему совместимости...

— Здесь совсем другое дело. Надо просто быть приличным человеком еще до того, как ты собрался в космонавты. Еще надо быть спокойным человеком, но не равнодушным! Надо уметь работать в коллективе, уметь строить отношения с людьми, и чувство юмора необходимо — этому не научишь! Вот видите, мы здесь описали какого-то идеального космонавта. В реальной жизни такого встретить, наверное, невозможно, но приблизиться к идеалу нужно. За что и люблю космонавтику — ей надо отдать себя целиком, начиная с детства.

— Но ведь в годы вашего детства о космонавтах еще не слыхали...

— Почему же, тогда были просто другие термины. А я мечтал о ракетах, о межпланетных полетах, увлекался фантастикой. Можно сказать, уже с пятого-шестого класса шел к свой цели — не то чтобы напролом, работая локтями, нет, готовился исподволь. Читал книги, освоил горные лыжи, прыгал с парашютом. Делал, конечно, и глупости — заставлял себя ходить по стреле башенного крана! Конечно, это глупость большая, я только потом понял, что повышенная опасность должна быть умной, когда занялся планеризмом, мотоциклетным спортом. Да, поэтому я и говорю, что готовился к космосу всю жизнь, и это мне в жизни очень пригодилось. Хотя жизнь — такая штука... Я ведь при всем этом элементарно мог и не стать космонавтом! У меня рост сто семьдесят четыре с половиной сантиметра, а когда проходил отборочную комиссию — это было в 1964 году,— в космонавты не брали людей с ростом более ста семидесяти пяти. Будь я на сантиметр длиннее — и не помогли бы ни книги, ни спорт, ни мой горячий энтузиазм! Но в чем я уверен — все равно, стал бы я космонавтом или нет,— весь тот путь, который я проделал с детства, привел бы меня к достойной цели. И вне космонавтики можно быть прекрасным специалистом, иметь массу друзей, заниматься достойным делом — короче, быть счастливым человеком. Ведь есть профессиональные специалисты, и нет профессиональных счастливчиков!

— Но, Георгий Михайлович, считается как раз наоборот: раз космонавт — значит, счастливчик, баловень судьбы! Как вы вообще расцениваете то, что о вас, космонавтах, пишут в печати, нет ли тут уже некоего стереотипа...

— Есть, к сожалению. Не от нас зависит, что нас изображают какими-то одинаковыми, безгрешными, голубоглазыми, «принимающими мгновенно единственно правильное решение». Все мы бредим стихами, а уж Шекспир — у каждого под подушкой! Я, например, узнал о себе, что «читаю Блейка в оригинале». Да, я читаю английские книги, но только не поэзию, так зачем же меня придумывать? Вот когда о нас писал журналист Ярослав Голованов, мы узнавали его стиль даже без подписи—он умел докопаться до сути. Ведь если подойти поверхностно, мы люди с обычными биографиями, и журналистам надо хорошо знать свое дело — быть профессиональными! — чтобы разглядеть в этой обычности какие-то неповторимые, индивидуальные человеческие черты. Каждый из моих собратьев по профессии — личность; умейте увидеть характер, найти образ. А описывать «стальные мускулы» или приписывать Блейка куда проще.

И неприятностей у нас достаточно... Стереотип, о котором вы говорите, сложился не только в характеристике космонавтов, но и в описании нашей работы.

— ...Самочувствие хорошее, аппаратура работает нормально, полет по программе...

— Вот, вот! А ведь техника, какой бы совершенной она ни считалась,— это только техника, у нее и отказы бывают, и непредвиденные ситуации возникают. Правдиво говорить о чрезвычайных происшествиях с космонавтами не значит потакать праздному любопытству. Раньше, когда — по сообщениям в печати — в наших делах все было всегда хорошо, общественное мнение невольно склонялось к какой-то привычной непогрешимости техники, к невозможности происшествий. И если они все же случались, то вместо информации ползли всякие слухи, рождались нелепые легенды. И главное — терялось доверие к новой информации, невинное «умолчание» перерастало в социальное зло.

— Такая позиция объяснялась тем, что, мол, нельзя принижать авторитет наших достижений в космосе...

— Человек, который внес огромный вклад в развитие советской космонавтики — Сергей Павлович Королев,— говорил по этому поводу так: «Лучшее — это враг хорошего». Стремление причесать, пригладить, улучшить впечатление от наших космических побед принесло только вред общему делу — я уже говорил об этом много месяцев назад на страницах газеты «Правда». Почему жители нашей страны последними узнают о каких-то наших неудачах, о которых давно уже знает весь мир? Ведь информацию о космосе сейчас утаить невозможно, и когда у нас спустя несколько лет вдруг признаются в том, что раньше отрицали,— страдает доверие и к прессе, и к космонавтике. Здесь есть и прямые просчеты: у нас в стране, например, ничего не сообщалось о том случае, когда система аварийного спасения успешно сработала и спасла жизни наших космонавтов за секунды до происшествия. На фоне трагедии с «Чэлленджером» такая информация могла стать свидетельством надежности нашей техники, но мы промолчали и дали повод позлословить нашим идеологическим противникам... Вот видите, космос не только нам, космонавтам, не прощает ошибок!

Так неожиданно повернулся наш разговор о профессиях. И это закономерно: мой собеседник не мог не прийти в своих выводах к вопросам, выходящим за рамки его профессии, пусть даже самой современной. А ведь в каждой профессии есть свои проблемы и свои высоты — не менее важные, чем космические.

Валерий Александрович возвращался домой из райкома пешком по пустынной в этот час улице. Накопившаяся в душе боль не давала спокойно все обдумать. Почему члены бюро не выслушали его? Некогда было? Или просто не захотели? А может, все заранее было предрешено? И разве желание работать представителем Госприемки на своем заводе означает, что он «ставит личные интересы выше общественных»? Пришел домой уже после одиннадцати. Дети спали. На кухне горел свет — обеспокоенные мать и жена терпеливо ждали его. Постнов знал: у них теперь впереди бессонная ночь. Он снял куртку, пригладил волосы и, стараясь не шуметь, пошел на кухню, машинально сорвав листок отрывного настенного календаря: завершался день, который Валерий Александрович запомнит отныне на всю жизнь,— 23 октября 1986 года.

...На следующее утро слух о том, что кадровый работник «Фрезера», заместитель начальника цеха Постнов исключен из партии и по распоряжению генерального директора, вопреки закону лишен пропуска для входа на предприятие, разошелся по заводу в считанные часы. Пропуск у Валерия Александровича вахтеры отобрали демонстративно, с ухмылкой. Люди, торопившиеся на работу, задерживались в проходной, с удивлением наблюдая за происходящим: Постнова знали многие. Кто-то сказал громко: «Ай да директор! Не мытьем, так катаньем, но своего добьется!» Валерий Александрович оглянулся. Заводчане, столпившиеся вокруг, по-разному смотрели на него. В глазах одних он прочитал искреннее сочувствие и обиду за него, в других — недоумение и тревогу, в третьих — плохо скрываемое осуждение.

Прервем ненадолго рассказ о судьбе инженера Постнова и попытаемся понять, что за «порядок» установился на «Фрезере» в последние годы. Не в нем ли истоки предельно обострившегося сегодня конфликта?

Сотрудничество с органами Госприемки Госстандарта СССР началось на «Фрезере» гораздо раньше, чем на всех остальных предприятиях Москвы,— два с лишним года назад. Об этом много говорилось в печати, по радио и телевидению. Казалось, еще немного — и столь длительный эксперимент завершится успешным итогом, положительным опытом, полезным для всей страны. Однако качество выпускаемых на «Фрезере» изделий по-прежнему оставляло желать лучшего. В чем причина?

Одна из самых главных задач органов вневедомственного контроля, Госприемки — «состыковать» внутризаводскую техническую документацию и так называемые заводские стандарты с государственными. Чтобы готовая продукция принималась вовремя, без многократных возвратов «на доработку», разумеется, надо вовремя устранить на предприятии все причины, приводящие к дефектам и отступлениям от стандартов, и документально все оформить. Но на заводе стала складываться иная практика. Руководство предприятия почему-то решило: вот этот стандарт важен для нас, а этот — не очень. К чему же это привело в результате?

Рассказ первого заместителя начальника Главного управления Государственной приемки Госстандарта СССР Бориса Петровича Чумакова, записанный на диктофон:

«На «Фрезере» произошла такая история.

В 1986 году введено дополнение к Государственному стандарту по производству сверл, предусматривающее, чтобы при проверке их представителями Госприемки не пропу-

— Есть предложение исключить товарища Постнова из рядов КПСС. Кто «за»!

Секретарь райкома партии поднял руку, и члены бюро дружно проголосовали вместе с ним.

— Против!.. Воздержавшиеся! Нет... Принято единогласно...

«Вот как это в жизни бывает,— с тоской подумал Постнов.— Раньше об этом только в книжках читал. Думал: со мной такого никогда не случится...»

Первый секретарь, повернувшись к нему, сказал жестко:

— Из Госприемки мы тебя уберем совсем! Ты наверняка будешь вести себя предвзято по отношению к коллективу при оценке качества продукции...

— Зачем вы так!! — не сдержался Постнов. Ему все еще казалось, что это происходит не с ним.— Я не собирался...

— Все!— заключил секретарь райкома.— Можешь идти...

«УКРОЩЕНИЕ» ГОСИНСПЕКТОРА

Александр МИЛЬЧАКОВ

скалось ни одного, я подчеркиваю, ни одного дефектного сверла.

Предъявляемая органам вневедомственного контроля партия изделий (скажем, тысяча сверл), естественно, представителем Госприемки не может быть проверена в полном объеме — просто не хватит сил! Для этого существуют специальные методы контроля, когда представителю Госприемки предъявляется определенная часть, «выборка» от этой партии, по результатам проверки которой он оценивает качество всей предъявляемой продукции. Существующими ранее нормативными документами предусматривалось, что в этой «выборке» могли быть отступления от нормативных требований: по толщине и длине сверла, углу заточки и так далее.

Когда было введено это дополнение, которое поставило вопрос так, что дефектных или не соответствующих требованию технической документации сверл в «выборке» не должно быть вообще, предприятие по этому производству практически остановилось. Не готов «Фрезер» оказался к тому, чтобы брака или несоответствия требованиям конструкторской документации в продукции, которую он выпускает, не было.

Непреложный закон Госприемки — ни в коем случае не допускать отклонений от государственных стандартов! И сколько мы ни ставили перед руководством завода вопрос о том, что заданные точности не выдерживаются при изготовлении сверл, к нашим рекомендациям так и не прислушались...»

Как вы убедились, на «Фрезере» для работников органов Госприемки сложилась ситуация не из легких. Ясно было только одно: разрешения на выпуск некондиционной продукции (как это случалось ранее) представитель Госприемки теперь уже не даст никогда...

Все эти сложности молодой инженер Постнов реально представлял себе, когда летом нынешнего года ему было сделано официальное предложение Госстандартом СССР стать представителем Госприемки на заводе «Фрезер». Более того, это предложение совпало с его желанием трудиться именно там. Пять лет предшествующей работы контрольным мастером, обстановка принципиальности и высокой требовательности, которую сумел создать в контрольной службе начальник ОТК, а ныне главный инженер завода Владимир Федорович Буторин, сделали свое дело, утвердили в начинающем инженере острую нетерпимость к просчетам в организации труда, технологии, к браку, нежелание мириться с низким качеством изделий. Именно эти черты характера сразу приметил в Постнове руководитель Госприемки на заводе «Фрезер» Валерий Иванович Кузьмин.

— Из чего мы еще исходили, предложив Постнову работать у нас? — объясняет Валерий Иванович.— Он трудится на заводе десять лет. Хорошо знает производство и очень четко представляет, за счет чего можно добиться улучшения качества продукции. Активный рационализатор, коммунист, он, бесспорно, сможет оказать немалую пользу, работая в Госприемке.

Рассказ Валерия Александровича Постнова, записанный на диктофон:

«Новая работа показалась мне интересной, хотя и очень трудной: ведь тут важно перестроить психологически многие службы предприятия. За долгие годы работы я знаю, где искать скрытые резервы улучшения качества продукции. Здесь важны не столько наказания за плохое качество выпускаемых изделий, сколько доскональное знание особенностей дела и психологическая перестройка работников, реальная помощь тем, кто хочет выпускать изделия на высоком уровне, но в силу своей неопытности не может пока этого добиться. Вот этими перспективами и привлекло меня предложение Госстандарта СССР. Я написал официальное заявление на имя генерального директора завода с просьбой направить меня в порядке перевода в органы Государственной приемки. Партийное бюро цеха поддержало мое желание, дав согласие снять меня с партийного учета, и ходатайствовало перед администрацией о моем переводе на новую работу...»

Из рассказа секретаря партийной организации цеха специального режущего инструмента Валентины Павловны Максимовой, записанного на диктофон:

«Мы рассуждали, что это дело — государственное и в приемку кадры должны пойти знающие, толковые, глубоко разбирающиеся в вопросах повышения качества продукции. Характеристику мы дали ему хорошую. В характеристике мы написали, что он и рационализацией в цехе занимался, много сил отдавал (в последний год особенно) освоению новой техники, которую мы выпускаем теперь. Он у нас и политшколу вел, и другие ответственные поручения выполнял, и редактором стенной газеты был. Мы сочли, что он может работать в Госприемке. Решение партбюро было единогласным»...

Казалось бы, чего ж еще? Но вот тут-то в нашей истории и происходит крутой поворот.

Поначалу дав согласие представителю Госстандарта СССР на перевод Постнова в Госприемку, затем на заявлении Валерия Александровича генеральный директор Владимир Львович Пащенко пишет такую резолюцию секретарю парткома завода: «Товарищу Привалову! Прошу рассмотреть в партийном порядке. Он является перспективным работником. Его несколько лет готовили на руководящую должность — и его поступок не соответствует сознательности коммуниста» (цитирую дословно).

Где же логика в оценке деловых качеств молодого инженера и его так называемого «поступка»? Постнов — растущий специалист, хочет заняться важной, трудной и перспективной для завода работой, а его упрекают в несознательности. Более того, прослышав, будто бы в личной беседе Постнов кому-то сказал, что, работая в Госприемке, он не пропустит ни одного бракованного изделия, директор вызвал его к себе и тоном, не оставляющим никаких надежд, сказал: «Запомни: в Госприемке ты никогда работать не будешь! Пока не поздно, забери заявление!»

Хотя это выглядело откровенной угрозой, Валерий Александрович не согласился взять заявление обратно.

Партком завода не счел нужным прислушаться к мнению трудового коллектива, к решению первичной партийной организации, рекомендовавшей Постнова на новую работу. Постнову предложили: либо он остается работать на заводе, либо ему будет объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку «за увольнение с завода без согласия парткома». Валерий Александрович настаивал на своем желании перейти работать в Госприемку и в итоге получил строгий выговор с занесением в учетную карточку. Заметим, что три члена парткома, в том числе генеральный директор товарищ Пащенко и председатель профкома товарищ Максименко, предложили даже исключить Постнова из рядов КПСС.

Так молодой еще коммунист и человек (ему 31 год) получил наглядный урок формального, предвзятого отношения к себе и к тому важному делу, которому хотел себя посвятить. Но другой, еще более жесткий урок был, оказывается, впереди. Постнова вызывают на бюро Волгоградского райкома партии. Попросив посмотреть партийный билет и передавая его из рук в руки, члены бюро снова предлагают ему остаться на заводе на прежней работе. Валерий Александрович говорит, что хочет перейти работать в Госприемку. Его обвиняют в том, что он дезертирует с производства, преследует корыстные цели, ищет работу полегче, а зарплату повыше. «Нет»,— не соглашается Постнов. И объясняет свой переход тем, что новую свою работу считает очень важной, может там принести пользу не меньшую. Поступает предложение об исключении Валерия Александровича из партии за то, что он ставит личные интересы выше общественных. Предложение принимается единогласно. Потрясенный Постнов покидает заседание бюро.

...Все это, напомним, произошло 23 октября 1986 года. Назавтра вахтеры в проходной отобрали у Постнова пропуск на завод. Теперь каждый день Валерий Александрович являлся в проходную к началу рабочего дня. Его, естественно, не пускали на территорию завода. Валерий Александрович звонил по телефону руководителю Госприемки Кузьмину. Тот связывался с дирекцией и терпеливо просил пропустить на предприятие нового сотрудника Госприемки, потому что Госстандарт СССР принял на работу Постнова, несмотря ни на что. Директор долго отказывался, а потом все-таки разрешил выдать Постнову разовый пропуск. И такая унизительная процедура продолжалась около двух недель.

Разумеется, эта история не могла не взбудоражить заводской коллектив.

Из рассказа секретаря цеховой партийной организации Валентины Павловны Максимовой:

«Я защищала наше решение на парткоме, но его просто игнорировали».

А вот мнение рабочего, коммуниста, члена заводского профкома Юрия Андреевича Проскурина, много лет проработавшего рядом с Постновым в одном цехе:

«Когда я узнал о решении бюро райкома, я не мог понять, как все это произойти могло. Как могло случиться, что наш товарищ оказался в таком почти катастрофическом положении?! Мне непонятно решение райкома партии: за что Постнова исключили? Ситуация просто не укладывается в голове. Непонятно... Его же до этого хотели продвигать: назначить начальником цеха—и вдруг?! Логики в этих действиях, ну, никакой, никакой по моим понятиям. Учитывая, как он относился к своей работе, с ним никак нельзя было так поступать...»

Откровенно сознаемся, Юрий Андреевич, нам они тоже непонятны. Не говоря уже о том, какой печальный след оставило принятое решение в душе коммуниста, оно пагубно сказалось и на обстановке в коллективе: ведь совершена явная несправедливость — и люди отлично это сознают! И разве принятое решение может помочь утверждению в стиле работы партийных и хозяйственных руководителей завода внимания к человеку, к его интересам, стремлениям, его судьбе, наконец? Разве это

не должно волновать руководителей прежде всего? Но на «Фрезере», похоже, забыли об этом, и в райкоме партии не напомнили. Ну, и для полноты картины не можем снова не сказать о том, как осложнилась обстановка на заводе в связи с введением Госприемки.

С самого начала ясно было, что переход на нее будет проходить небезболезненно. Поэтому чрезвычайно важным было перед 1 января 1987 года успеть «состыковать» внутризаводскую техническую документацию с технологией, комплектующими изделиями, инструментом. На «Фрезере» этого не сделали. Почему? Ведь сотрудничать с Госприемкой начали раньше всех; об этом поспешили дать интервью во многих центральных и городских газетах... Не сумели? А может, просто не захотели? Быть может, слишком рано раздавшийся гром оваций в адрес руководства завода за инициативу «по благотворному сотрудничеству с Госприемкой» прежде времени вскружил голову руководству «Фрезера»? Так или иначе, но отступления от государственных стандартов здесь продолжаются. Руководству предприятия прислушаться бы своевременно к рекомендациям Госприемки, создать ей нормальные условия для работы, но на заводе выбрали другой путь — игнорирование ее полезных рекомендаций. И стоит ли тогда удивляться, что переход знающего, умеющего настоять на своем молодого инженера Постнова в органы Госприемки вызвал столь неприязненное, нетерпимое отношение?..

Чего же все-таки добивались директор завода Пащенко и секретарь парткома Привалов? Для полной ясности приведем еще один пример. Вскоре по заводскому радио прозвучала передача, где один из ветеранов производства сказал в адрес создаваемой на предприятии Госприемки такие слова: «Оклады понадавали всем им большие, а исполняют работу всего лишь контролеров самого низшего разряда».

Судьба инженера Постнова и содержание радиопередачи наводят на мысль, что действия руководителей предприятия были направлены к одной цели: скомпрометировать, подорвать авторитет органов вневедомственного контроля, «нокаутировать» их еще до начала активной работы. И анализируя чрезвычайное происшествие, случившееся на «Фрезере», приходишь к выводу, что там распространяется опаснейшее социальное явление, способное породить в рабочем коллективе убеждение, будто «начальству все позволено». Наперед скажем: нет!

Живет в иных неистребимая надежда: пошумит-де перестройка и перестанет, придут через некоторое время милые их сердцу тишина и покой, возродятся былые привычки, исчезнет, наконец, пренеприятнейшая штука — гласность и вновь можно будет заменить подлинную работу дутыми бумажными показателями, справками и узаконенным враньем.

Размышляя о событиях, происшедших на «Фрезере», еще яснее осознаешь: конфликт обострился в столкновении за принципиальные основы перестройки. Да, нелегкое это дело — перестройка, ибо она — борьба!

* * *

24 декабря 1986 года бюро МГК КПСС отменило решение Волгоградского райкома партии как неправильное. Инженер В. А. Постнов восстановлен в рядах КПСС. Но точку пока еще ставить рано. Бюро МГК КПСС поручило бюро Волгоградского райкома партии тщательно расследовать действия генерального директора завода «Фрезер» В. Л. Пащенко и секретаря парткома завода В. Е. Привалова в отношении коллектива Госприемки предприятия, а также лично инженера В. А. Постнова и принять соответствующее решение. О результатах расследования мы сообщим читателям.

Владимир **АБАРИНОВ,** *фото* *Сергея* **БЕРМЕНЬЕВА**

ПО ОБЕ СТОРОНЫ АФИШИ

На этой фотографии Эми Стюарт написала: «Журналу «Огонек» с наилучшими пожеланиями».

Эми Стюарт впервые посетила нашу страну, и тем не менее вряд ли есть необходимость представлять ее истинным меломанам. Те, кому удалось побывать на концертах в Таллине, Ленинграде, Москве, Киеве или Вильнюсе, получили возможность составить собственное мнение о том, что же такое Бродвей — термин столь же расхожий, что и Голливуд, и, увы, столь же туманный. Конечно, Эми — не весь Бродвей, но и Бродвей — не вся Эми! Пять лет она жила в Англии, теперь живет в Италии.

— Я иду навстречу любой культуре,— говорит Эми,— хочу усвоить все лучшее, что есть в каждой из них. Это помогает мне понять других, помогает мне самой быть лучше.

В том, что это не пустые слова, зрители могли убедиться, когда Эми, старательно выговаривая русский текст, исполнила песню Исаака Дунаевского «Спасибо, сердце».

На вопрос, в чем секрет успеха, Эми отвечает так:

— Артисту нужна удача. Артист должен быть современным — не забегать вперед и не плестись в хвосте, а точно соответствовать духу своего времени. Но главное — нужна жажда победить. Это та внутренняя сила, которая делает артиста личностью. Примеры? Джеймс Дин, Дайана Росс.

Быть современным. Но времена меняются — должен ли вслед за ними меняться и артист?

— Да, но только улучшаясь. Важно быть честным перед самим собой. Публика очень внимательна к своим кумирам и сразу замечает малейшую фальшь. Настоящий артист меняется не потому, что так желает публика, а потому, что испытывает потребность совершенствоваться.

На сцене Эми Стюарт непредсказуема. Она любит менять местами номера, ведет живой и остроумный диалог с публикой; она просто не умеет быть одной и той же два вечера подряд.

Тем труднее была задача, стоящая перед ведущим концертов Александром Воронковым. Надо сказать, что амплуа это на нашей сегодняшней эстраде из редчайших. Это не «старый добрый» конферанс, хотя нельзя не заметить, что Воронков усвоил лучшие традиции жанра. Это и не синхронный перевод, хотя именно благодаря Александру Эми, как она заявила в интервью вашему корреспонденту, совершенно не ощущала языкового барьера. Полагаю, в случае с А. Воронковым мы вправе вести речь о новой сценической профессии — эстрадный комментатор.

К сожалению, в гастрольной поездке по нашей стране Эми Стюарт суждено было испытать не только приятные минуты («Мы оказались в распростертых объятиях советских людей»,— говорит она), но и столкнуться с серьезными творческими проблемами.

Уже в Таллине возникла реальная опасность болезни связок. В Ленинграде ситуация осложнилась до крайности. И вот через наш журнал Эми еще раз сердечно благодарит известного ленинградского отоларинголога профессора Татьяну Шамшеву, которая выручила из беды нашу гостью, проявив при этом настоящий талант, высокий профессионализм и терпение.

Но 12 декабря перед выездом на концерт выяснилось, что тяжело заболела Патриция Хэйвен — солистка вокального дуэта, сопровождавшего выступления Эми Стюарт. Естественно, не смог работать и ее партнер Дэвид Камерун.

Именно на этом концерте Эми проявила свои лучшие профессиональные качества: артистизм, дар импровизации, работоспособность. Надо было видеть, как самозабвенно помогали ей музыканты; участие в концерте принял даже один из осветителей, исполнивший (не умею выразиться точнее) «партию микрофона», в который он дудел, как на духовом инструменте. На высоте оказался и Александр Воронков. И ни о чем не подозревавшие зрители не остались в долгу: они были в тот вечер особенно отзывчивы и активны.

...Сегодня, когда гастроли Эми Стюарт позади, имеет смысл поговорить о деятельности Госконцерта СССР.

Прежде всего бросается в глаза несоответствие залов зрелищу. В Таллине Эми пела в зале на 4000 мест — такая площадка идеально отвечает ее творческой манере. Что касается Дворца спорта в Лужниках, то здесь было неуютно и ей, и, конечно же, зрителям верхних рядов трибун, которые, надо полагать, чувствовали себя обделенными.

А рекламное обеспечение гастролей? Почему московские зрители Эми Стюарт не получили даже тех более чем скромных программок, которые были в распоряжении ленинградцев? Неужели Гостелерадио не располагает видеоматериалами об Эми Стюарт, которыми следовало предварить гастроли? Объективности ради надо упомянуть сюжет в программе «Время», однако и он был показан не на второй, скажем, день таллинских концертов (на то она и программа «Время», чтобы проявлять оперативность), а уже в середине московской недели. Грустно говорить и о том, что музыкальная редакция ЦТ не сочла нужным записать выступление Эми Стюарт. В тех же — не лучших — традициях работает и фирма «Мелодия»: почему, собственно, пластинки зарубежных исполнителей выходят у нас не до, а после их гастролей в СССР?

Госконцерт в промашках телевидения и «Мелодии», естественно, не виноват, но разве он не заинтересован в сотрудничестве с ними? Разве не он должен проявлять инициативу, заблаговременно обращаться с предложениями, всячески содействовать, организовывать рекламу? Возможно, неискушенный читатель (он же зритель) полагает, что именно так обычно и происходит: Госконцерт просит, Гостелерадио отказывает. Как раз наоборот: просит Гостелерадио, а Госконцерт волен разрешить или отказать, причем в случае согласия взимает с телевизионщиков деньги. А ведь это все равно что, поместив в газете объявление, требовать от газеты же гонорар.

Отдельного упрека заслуживает наша музыкальная пресса: вспомнит ли кто из читателей рецензию на концерты зарубежного артиста? Немудрено, что Госконцерт, оказавшись вне поля зрения критики, не видит многих недостатков в своей работе, направляя все новых и новых исполнителей по одним и тем же накатанным рельсам. Под «рельсами» я разумею не только гастрольные маршруты, отличающиеся завидным однообразием, но прежде всего творческую сторону дела. Бедно, скудно оформлены концерты зарубежных исполнителей, отсутствует сколько-нибудь продуманная режиссура.

Полагаю, и читателям есть о чем спросить руководителей Госконцерта, в частности начальника отдела организации гастролей зарубежных исполнителей Владимира Тимошенкова, который, мы надеемся, ждет ваших писем.

М. Ф. БРИ-БЕЙН.
1892—1971.
Женщины-радистки. 1930.

ПАЛИТРА
ЭРЫ
ОКТЯБРЯ

В 1920—30-е годы произведения Марии Феликсовны Бри-Бейн часто появляются на выставках Ассоциации художников революционной России, членом которой она была.

В последующие годы имя художницы было незаслуженно забыто. Только в начале 1980-х годов в собрание Государственной Третьяковской галереи поступили две работы М. Ф. Бри-Бейн из архива произведений искусства в Загорске. Одна из них —«Женщины-радистки»— ныне экспонируется в залах галереи на выставке «Этапы большого пути».

В композиции картины главенствует геометрический принцип. Избегая детализации, художница обобщает фигуры, предметы, так как главное для автора — создать образ женщины той эпохи. Написанная в начале тридцатых годов, эта картина несет в себе характерные черты времени.

А. А. ЛАБАС.
1900—1983.
В полете. 1935.

Искусство известного советского живописца Александра Аркадьевича Лабаса необычайно многогранно. Он автор тематических полотен, портретов, пейзажей, натюрмортов. Интересны его графика, акварели, книжные иллюстрации, а также сценография.

Художника всегда привлекали новые темы, рожденные XX веком. Он изобретает фантастические сюжеты для таких своих работ, как «Город будущего», «Полет на Луну»... Многие произведения Лабаса можно условно объединить в серии. Так, над серией «Авиация» он начал работать в 1926 году и возвращался к ней много раз на протяжении всей жизни.

Картина «В полете», находящаяся ныне в Третьяковской галерее,— одно из лучших произведений художника тридцатых годов. В работе не только воплотилось увлечение Лабаса новыми явлениями жизни и техники, выраженными современным художественным языком, но и получила развитие лирическая линия его творчества. Отступая от правил линейной перспективы, как бы накладывая друг на друга близкий и дальний планы, художник достигает этим ощущения свободного плавного движения.

Татьяна МИХИЕНКО

Юрий НАГИБИН

БЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЕРДЦА

ПОПЫТКА ВОСПОМИНАНИЙ

Как снежок на Москве, заводил кавардак гоголек,
Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок.

О. МАНДЕЛЬШТАМ

Я всегда завидовал людям, умеющим писать воспоминания. За последнее время мне попалось несколько сборников, посвященных писателям, которых я близко знал. И мне предлагали поделиться своими воспоминаниями о них, но я отказывался, за что навлек упреки в равнодушии, душевной сухости и лени. На самом деле тут было прямо противоположное: слишком сильно — порой до болезненности — ощущал я этих людей при жизни, что мешало работе наблюдения и запоминания. И еще — органическое отсутствие во мне той бытовой, уютной ноты, что считается необходимой для воспоминательной литературы.

Стараясь понять свою незадачу, я вчитывался в воспоминания о Юрии Карловиче Олеше. В целом сборник оставляет ощущение верхоглядства, но в отдельных очерках есть точные, даже глубокие наблюдения, остроумие, изящество, напоминающее литературный и жизненный стиль Олеши — мемуаристы изо всех сил, порой небезуспешно, тянулись за славной тенью. Вместе с тем меня томило чувство, что, за редчайшим исключением, никто из них не любил его по-настоящему и, уж во всяком случае, не дрожал над горестной, надломившейся на полдороге судьбой. Может быть, поэтому все так хорошо запомнили его словечки, шутки, подробности поведения, житейскую шелуху личности. Нередко в трезвом прищуре зрится острый, приметливый, порой очарованный, но никогда не зачарованный зрак. Вот я и договорился до того, что понял свою незадачу в качестве мемуариста: я смотрел на него з а ч а р о в а н н ы м взглядом, как и на Пастернака, Платонова, Зощенко, Коненкова, Фалька, о которых тоже не смог написать.

Лишь раз я легко и естественно принял участие в сборнике воспоминаний, посвященных знаменитому, радостно талантливому писателю, и хотя встречался с ним куда реже, нежели с Олешей или Платоновым, вспомнил немало такого, что не задержалось в памяти других мемуаристов. Близ него мое сознание не туманилось, шла обычная работа внимания и памяти, позволяющая мне быть писателем.

Генрих Густавович Нейгауз принадлежал к числу тех, в присутствии которых меня расшибало громом, как говорят сицилийцы. Слишком значительным оказалось его появление в моей жизни.

Мне уже доводилось рассказывать, как сложно соединился я с музыкой, ставшей для меня третьей необходимостью после литературы и живописи. Немилостивая судьба отказала мне в музыкальном слухе; друзья уверяют, что я лишен не слуха, а способности воспроизвести мелодию, которую слышу таинственным внутренним ухом — где оно, интересно, находится? В музыку меня втащил Лемешев, на котором я тяжело помешался, и очень долго моя тугоухая душа отзывалась лишь пению. Инструментальную музыку я не слышал.

В тридцатых годах в Доме писателей, старое название ЦДЛ, состоялся концерт замечательного, выдающегося, прославленного и вовсе мне не ведомого пианиста Генриха Нейгауза. Выступал он в Москве после долгого перерыва, что придавало известную сенсационность концерту, наверное, всосавшую меня, писательского сынка, в Дубовый зал, тогда еще концертный, а не пиршественный.

Хорошо помню свое удивление, что великий музыкант оказался крошечного роста, что держался он до надменности строго, а глаза у него были сердитые, словно собравшиеся в чем-то виноваты перед ним. Сколько я потом ни видел Нейгауза — на сцене, в домашней обстановке или в гостях,— всегда пленяли его раскованность, легкость, изящная свобода движений и расположенность к окружающим. Почему он предстал в панцире настороженности и высокомерия, не знаю. Возможно, он отвык от Москвы и москвичей, не был уверен в приеме аудитории, которую в ту пору артисты вообще считали неблагодарной. Но дело не в настроении пианиста, а в музыке. Я не помню программы, помню лишь, что было много Шопена, Бетховен, Шимановский. Я слушал все равнодушно, с усиливающейся скукой, когда вдруг меня постигло нечто похожее на потрясение Шарля Сванна[1], впервые услышавшего сонату Вентейля, вернее, одну ее фразу, что-то перевернувшую в разочарованном баловне Сен-Жерменского предместья. Он почувствовал возможность иной жизни и новой, великой любви, еще неведомой искушенному в страстях сердцу.

Несравненному писательскому дару Пруста не удалось создать литературный эквивалент дивной сонатной фразы. Так что оставим в покое три ноты Шопена, подсказавшие не пробудившемуся еще сердцу подростка, какие страшные и сладостные бездны ждут его впереди. Тем более что важнее другое: тут впервые обнаружилась та странная, загадочная мембрана, которая вопреки обкорнанному слуху дала мне наслаждение музыкой, пусть всего тремя нотами. Но теперь я знал, что есть недоступный мне дотоле волшебный мир.

Прошло много лет, когда в гостеприимном доме Асмусов я познакомился с Генрихом Густавовичем Нейгаузом. На воскресном обеде присутствовали близкие друзья дома: Пастернаки, Сельвинские и пришедшие чуть позже Нейгаузы.

Этот приблизившийся к глазам Нейгауз не имел ничего общего с суровым виртуозом тех давних дней. Живой, легкий, летучий, он, едва появившись, сразу озонировал воздух, отягощенный, как в предгрозье, дурным настроением Зинаиды Николаевны Пастернак, чья обычная хмурость усугублялась тревогой за здоровье старшего сына Адика[2]. Нервные токи шли от показного самоуверенного Сельвинского. Он чувствовал охлаждение Пастернака, который еще недавно связывал с ним большие надежды, а сейчас щедро отвел ему первое место среди поэтов, ничуть его не интересующих.

Появление Нейгауза как-то странно объединило присутствующих. Исполнив крайне дружелюбно и радостно обряд приветствия, он полностью сосредоточился на Пастернаке. Это отвлекло Зинаиду Николаевну от недоброго пригляда за мужем и дало возможность Сельвинскому спустить пары в споре с женой, хозяин дома играл тут роль буфера, смягчающего сшибки. Дамы тоже завели свой особый разговор.

Тульский пряник сперва разглядывают и уж потом надкусывают. И Генрих Густавович, закинув голову, некоторое время лицезрел чуть заметавшегося от этого молчаливого внимания Пастернака, затем как бы клюнул его коротким вопросом.

Представленный Генриху Густавовичу, не обратившему на меня внимания — подобно Лескову, он был равнодушен к «неизвестным величинам»,— я уже хотел тихо ретироваться, как вдруг услышал имя Андрея Платонова, а вслед за тем — взрыв восторженных похвал. В ту пору не было для меня никого дороже, да так оно, пожалуй, и осталось. Высокая костлявая фигура творца «Епифанских шлюзов», дружившего с отчимом и матерью, не раз отражалась в зеркальной дверце нашего громоздкого платяного шкафа, лишившего нас половины жилплощади, и я всегда смотрел на «зеркального» Платонова, ибо материальный его образ был непосилен моей влюбленной душе.

Меня потрясло, что Пастернак и Нейгауз так любят Платонова и «открывают» им свою встречу. В ту пору Платонова удручающе плохо знали даже в литературной среде, к тому же я не умел связывать разнородные явления культуры «в единый клуб». Продолжу по Заболоцкому: незрелая мысль была бессильна объединить два несхожих таинства бытия.

Андрей Платонов с его чисто русской, крестьянско-мастеровой маетой казался несовместимым со сложным дачно-городским миром Пастернака (мне невдомек было, что оба пребывают не в уезде и на полустанке, а в мироздании); и уж подавно был я убежден, что страсти по Платонову не имеют никакого отношения к страстям по Шопену или Бетховену. Ан нет, прямое отношение имели друг к другу утонченные московские люди, ведавшие «дыхание почвы и судьбы», и воронежец Платонов с костлявым телом пахаря, лицом рабочего и челом мыслителя, не менее их искушенный в культуре. Приверженность Платонова к русской сути не мешала ему пропускать через себя даже такие органически чуждые явления, как Шпенглер или Вейнингер, ибо в области духа он не признавал ни пространственных, ни временных ограничений. Человечество и вечность были для него реальностью, он признавал певцов мировой, а не районной скорби.

Платонов продолжал управлять их беседой. Сейчас они восторгались рассказом «Фро» о страшном одиночестве молодой женщины, покинутой любимым всего лишь на миг.

— Она же дура! — кричал Нейгауз.— Но — вечно женственна!..

— Для него нет табу!..— трубил Пастернак, улыбаясь огромной улыбкой доброго людоеда.

В ту пору он еще обходился собственными, очень длинными, рвущимися из-за губ желтыми зубами. Со вставными челюстями придет поздняя красота, которая и станет для потомков единственной внешностью Пастернака. В. Розанов говорил, что каждый человек в определенном возрасте оказывается словно бы наведенным на фокус: контуры личности совпадают с наружными контурами — это и есть он настоящий. Поэто-

[1] Один из героев эпопеи М. Пруста «В поисках утраченного времени».

[2] Это был сын от первого ее брака, с Нейгаузом.

му, глядя на фотографии, можно сказать: это еще не Чехов, это уже не Бунин. Мандельштам сфокусировался в ранней молодости, Анна Ахматова — на половине жизненного пути, Пастернак — в пожилом возрасте. По-моему, старость придала завершенность облику Нейгауза. Тут, кстати, человек порой бессознательно помогает природе: Пастернак обновил рот, а Нейгауз окутал голову густой и летучей сединой. Пока еще оба находились на подступах к своей окончательной внешности.

— А какую прелестно-бессмысленную песню поют затейники из кондукторского резерва! — радовался Нейгауз.

— Платонов ее сам придумал. Он начинал как поэт. И потом писал стихи.

— Хорошие?

— От них пахло Платоновым. Но все портила натужность талантливого самоучки.

— «Вопли Видоплясова»? — засмеялся Нейгауз.

— Господь с тобой, Гаррик! — вскричал Пастернак.— Платонов во всем талантлив. Но ученичество ему не к лицу, в прозе он сразу стал мастером.

— Ты хорошо его знаешь?

Нейгауз задавал вопросы отрывистым тоном, словно спешил; отвечая же, скорее тянул, как бы примериваясь к наиболее точному ответу. Впрочем, когда им владело чувство, он словно в упор расстреливал собеседника.

— Он бывает у меня. А знать?.. Ты знаешь кого-нибудь хорошо?

— Конечно! Я знаю тебя.

— Какой ты счастливый, я себя совсем не знаю.

— О чем вы разговариваете?

— Ну... не знаю.

— Как, ты и этого не знаешь?

— Да нет...— тянул Пастернак; интеллектуальная и душевная честность мешала ему говорить приблизительно о важном.— Ну, Гаррик, чего ты меня допрашиваешь?.. Мы говорим о судьбе, о смерти, о паровозах...

— Что ты понимаешь в паровозах?

— Я — ничего. Платонов понимает. Он паровозник и мелиоратор. Он не считает паровоз машиной. Паровоз — это печь на колесах, а печь — ядро жилья. Паровоз весь горячий, он дышит и требует ухода, как домашняя скотина.

— Так что же паровоз — изба или животное?

— Ни то, ни другое. Он никогда не говорит расхожих банальностей... Вот, вспомнил! Какой-то новатор хвастался, что перед рейсом всегда подкрашивает паровоз: там красную красочку положит, там желтую, там голубую. Платонов слушал, слушал, а потом сказал: вот еще одну красочку положишь, и паровоз вовсе не пойдет.

Нейгауз счастливо захохотал.

— Это гораздо глубже, чем кажется... Я видел его однажды. У него великолепный череп. Какое чело! — И Нейгауз сказал примерно те же слова, какими он позже воспоет наисовершеннейший череп своего гениального ученика Рихтера.

— Он замечательный писатель и замечательный человек! — от души сказал Пастернак, довольный, что его перестали пытать по части техники.

— Мне очень близко то, что ты говорил о паровозах...

— Я ничего не говорил,— перебил Пастернак.— Это Платонов.

— Неважно. Я с детства люблю паровозы. Они правда дышат, отдуваются, в конце долгого пути с них течет масло, как пот. В ночи они извергают пламя. Они испытывают жажду, требуют насыщения, у них есть характер, личность. Не бывает одинаковых паровозов. Мне ужасно не хочется, чтобы их вытеснили безликие электрички. И потом — про паровоз все понятно, это не то что страшный и загадочный телефон.— Нейгауз смешливо передернул плечами.

— Телефон, конечно, непостижим,— улыбнулся Пастернак.— Но ведь не смущают же нас «потусторонние» голоса?

— Ну, это другое дело...— И без связи с предыдущим Нейгауз медленно, словно разбирая буковки на таблице в глазном кабинете, проговорил: — «...Ночью поют одни добрые, кроткие сверчки, квакают лягушки в запруде и сопит бык, ночующий в скотном сарае,— и нет ничего страшного» [3].

— «Июльская гроза»! — узнал Пастернак.

— И рядом с этим конец из «Епифанских шлюзов».— Генрих Густавович сощурился, будто разбирая последнюю, самую мелкую строчку таблицы.— «Где ж твой топор? — спросил Перри...

— Топор! — сказал палач.— Я без топора с тобой управлюсь! Резким...» — Но последняя мелкота оказалась недоступной его глазам.

И тут настала моя минута:

— «Резким рубящим лезвием влепилась догадка в мозг Перри, чуждая и страшная его природе, как пуля живому сердцу».

Взгляд Нейгауза впервые сосредоточился на мне. Я увидел себя в его зрачке, странно светлом, серебристом — в цвет высшего качества зернистой икры; я был там одутловатым, распухшим в щеках, с суженным вверху черепом, как в кривом зеркале «комнаты смеха» (хотелось думать, что он видит меня не таким). Как бы то ни было, я отделился от фона, обрел для него самостоятельное существование.

— Еще один неоплатоник! — засмеялся Нейгауз.— «Наступил вечер; комната остыла, потускнела и наполнилась...»

Ну, в эти игры меня не переиграть:

— «...воздыханием неясных лучей тайного и захолустного неба».

— Браво! — восхитился Нейгауз.— А это помните? «Мне наскучило любить лошадей и прочих животных, и я...»

— «...ищу любви у более субтильного существа — женщины».

Мы долго перебрасывались кусками прозы Андрея Платонова.

— А это помните?..

— А это помните?..

— Что вы как попугайчики! — со своей опасной улыбкой сказала хозяйка дома.

Если б у меня был другой собеседник, если бы за нашей игрой не следил добро и заинтересованно кумир дома, слово «попугай» прозвучало бы не в уменьшительной форме на сахарных устах моей будущей тещи.

— Это самый лучший, самый чистый способ говорить о литературе! — вскинулся Нейгауз.

— Только так можно найти собрата,— добавил Пастернак.

Любопытно, что лет через десять, в ином историческом времени, после войны, мы предавались той же игре с любимым учеником Генриха Густавовича — Святославом Рихтером, но черпали из другой сокровищницы — Марселя Пруста.

— А знаешь,— вспомнил Пастернак,— Платонов сказал, что мужская несостоятельность — такой же мощный источник поэзии, как любовь.

— Это звучит ободряюще,— с серьезным видом заметил Нейгауз.— Но примеры?..

— Письма Абеляра [4] к Элоизе, стоящие всей его схоластики, «Повторения» и многое другое у Кьеркегора [5].

— Абеляр — понятно, а что случилось с Кьеркегором?

— Ну, Гаррик!.. Почему он уступил свою невесту другому?

— Уступил?.. Кто бы мог подумать!..

— Он сокрушался, что не нашел в себе веры Иова, наоравшего на господа и получившего назад здоровье, богатство и всех своих мертвецов.

— Откуда твой паровозник знает Кьеркегора?

— Но он же еще мелиоратор.

Я догадался наконец, что это игра. Это был театр для самих себя. Постороннему зрителю не распутать клубка намеков, старых розыгрышей и счетов, шутливых подколов, истинных преодолений, без которых не обошлась эта необыкновенная дружба. И впоследствии я не раз наблюдал их милую игру, где каждый поочередно был то простаком, то ворчуном-резонером.

За столом Сельвинский прочел свое новое стихотворение, удивительно пластичное и упругое. Оно всем понравилось. Пастернак ничего не сказал, и в этом была жестокость, но не прямая, а жестокость самопогруженности, не позволившей ему, в чем он на склоне дней сам признался, оценить по достоинству современных русских поэтов, за исключением Блока. Слишком серьезная жизнь с собою, пребывание в собственных безднах принуждали его выбирать из внешнего мира лишь то, что было нужно ему самому: в человеческих отношениях, музыке, живописи, прозе, поэзии. Он мог иной раз шумно восхититься чьими-то стихами — из сострадательного безразличия. Но Сельвинский в сострадании не нуждался, и Борис Леонидович не заметил его с тем же хладнокровием, с каким откладывал в сторону книжки Ахматовой с дарственной надписью. Даже «воронежскому» Мандельштаму не удалось пробить его глухоты: он слышал сорванный голос Цветаевой-друга, а голос Цветаевой-поэта звучал для него, как потерявшийся в степи колокольчик. Эти голоса зазвучали для него в старости.

Все стали просить Пастернака почитать, он отказался наотрез: ничего не помнит. Тогда дружно накинулись на Генриха Густавовича, чтобы он сыграл. Пастернак трубил вовсю. Я уже подумал, что, может, выпрошу три заветные ноты, но Нейгауз сердито бросил: не хочу! Это была месть Пастернаку.

А когда мы прощались и я пожимал маленькую, очень сильную руку, Нейгауз сказал, заглянув мне в глаза:

— Поверим, что ночью нет ничего страшного? — Эта перифраза из Платонова стала паролем наших последующих не слишком частых встреч...

Помню одну молниеносную встречу во время войны, когда начались бомбежки. Я приехал к Нейгаузу с каким-то поручением от моих новых родичей Асмусов. И едва я вошел в квартиру, находившуюся в историческом доме по Садовой, близ Курского вокзала, где жили знаменитые летчики, полярники, музыканты и откуда ушел в смерть Чкалов, как начался воздушный налет. Не знаю, насколько опасный, но очень шумный, зенитки лупили так, что мы не слышали друг друга. Долгий, всасывающий пространство свист большой фугаски тоскливо подсказал, что придется спускаться в подвал. В доме Асмусов этот ритуал считался обязательным, и потребовалось все кроткое и неодолимое упрямство моей жены, чтобы нас с ней оставляли наверху. Дерзкое неповиновение бесило мою тещу, не боявшуюся ничего на свете, но преданно служившую обостренному инстинкту самосохранения своего мужа.

Когда от взрыва задребезжали, трескаясь, оконные стекла, Милица Сергеевна, маленькая, худенькая, с увядшими волосами и выражением беспечной и всеобъемлющей доброты на терпеливом лице, вскричала голосом вакханки:

— Взлетим на воздух, Гарришка!

И поставила на стол бутылку портвейна и рюмки.

Мне почудилась тень печали на ясном и, как всегда, оживленном лице Нейгауза.

— За встречу по Швейку,— он поднял рюмку,— в шесть часов вечера после войны!

— Вы эвакуируетесь?

— Немцам не видать Москвы как своих ушей. Но я должен ехать — Адик на Урале, в больнице... Ехать один... Теща нетранспортабельна...

— Езжай, Гарришка! — лихо вскричала Милица Сергеевна.— А мы с мамой и дочкой будем прикрывать твой отход.

— О господи...— сказал Нейгауз.

Асмусы наказали мне спросить о Пастернаке: он отправил семью в Чистополь, а сам исчез.

— Мы ездили к нему в Переделкино,— сказал Нейгауз.— Но, похоже, он не слишком обрадовался нашему вторжению. Наслаждается одиночеством, хотя делает вид, что ужасно замотан. В Москве дежурит на крыше, на даче весь день копает гряды, вечером переводит Шекспира. Бодр, улыбчив, свеж, у него поразительно крепкие руки и сильная грудь. Да, еще он ездит стрелять на полигон и страшно гордится своей меткостью. Он говорит, что всегда считал себя движущейся мишенью, оказывается — заправский стрелок.

А когда мы прощались, Нейгауз задержал мою руку в своей:

— Так ночью нет ничего страшного?..

Вскоре ему дано было это проверить. Мы расстались надолго...

И еще одна встреча.

Это было посреди шестидесятых, на квартире Святослава Рихтера, когда он жил в Брюсовском переулке, в композиторском доме. Рихтер устроил небольшую домашнюю выставку художника Краснопевцева. Он любил этого одаренного и упрямо чуравшегося спроса художника, который писал одни только камни. Возможно, я ошибаюсь и художник обращался к другим сюжетам, не только оформляя ради хлеба насущного рекламную страницу «Вечерней Москвы», но от той выставки в памяти сохранились лишь камни. Я не знаю, что сейчас делает Краснопевцев, не исключено, что он изменил своему пристрастию, пошел вширь или избрал новый фетиш. В шестидесятых он не разбрасывался, его аскетическое творчество находило признание у людей, тонко чувствующих живопись: верным почитателем Краснопевцева был Рихтер, сам одаренный художник, одно время всерьез подумывавший о том, чтоб оставить рояль ради холста и кистей.

Краснопевцев не писал драгоценных камней, его привлекали обычные серые, серо-голубые, бурые «беспородные» каменные обломочки. Такие каменюки повсюду валяются на земле, выстилают пляжи кавказского черноморья, никто и внимания на них не обращает. А Краснопевцев подберет, очистит от пыли и грязи, чтобы вернуть естественный неяркий холодный цвет их твердому телу, положит на лист картона, на тряпку, просто на столешницу, редко в близости ка-

---

[3] Здесь и далее — цитаты из произведений А. Платонова.

[4] Абеляр — французский средневековый философ, богослов и поэт.

[5] Кьеркегор — датский теолог, философ и писатель.

кого-нибудь сосуда или другого нехитрого предмета и зафиксирует с сугубой точностью скромное пребывание неких малостей в мироздании, предоставляя окружающим либо радоваться тому, что они есть, либо печалиться неслиянностью с их сутью. Нет, эти жалкие слова даже не прикасаются к искусству Краснопевцева, но если б его картины можно было «рассказать», значит, они не нужны. Зачем краски и кисти, зачем добавочная му́ка, если достаточно расхожих слов?

Художник стоял меж своих картин, приятный молодой человек, молчаливый, как его камни, но еще более скрытный. Камни не скрытничали, они говорили, но язык их был то внятен, как родная речь, то темен, как ночное бормотание природы.

— Вам нравится?— спросил Рихтер.

— Да. Хотя как-то странно, непривычно. Я не был настроен на эту встречу. И я не понимаю, почему мне это нравится. А вы?

— Что домашние и уж вовсе ничуть — бесконечная в любви и доброте жена. Это не христианское холодное всепрощение, это такая слиянность с любимым, когда не остается места ни ревности, ни обиде, ни уязвленному самолюбию, ни страху перед жалом княгини Марьи Алексевны. Все это слишком мелкие чувства для такого высокого человека, как Милица Сергеевна. Правда, ревность возведена поэтами в генеральский чин, но Карл Юнг[6] сорвал с нее золотые эполеты: ядро всякой ревности составляет отсутствие любви.

Долго и трудно умирая, Милица Сергеевна просыпалась каждое утро со счастливой улыбкой. «Мне приснилось, что Гаррик пришел. Надо прибрать, сегодня он непременно будет». И он появлялся у смертного ложа своей старой подруги, хотя, возможно, не так часто, как обещала ей утренняя улыбка.

— Вам по душе?— спросил Нейгауз о картинах.

— «Когда еще я не пил слез из чаши бытия»,— подсказал я.

— Вот, вот! Еще долго осушать эту чашу. Каждый получает свое, но ничего не было бы, если б гениальнейший художник не разбросал по траве несколько камней. И там, и здесь расчет на сотворчество. Искусству это редко удается. Но знаете, о чем я сейчас думаю: как мало надо для счастья, если уметь вглядываться. Мы и вообще обделены этим даром, а жизнь так сумбурна, в ней чересчур много всего и почти все — лишнее. Какое чудо — простой, грубый камень, какое чудо мы сами, если видим его... Все это очень серьезно и... горестно.

— Почему горестно?

— Сами узнаете в свой час. Старый Лев Толстой плакал по каждому поводу, для окружающих — без всякого повода. А ведь он плакал и над ними, не из любви, а потому, что жалко те-

Б. Л. Пастернак и Г. Г. Нейгауз. Переделкино.

А. П. Платонов. 1946 год.

— Красиво!..— Рихтер засмеялся, натянув крепкие жилы шеи; так он смеялся, когда хотел уйти от разговора, что случалось нередко.

Тут дело не в том, что он держал на запоре свой внутренний мир, а в обостренной духовной щепетильности. Подобно Пастернаку, но еще последовательней, он избегал приблизительности, пустого велеречия, имитаций глубокомыслия, предпочитая им безобидную банальность и беззащитно-извиняющийся смех.

И тут из боковушки при огромном зале, которому Рихтер пожертвовал четырьмя комнатами своей квартиры, появился чуть заспанный, хотя и освежившийся пахучей струей пульверизатора, какой-то подсушившийся и вовсе не заземленный, с реющей сединой Генрих Густавович Нейгауз, окончательно наведенный на фокус. Генрих Густавович отважно сломал стереотип жизни благостно стареющего посреди любящей семьи виртуоза. Старый артист, консерваторский профессор, воспитавший много поколений музыкантов и одного гения, рванулся прочь из теплого дома на сквозняк распахнутых городских пространств, на лежанку в боковушке, чтобы в последний раз начать все сначала.

Никто не был на него в претензии, меньше все-

— Да. Но чуточку пустынно. Помните, Платонов писал, что ему одиноко в прозе Пришвина — там только природа и нет человека.

— Я этого не читал. Но в литературе я тоже враг ненаселенного пейзажа. Хотя «Женьшень» — удивительная книга. Пожалуй, там все же есть человек — автор. И здесь есть человек — Краснопевцев. С тонкой, нежной, стыдливой и непреклонной душой. Он не боится этих камней, не боится вечности.

— Много же вы приписали этому художнику! А если весь фокус в том, что мы сами заполняем вакуум? Это наша работа, а не его.

— Но кто же вынудил нас к ней? Вы были в Японии и, конечно, видели «философский сад»: квадрат земли и несколько грубых камней. Какой глубокий и бесконечный символ! Каждый выносит что-то свое: умиротворение, не житейское, а то, что предшествует чаше с цикутой, если она — добровольно, или совсем другое — утешение, легкость и тихое желание еще долго пить...— ну, как это?..— Он нетерпеливо замахал кистью.

рять всех, даже родственников, не говоря уже о чистых, гладких камнях. Откуда это чувство у начинающего жить Краснопевцева?

А потом начинающая жить поэтесса читала стихи о Пастернаке, и Генрих Густавович отирал щеки маленькими руками, умеющими охватывать безмерность клавиатуры. Жалеешь о камнях, а утрата воспоминаний?..

Когда мы прощались в коридоре, он сказал тихо:

— А ночью правда нет ничего страшного?

Больше мы не виделись.

С той поры прошло много лет. Я уже знаю пронзительное ощущение безмерной ценности всего, что переживет тебя в «прекрасном и яростном мире». И я отираю слезы своими старыми руками, такими же маленькими, как у Нейгауза, но никогда не прикоснувшимися к клавишам.

Оказывается, писать воспоминания совсем нетрудно, если не посягать на лавры великого наблюдателя нравов Сен-Симона, а простодушно говорить о себе самом. Люди, правда, почти ничего не узнают о том, кто искусил твою слабую память, зато узнают, в каком хорошем обществе ты вращался.

[6] Карл Юнг — швейцарский психолог и психиатр, основатель «аналитической психологии».

Дмитрий ИВАНОВ

ЧТО ВПЕРЕДИ?

ВАСИЛЬ БЫКОВ «КАРЬЕР»

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ «ВСЁ ВПЕРЕДИ»

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ «ПЛАХА»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

1

Сначала был распутинский «Пожар». Потом — «Печальный детектив» Астафьева.

Третьей в этом ряду стала повесть Василя Быкова «Карьер», за ней в центре читательского интереса оказались романы Василия Белова «Всё впереди» и Чингиза Айтматова «Плаха».

Речь и пойдет об этих трех последних книгах...

Художник — именно *художник*, настоящий творец — может и должен раньше, сокровеннее, кожей обыкновенного человека и силой таланта чувствовать необходимость и приближение перемен в жизни, постичь их смысл и закономерность, воплотить существенные черты. Ожидание открытий, глубоких, бесстрашных ответов на волнующие вопросы времени — и прежде всего в книгах больших писателей — особенно велико сегодня, когда революционное слово «перестройка» не только у всех на устах, но уже все более ощущается и в конкретных делах. Когда каждому — вольно и невольно — приходится становиться действующим, активным, кровно затронутым лицом такой долгожданной и такой нежданно острой, ранящей умы и сердца, колеблющей положения и авторитеты драмы, разворачивающейся на подмостках самой жгучей современности.

Распутин одним из первых сказал здесь свое слово. Он не побоялся возвысить голос, восстать на неправду, на сегодняшнее зло. И тогда же на огоньковских страницах писал я, что повесть «Пожар» — это дерзкое, крупное *начало* разговора *о главном* — не о следствиях, а о причинах... Ее героя властно влечет желание нащупать, разглядеть связи явлений, которые то ли распались, то ли вдруг пагубно сплелись. До Ивана Петровича Егорова не было у Распутина такого героя — настоящего *современника*, до последней черты удрученного, измотанного борьбой с тем, что мы привычно именуем нашими недостатками, хотя на деле-то происходило непостижимое: «Добро и зло перемешались. Добро в чистом виде превратилось в слабость, зло в силу». И вот теперь Егоров вышел на последнюю, на решительную схватку за, казалось бы, простейшее, за *порядок*, вышел один, потому что других жизнь напугала, научила смиряться... Но тогда же потребовалось заметить, что «перестройка» дается писателю непросто: художественная убедительность, психологическая достоверность повести неравноценны, проигрывают перед предельной публицистической напряженностью распутинского слова.

И Астафьев — он слишком *спешил* выплеснуть в «Печальном детективе» совершенно *обнаженную* правду сегодняшней действительности,— и романа в этой спешке не получилось. Он хотел быть первым и стал им, мощно, живо *открыв* «реальную концентрацию зла», от которой сердце наливается скорбью и гневом, и настоящего *героя*, этому злу противостоящего,— героя, тоже нового для себя,— Леонида Сошнина. Но открытия, бесстрашия мысли в постижении причин зла, корней добра книге не хватает... Тут снова позволю себе повторить то, что говорил тотчас вслед за романом:

> **«Астафьевский Сошнин остановился перед этим шагом, перед этим открытием. И сам писатель — тоже. Ему хватает бесстрашия *обнажить* жизнь, обнажить *правду* — и тогда его герой соглашается с жизнью. А требуется *несогласие*. Требуется *не принять* очередной бой, а подняться на борьбу.**
>
> **У Сошнина есть для этого силы, всегда было и желание. Требовалось время.**
>
> **Время пришло».**

Время действительно подошло такое, что требует открытий — открытий художественных — и именно этой мерой обязывает мерить свершенное. Острый, нелицеприятный, будоражащий душу прямыми, но безответными вопросами разговор сейчас найдешь чуть ли не во всякой газете — от писателя ждешь большего, гораздо большего. Для этого писателю требовалось жить «ускоренно», «не предаваясь сну» уже и пять, и десять, и двадцать лет назад — всегда... Для этого совершенно необходимо «честнее работать» — так определил, кстати, суть нынешнего ускорения Василь Быков. Но еще и еще более, снова и снова, художник должен ставить перед собою *художественную* задачу, стремиться вырваться из плена времени к высотам вечности.

2

Итак — «Карьер» («Дружба народов» №№ 4, 5, 1986).

Как всегда у Быкова, решающие события новой повести происходят военною порою, в тяжко-тяжкую осень сорок первого. Старший лейтенант Агеев был ранен, оказался на оккупированной территории в белорусском местечке. Подпольщики доверились ему, сделали связным. С другой стороны, предатель, начальник местной полиции, вынудил Агеева дать подписку о сотрудничестве — или... Агеев не умолчал, сказал товарищам об этой подписке. Теперь важнейшим стало: не отвернутся ли они от него?

Подпольщики принесли взрывчатку, ее надо было переправить дальше.

Это был его, Агеева, главный долг перед собой, перед теми, кто дал ему приют, кто смертельно жертвовал собою ради него. Это был воинский долг бойца, не прорвавшегося к своей части. Это был долг военного человека, который отвечал перед терпевшими от фашистов страшную беду местными жителями за всю нашу армию, не справившуюся со своей обязанностью защитника народа... Но сам Агеев нести взрывчатку не мог, не имел права рисковать этим драгоценным грузом, рисковать явкой, и он послал на станцию Марию. Полицаи схватили Марию — и вот сорок лет спустя, расстрелянный, но чудом оставшийся живым Агеев мучится и мучится неизвестностью: что с нею стало, с этой девушкой, которая успела тогда сделаться для него любимым, родным человеком, а сегодня представляется и единственной, от кого Агееву было бы в жизни счастье.

Да, как всегда у Быкова, и новый герой — опять человек, стоящий, поставленный перед жестким, перед самым жестоким выбором, проходящий необходимостью этого выбора гибельную, решающую проверку всей своей человеческой сути. Правда, ответ за этот выбор он держит теперь — нынешний, постаревший, умудренный. День за днем Агеев раскапывает карьер, в котором когда-то его расстреливали, чтобы найти там ее останки и окончательно лишить себя всякой надежды: да, это он тогда сгубил свою Марию...

Так что на первый взгляд в «Карьере» новое то лишь, что связано с сопутствующими судьбе Агеева фигурами. Прежде всего с образом Барановской — бывшей попадьи, потерявшей до войны мужа, в самом начале войны — сына, приютившей Агеева и дающей ему всеми своими прежними и теперешними поступками уроки нравственного образа жизни, неведомого этому молодому человеку. Новое в повести связано и с углубленным раскрытием корней и психологии предательства, с которым Агеев сталкивается в лице Дрозденко и Ковешко, а потом и несчастного Кислякова. Новым явился, конечно, притягательный характер Семенова, безвестного героя войны, одного из тех тысяч и миллионов, кто, почти не задумываясь, отдавал тогда свои жизни, да не нашел потом к себе внимания по справедливости, но и не озлился, не растерял сердечности. Новое в повести заключено и просто в изображении самой жизни современной, к которому Быков подступил здесь впервые в своем творчестве. И все-таки суть «Карьера» — в другой новизне.

Сначала, однако, надо сказать откровенно: выбранная писателем коллизия выглядит искусственной. Ведь вины-то с себя Агеев в любом случае — найдет, не найдет ли он ее «белые косточки» — не снимает и не снимет, она для него сейчас безусловна. Рисковать и жертвовать надо было собою, а не другим, тем более любимым человеком. Вина остается и останется, а откуда же тогда надежда, которая Агеева питает, «слабенькая, запутанная ниточка, возможно, ведущая к жизни из этой проклятой ямы, в будущее, а может, и в вечность»,— откуда она спустя столько лет? Ее быть не может, и все агеевские раскопки — это или его собственная казнь, самонаказание за несовершенное преступление и за тот выбор, который Агеев теперь считает преступным, или единственное, что возможно теперь для него, оставшегося в тягостном одиночестве. Но психологически далеко не прописано первое, и нет еще более важного — объяснения: как, почему Агеев действительно так *одинок*, почему не сложилась жизнь за прошедшие сорок лет — ни в работе, ни с женою, ни с сыном.

Точнее, наверное, оно все-таки есть, это объяснение. Причина если не всего, то многого лежит в сознании Агеева, в его отношении к жизни, в его понимании своего *долга*.

Сын Аркадий не понимает Агеева, так же как Агеев не понимает сына, как многие и многие не понимают сегодня своих детей.

Аркадий хочет «прожить с толком» жизнь, он — «обладал четко выраженным инстинктом цели». Он, как и многие сейчас, жил и живет для себя, отчего «неуклонно менялся характер времени, уходил аскетический ригоризм тех лет, и незаметно, но повсеместно воцарялось степенное благоразумие расчета, дух взаимной терпимости».

Агеев и люди его поколения жили и поступали «*безрассудно*», то есть прежде всего они думали о других. Агеев потому «столь безрассудно распорядился» жизнью Марии («впрочем, как и собственной тоже»), что превыше всего в нем было и остается сознание долга, ответственности перед другими — аскетическое, иссушающее. А ведь надо — до́лжно помнить и о себе, о своем счастье! Необходимо сознавать себя *лично́стью*.

Не так, конечно, эгоистически, как сегодня сознает себя «каждый второй»,— тот же его Аркадий, например, который «полагал, что его продвижению к цели должны способствовать все остальные», тоже безрассудно, но уже и совершенно бездушно полагая всех остальных лишь как средство. Нет, не такой ценою, но и обезличенная жизнь непозволительна, она обесценивает человека.

> **«В то время, как прежний Агеев был бессилен судить его нынешнего, сам он тысячи раз на все лады судил и обсуждал Агеева давнишнего. Это было затянувшееся и малоприятное для обоих разбирательство, хотя строгий судья был беспристрастен и мудр той неподкупной мудростью, которая открывается с высоты прожитых лет. Порой восхищаясь, а порой удивляясь безрассудству своего обвиняемого, обходя некоторые вышедшие в тираж ценности давних лет, этот судья со временем стал ориентироваться на истинный кодекс непреходящих ценностей, на первом месте среди которых он ставил человеческую жизнь как таковую».**

Однако повесть в основном лишь декларирует этот конечный вывод. Новая позиция Агеева только заявлена, но не выявлена. Остается вопросом, как расставался и расстался ли он со своей прежней обезличенностью. А личность и судьба Барановской, так его поразившие; ее суждения о добре и зле, явившиеся тогда откровением для Агеева; открывшийся ему мир Достоевского — как все это сказалось, как развилось в Агееве за сорок лет? И эти вопросы тоже, увы, безответны.

> **«Василь Быков может написать что-то сильнее, что-то слабее,— размышлял в связи с «Карьером» Игорь Дедков.— Может не уберечься от повторов, воспроизводя логику героического выбора. Может еще в чем-то недобрать своей высоты как художник. Но всякая его новая повесть — исключений тут нет — дает, а то и возвращает нам ощущение *настоящего* в литературе, настоящего и серьезного».**

Вернее (и честнее) будет сказать, что «Карьер» есть настоящая, серьезная попытка нового шага,—попытка, но не шаг, не открытие читателями нового Быкова.

3

Василий Белов, как это уже знают теперь все, кто следит за литературно-критической периодикой, своим романом «Всё впереди» («Наш современник» №№ 7, 8, 1986) сделал назад не шаг и даже не два, а еще больше. Он — певец и творец лада — не сладил с темой, не сладил свою книгу.

Говорить так прямо непривычно, горько, тяжело, просто обидно, но надо. Надо было всегда, но теперь становится совершенно необходимым. Правда, тут требуется не впасть в другую крайность, не начать сводить старые счеты и выплескивать личные пристрастия; требуется, когда говоришь о таланте, судить бережно, а не небрежно. А то читаю сейчас некоторые отзывы, и приходит в голову невероятное: а вдруг да нарочно тот же Белов выставил себя под критический обстрел? Ведь теперь, когда на нем «поботочили зубы», все «стрелявшие» (а то и дорвавшиеся до «пальбы») будут обязаны и всем, и всякому другому сказать столь же горькие и беспощадные слова в случае их неудач, тем паче что у Белова было и есть что за плечами, а у большинства — гораздо меньше или ничего просто.

...Известно, в науке отрицательный результат — тоже результат. Искусство жестоко — плохую книгу просто не нужно читать. И все-таки хочется подумать: что же намеревался сказать Василий Белов своей новой книгой, с чем он не сладил?

В. Лакшин справедливо заметил: «Название романа Белова должно бы, по-видимому, читаться с вопросительным знаком: «Всё впереди?». П. Ульяшов прочитал книгу менее вдумчиво, «этак — то ли еще будет?!». Такой посыл далек от реальностей, зафиксированных писателем, далек от настроения романа.

Да, Белов увидел в современной действительности много, слишком много реальных опасностей, грозящих личности, обществу и жизни вообще. Увидел в ней очень много зла — и меньше добра, ему противостоящего. Увидел и зафиксировал, что с течением жизни это соотношение не улучшалось, а, к несчастью, ухудшилось.

Да, между двумя частями его романа «прошло около десяти лет», во второй описывается конкретное время — весна и лето 1984-го,— но жизнь беловских героев не стала лучше. И главное зло, их подстерегающее: все бо́льшая разобщенность. В семьях, которые распались у Медведева и Зуева, в новой семье Бриша, на работе у Иванова... Причины тому, понятно, различны, но за всеми Белову видится общий корень — наступление мнимого прогресса. Белова оно пугает своей явной неотвратимостью, тем более что прогресс этот кажется ему не только мнимым, но и неестественным, внедряемым со стороны. Где писатель здесь излишне пугается сам и пугает других, где путается, а где действительно прав — решить трудно, а чаще и невозможно, поскольку намеки в романе многочисленны и многозначительны, но какое и чему придается значение — не разгадать. «Мне, как и Белову,— писал В. Лакшин,— не нравятся некоторые из особенностей новейшей цивилизации... Но найдена ли автором на все это какая-то более высокая точка зрения?»

Верно, основательной точки опоры у писателя в своих опасениях: «Что же нас ждет впереди?»— не нашлось, соотношение «особенностей новейшей цивилизации» в его изображении выглядит крайне произвольным. Как говорится, дай-то бог, чтобы здесь Белов по-настоящему ошибался...

Воплощать этот неприемлемый прогресс в романе призван Бриш. Прилепившаяся к нему со школы репутация «идущего впереди» должна, видимо, выражать ироническое, если не саркастическое отношение автора к своему герою (равно тогда, как и другие прозвища, которыми не случайно, просится заключение, наделены и другие главные персонажи Белова). А противостоять ему призваны трое: незаурядный Медведев с кличкой «предсказатель событий», заурядный Иванов по прозванию «жаждущий справедливости» и вовсе никакой Зуев. Но противостоять Бришу они не способны: во-первых, слишком простодушны, во-вторых, действительно разобщены, и чем далее, тем более,— и оба эти обстоятельства неголословны и немало тревожны. Но главным образом оттого они редко и малоубедительно возражают Бришу и при этом совсем мало что выражают, что сбиты в романе все трое на одну колодку да еще и почти бесплотны, как, впрочем, и Бриш.

Роль же истинного «прогрессиста» Белов отдал младшему научному сотруднику Жене Грузю, гибнущему в середине романа от нелепой аварии. «Мы все не годились ему в подметки,— горячится Медведев.— Два! Целых два старых пер... выехали на нем. Один прямо в лауреаты, другой в академики! Он бы... он бы выволок в членкоры еще столько же дураков!» Это Грузь выражает решающее авторское убеждение: «Одна лишь ясность ума, наше мужество и жажда добра помогут нам выстоять среди лжи и страданий. Но прежде надо сбросить с глаз пелену иллюзий. Давай же попробуем отодрать ярлык мнимого оптимизма, который жизнь так коварно приклеила нам! Ведь нам все еще кажется, что все впереди...»

Если бы только в романе это убеждение было по-настоящему, серьезно выражено, изображено, воплощено!

Кстати, о серьезности первоначальных замыслов Василия Белова говорит, по-моему, и такой на первый взгляд противоположный вроде бы факт: в его книге очень много случайных, неоправданных катастроф, смертей, других катаклизмов. Гибнет Грузь, калечится Зуев, «необычно» умирает зять Иванова, самого Иванова бьют ночью по голове, невиданный в Подмосковье смерч таков, что «людей будто бы рвало на части»... Раньше бы к подобному набору следовало отнестись скептически, если не с ехидной усмешкой. Однако сейчас, после Чернобыля, после «Адмирала Нахимова», после множества других перекликающихся газетных сообщений, такая концентрация несчастий уже воспринимается как прозрение и как веское предостережение.

Но почему же тогда роман все-таки не состоялся? Только ли оттого, как пишет В. Лакшин, что «уже в замысле был некий изъян, губительно сказавшийся на всем характере вещи. Яростная предвзятость, резко пристрастное отношение к изображаемым лицам мало способствуют объективности художника и вредят впечатлению».

В этом наблюдении много верного. Но, думается, Белов не сумел сладить свою книгу и потому еще, что писал ее по-старому, писал с оглядкой, боялся воплотить и выразить то, как он — пусть предвзято, пусть пристрастно — понимал жизнь. Боялся — и разладился, и вольно и невольно ограничился непонятными, малозначащими, невыразительными намеками.

4

Айтматов — не боялся.

Не побоялся писать о наркоманах, когда у нас о них еще даже и не говорили. Не побоялся сделать героем романа из наших дней бывшего семинариста. Не убоялся в своей «Плахе» («Новый мир» №№ 6, 8, 9) вступить в творческое соревнование с Булгаковым...

Не побоялся, но тоже сладил далеко не со всем. Однако и намеками не погрешил, сказал открыто, мужественно, честнее других.

Сказал, какой страшной опасностью предстают «особенности новейшей цивилизации», когда при этом происходит разрушение человеческих душ. Нарисовал глобальное противостояние природы и людей — людей, потерявших с природой живую нравственную связь, и природы, жестоко мстящей за это людям. Воззвал к совести и добру, к мужеству и ответственности каждого, призвал прозреть, сплотиться, найти в себе силы для подвига во имя настоящего и будущего.

В. Лакшин в уже цитировавшейся статье «По правде говоря...» («Известия» №№ 337, 338) отмечал, что «намерения Айтматова были величавы. Потребность в сознании себя, в соотнесении с миром и жизнью всех других людей, соотнесении с понятиями добра и нравственного закона — это не просто крупная задача, но крупнейшая. Отсюда и вероискание главного героя.

Уважение вызывают всякие поиски на неизведанном пути. И Айтматов идет именно такой, крупной и властной поступью, заставляя вспомнить отчасти роман Достоевского «Идиот» с таким героем, как князь Мышкин. Но того, кто рискует, не всегда ждет успех».

Чего же хочет в романе новый «идиот»? Что хотел выразить писатель этим образом, образом центральным, единящим роман.

На одной из первых страниц Айтматов напоминает об «извечной загадке: отчего зло почти всегда побеждает добро...». А какое-то время спустя предлагает парадоксальный ответ: «А что, если существует на свете закономерность, согласно которой мир больше всего и наказывает своих сынов за самые чистые идеи и побуждения духа? Быть может, стоило подумать: а что, если это есть форма существования и способ торжества таких идей? Что, если это так? Что, если именно в этом — цена такой победы?»

Герой книги Авдий Каллистратов и проходит в романе такой крестный путь. Он возжелал «творить добро среди реальных людей», возжелал нести им в души Бога («Бог, конечно, имелся в виду условно, как символ праведной жизни»). Он не боится «не сносить головы, потому что и в миру не терпят тех, кто подвергает сомнению основополагающие учения». Он готов даже идти «на плаху», лишь бы повернуть людей «лицом к истине... В чем они должны увидеть свое счастье? В наших рекламируемых ценностях? Но ведь они порядком обесценены и вульгаризированы... У всех ныне на устах расхожий афоризм — спасибо к делу не пришьешь, а деньги — это деньги!.. Почему это происходит, почему возможно такое в нашей жизни, в нашем обществе, которое на весь мир провозгласило, что наша социальная система недоступна для пороков...».

Все эти думы снедают Авдия, но почему-то, как и у Белова, образ этот в «Плахе» бесплотен, ему самому не сочувствуешь и с ним не сопереживаешь. Переживаешь только сами эти мысли айтматовские, ролью рупора которых и ограничивается значение Авдия в романе.

Тут к месту, думается, вспомнить дискуссию о «Плахе» в «Литературной газете» от 15 октября 1986 года. А. Латынина высказывала тогда такое суждение: «А не получается ли парадоксальная ситуация: вещь, дескать, несовершенна, а воздействует сильнее, чем «благополучные»? Я сомневаюсь в возможности художественного воздействия нехудожественного текста. Если же все-таки оно возникает, то, может, на нас действуют какие-то механизмы художественности, которые мы недостаточно сознаем?»

Вряд ли требуется столь изощренная защита «механизмов» художественных слабостей романа, который воздействует именно безбоязненностью, в том числе «причинить якобы ущерб нашему престижу» (подобную демагогию в третьей части романа станет разводить «партийный деятель» Кочкорбаев, обвиняя настоящего человека в покушении на «основы социализма» и на «революционные завоевания»).

Тексты же, о которых шла речь, действительно «малохудожественны», не заряжены подлинно публицистической напряженностью слова — той, которую находил я раньше у Распутина в «Пожаре», которой немало у Астафьева в «Печальном детективе». Однако вряд ли и ее стоит возводить на пьедестал так, как это сделала Е. Старикова в статье «Ищущая душа» («Новый мир» № 12, 1985), напомнив: «Сто лет судили Достоевского за эпилог к «Преступлению и наказанию», полстолетия — Толстого за конец «Воскресения». И, кажется, только к концу XX века мы начинаем потихонечку извлекать из истории литературы уроки».

Думается, вечные уроки таковы: художник становится публицистом, если он не может выразить свои мысли и чувства на языке образов. (Понятно, при этом речь не идет о художественной публицистике — это жанр особый.)

Вот и Айтматов: он не смог совершенно воплотить свою веру и надежду, свою тревогу и боль перед грядущим, хотя роман буквально пронизан этими тревогами, этими надеждами.

«Человеку так много насулили со дня творения, каких только чудес не наобещали униженным и оскорбленным: вот царство Божье грядет, вот демократия, вот равенство, вот братство, а вот счастье в коллективе... А что на деле? Одни словеса! А я, если хочешь знать, отвлекаю неутоленных, неустроенных. Я громоотвод, я увожу людей черным ходом к несбыточному Богу». Это проповедует Гришан, предводитель анашистов, выразитель и идеолог «трех китов массового сознания»: «соблазна обогащения, подражания тотальному подражанию и тщеславия».

Что можно им противопоставить, если «дух беспомощен, хоть и неустанен»? Путь Авдия неприемлем для большинства. Да он по самому большому счету и безрезультатен, как свидетельствует история. Тогда какой другой путь?

Айтматов знает об этом лучше, чем кто иной, достаточно вспомнить его «Первого учителя» или «Прощай, Гульсары!». А теперь он написал «Плаху».

Другой главный герой романа — чабан Бостон Уркунчиев. Можно сказать, по духу он родной брат распутинскому Егорову. Истинный хозяин, всей душой болеющий за дело, он беззаветно трудится и готов на все, чтобы жизнь вокруг становилась лучше. Однако ему постоянно приходится отступать и уступать. «И получалось, что чем дольше он жил на белом свете, тем трудней и сложней становилось жить, и не столько даже жить, сколько понять смысл жизни».

Смысл утрачивается для Бостона по той же причине, что и для распутинского Ивана Петровича: в жизни воцарилось слишком много зла. В «Пожаре» крайним его воплощением явились «архаровцы», в «Плахе» носителями зла выступают такие же страшные «архаровцы» из команды-хунты Обера-Кандалова, такой же «архаровец» Базарбай и идейный прощелыга Кочкорбаев. Но Айтматов не посягнул (как раньше Распутин, как и вся сегодняшняя наша литература) на изображение людей, ответственных за зло. (Белов — единственный, кто в фигуре Бриша попытался воплотить такого героя, но неосновательно взвалил на него всю ответственность.)

Вот если суметь справиться с такой задачей, тогда можно отчетливее увидеть путь к надежде, понять, открыть, что впереди.

Предвижу совершенно основательный упрек: вот вы писателей к открытиям призываете — где же ваши собственные открытия как критика?

Что на это сказать? Только переадресовать читателей к журналу «Знамя» № 6 за минувший год, где выступил молчавший долгие годы Игорь Виноградов. Он написал «Диалог Белинского и Достоевского: философская алгебра и социальная арифметика». Эта статья — событие в нашей критике. Здесь нет места подробно говорить о ней. Здесь хочется (и просто необходимо) привести из нее только несколько строк:

«...Именно потому Белинский и был великим критиком и мог и как критик влиять на литературу и на общество... что он мог влиять на литературу и на общество И НЕ КАК КРИТИК... У нас будет настоящая критика только тогда, когда будут настоящие критики, а настоящими наши критики будут только тогда, когда они будут способны влиять на литературу и общество и не как критики. Пусть и не в рост Белинскому, но все-таки хотя бы отчасти вровень. Вот только-то и всего».

Действительно, только-то...

Кстати, о критиках, «критике критики» и «этике спора». Вторично выступила «Литературная газета» (24 декабря 1986 года) в связи с огоньковской публикацией воспоминаний Ю. Трифонова об А. Т. Твардовском. И вторично газета, «неизвестно для чего», уводит от главного в публикации — от **правды** о времени, ради которой написаны трифоновские воспоминания,— от правды времени, которое иные готовы забывать и даже замалчивать.

В. Куницын в своем обзоре «Этика спора», не упустив случая сделать глубокий книксен в сторону писателя с «положением», затем обрушивается на автора письма в наш журнал пародиста А. Иванова с цитатой из Пушкина: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении».

Не стоит даже напоминать, кого имел в виду поэт под «толпою»,— нормальный же читатель слишком **заждался** неприкрашенной, **полной** правды, он давно не радуется ничьему «унижению», он горько сострадает каждому униженному.

Авторов «Литературной газеты» задевает «сугубо личное» в воспоминаниях Трифонова. Увы, даже «у интимных сторон жизни художника» бывают сугубо наружные причины. И об этом **надо** писать. Трифонов придерживался именно такого мнения: «Если тяжкое не могло исчезнуть из жизни, то как оно может исчезнуть из литературы? Тут возникают сложности. Иные люди — будем называть их наблюдателями за здоровым пищеварением — считают, что не надо ничем отягощать желудки. Я же считаю: если съели испорченное мясо, надо непременно его выблевать, выкинуть наружу, без остатка, и, только когда очиститесь от гнили, можете продолжать жить. Иначе здоровья не будет. Нельзя напихивать в себя самые доброкачественные продукты, если где-то внутри осталась гниль. Литература обладает великой силой очищения. Правдивый рассказ о жизни — о той, что была, о той, что есть — может исцелить, помочь, внушить, освободить».

В. Куницын полагает: «Когда Ю. Трифонов был жив, он ничего «о сугубо личном» поэта не публиковал», «по соображениям именно этического характера». Увы, причина абсолютно иная и абсолютно ясная — та же, по которой он не публиковал раньше, например, роман «Исчезновение», который всем нам предстоит скоро прочесть. В своей «Этике спора» В. Куницын (по другому поводу) зовет — жирным шрифтом — присоединяться к требованию «не фарисействовать». Пока, как видим, не получается. Получается иное: лукавящий или непонятливый критик «Литературной газеты» настойчиво стремится определить «доброкачественные» границы, «этические» пределы гласности.

Занятие это, увы, весьма неэтичное, недостойное и, будем надеяться, неперспективное.

...Возвращаясь к предшествовавшему разговору, хочется сказать: шестой номер «Знамени» вообще событие в нашей литературной жизни. Там спустя 52 года опубликована повесть Андрея Платонова «Ювенильное море» — настоящее открытие. И там же напечатаны заметки Анатолия Стреляного «Приход и расход», в которых публицист обнажает корни многих сегодняшних негативных явлений, страстно изобличает следствия, но говорит прежде всего о главном — о причинах, называет ответственных за сложившееся положение и намечает дороги, по которым необходимо двигаться...

Читайте — и вы поверите и ощутите, что всё еще впереди.

ДНИ ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА

НА ПУТИ К ПУШКИНСКОМУ ТЕАТРУ

Владимир РЕЦЕПТЕР,
заслуженный артист РСФСР

В нашей стране есть несколько театров имени А. С. Пушкина, но нет ни одного по-настоящему Пушкинского театра, целиком посвященного его загадочной и по сей день не освоенной русским театром драматургии. На родине Пушкина нет театра, в котором зритель всегда мог бы увидеть «Бориса Годунова», «Маленькие трагедии», «Русалку», «Сцены из рыцарских времен» и другие его создания в исполнении подготовленных «пушкинских» артистов, спектакли по произведениям А. С. Пушкина, поставленные исходя из его драматургического метода...

До сих пор приходится слышать о том, что драматургия Пушкина — это «театр для чтения», что она несценична. Мне казалось и кажется, что проблема перевернута с ног на голову: не Пушкин «несценичен», а театр не «пушкинизирован»; что именно в наше время новым и вполне конкретным смыслом наполняется пушкинская формула: дух века требует важных перемен и на сцене драматической.

У англичан давно существует Мемориальный Шекспировский театр, и со школьной скамьи английского актера учат не только общим законам сцены, но и тому, как играть Шекспира.

У нас есть серьезные театральные институты, есть школы и направления, есть талантливые педагоги, вооруженные учением К. С. Станиславского. Но многие признают, что, открыв для себя, как играть Горького и Чехова, Художественный театр останавливался в недоумении перед Шекспиром, не говоря уже о Пушкине.

Драматическая система Пушкина до тех пор останется недосягаемой, пока коллектив Мемориального Пушкинского театра (назовем его условно так) не начнет систематической целеустремленной работы над нею и не сделает эту работу целью и смыслом своего существования...

Эти и другие сопутствующие им соображения я впервые высказал десять лет назад на традиционной пушкинской конференции в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, где они получили поддержку ученых-пушкинистов.

Слово было сказано, и я почувствовал себя ответственным хотя бы за то, чтобы совершить первый шаг по пути воплощения идеи. Таким шагом могла стать Пушкинская студия.

С первых ролей в Большом драматическом театре началось мое параллельное сотрудничество с Ленконцертом, и поэтому естественным было поставить вопрос о студии в рамках мощной концертной организации. Я нашел понимание и поддержку у тогдашнего художественного руководителя Ленконцерта Д. И. Тимофеева и его директора К. П. Садовникова.

...Мы собрались, чтобы открыть для себя умом, сердцем, голосом, слухом, дыханием, языком, речью, зрением — плотью и духом, что такое пушкинская драматургия. Мы решили этим заниматься постоянно, чтобы наш опыт не был эпизодичным и чтобы мы не успевали его забыть.

К нам должен был прийти зритель, который, как и мы, считал, что Пушкин должен не сходить с русской сцены и вместе с нами захотел бы вступить на честный путь «драматических изучений».

Мы искали и репетировали, не жалея времени и усилий, в любом из подвернувшихся помещений. Пока однажды мне не позвонила директор музея Достоевского Б. Н. Рыбалко и не предложила использовать помещение лекционного зала музея как репетиционную базу и место будущей работы. Дирекцию Ленконцерта не смущал маленький зал на сто мест, а нам он сразу пришелся по сердцу.

К этому времени сложился сценарий будущего спектакля: зритель вместе с актерами приглашался участвовать в исследовательской работе... «Зримое литературоведение» становилось существенной частью будущего представления.

Чтобы приспособить лекционный зал музея Достоевского для спектаклей, пришлось много поработать.

Рядом со зрительным залом в подвале было еще одно сообщающееся с ним помещение без окон, где хранилась часть музейной библиотеки. Этот темный чулан был сплошь заставлен старыми шкафами, свободной оставалась только узкая, немногим больше метра в ширину, щель, ведущая к запасной пожарной двери во дворе. Мы превратили эту щель в общую гримуборную, где, отделившись друг от друга занавеской-холстиной, должны были переодеваться мужчины и женщины. Позже шкафам с книгами музей нашел другое место, и у нас появилось новое жизненное пространство...

«Моцарта и Сальери» мы репетировали с Иваном Краско. Все, что я успел узнать о Сальери, он вбирал, как губка.

Исполнителю роли Сальери важно найти контраст монолога и диалога, разницу выразительных средств. Все, что адресовано Моцарту, должно быть смело и открыто направлено партнеру. Самая большая опасность, подстерегающая актера в роли Сальери,— это его инстинктивные попытки показать, как Сальери скрывает свои мысли от Моцарта. Все дело в том, что эту функцию уже выполнили монологи, прозвучавшие перед первой сценой и после нее. Зритель уже все знает о Сальери, его муках и намерениях. Поэтому в диалоге с Моцартом он должен быть весь открыт и как бы распахнут, смел и убедителен, ведь действие ведет Сальери, он строит сюжет: приглашает к обеду, пытается развеселить Моцарта.

...Вот длинный ящик или сундук, из которого каждый раз мы извлекали нужные аксессуары: русские кокошники и шапки для «Русалки», кружевные испанские воротники для «Каменного гостя», парики для «Моцарта и Сальери». Это костюмные «добавки», зримые намеки на то, в какое время и в какое место должно увести нас воображение. Художник Андрей Вагин, как мы договорились, создал для нас единые костюмы: для мужчин — сапоги, безрукавные колеты, черные и белые рубашки, черные и белые плащи; для женщин — черные длинные платья...

Итак, мы будем играть «Моцарта и Сальери» и поэтому достаем парики — словно сейчас, на

Евгений Устинов. Рисунок из серии «А. С. Пушкин. Жизнь поэта». 1972—1979.

глазах у зрителя, мы их наденем, превращаясь в персонажей трагедии. Но тут же «передумаем» и от париков откажемся, оставив их лежать на видном месте...

А когда действие завершится, и актер, сыгравший Сальери, сидя в кресле, будет приходить в себя, тогда вернется на сцену исполнитель роли Моцарта, возьмет парики и поможет Сальери подняться. Будто прощаясь с героями, он побросает эти парики в сундук. Актеры еще помедлят, глядя в его раскрытую пасть. И вот захлопнута крышка; глухой деревянный удар в конце спектакля напомнит нам другие разлуки...

Наступил день «сдачи» первого «пушкинского спектакля» студии расширенному художественному совету, на который были приглашены журналисты, писатели, музейные работники, пушкинисты.

Вот отзыв М. П. Алексеева, академика, председателя Пушкинской комиссии АН СССР: «Я заинтересовался идеей Пушкинской студии. Могут быть разные студии: экспериментальная, реставрирующая... Могут быть разные подходы. То, что я увидел сегодня, мне нравится, потому что это — эксперимент. Есть открытие: «Русалка» — одна из «Маленьких трагедий», никаких сомнений нет, это тот же жанр. Пушкин в настоящем виде. Над нами довлело либретто оперы. Вы сделали большое дело. Пушкинское драматическое слово мы никогда не слышим... Существует (это установлено наукой) зрительная филология и филология уха. Огромно значение произнесенного, произносимого слова. Я не могу слышать Пушкина, когда читают декламаторы. Пушкинские — самые сложные русские стихи. Их гениальность погашается при произнесении. Важно открыть пушкинскую драматургию, чтобы ее можно было услышать. Ваша студия как раз и может быть приспособлена для того, чтобы зрители услышали со сцены пушкинское слово».

Выступление Михаила Павловича Алексеева имело для нас принципиальное значение, так как у нашей идеи читать «Русалку» в соответствии с последним порядком сцен, который был установлен рукой Пушкина и до сих пор не соблюдается публикаторами,— у этой идеи были и свои противники.

Итак, состоялась премьера, и около шести лет студийное суденышко было на плаву. Иногда мне казалось почти неправдоподобным, что в сводной ежемесячной городской театральной афише есть наша скромная графа, что мы играем восемь — двенадцать пушкинских спектаклей в месяц. Чаще всего мы «поднимали занавес» в субботу и воскресенье, в промежутке между дневными и вечерними спектаклями театров, или вечером в понедельник, когда у большинства наших актеров был выходной. Труднее было собрать всех на репетиции, в дело вмешивались гастроли, болезни, телевидение.

У нас появилась своя «скамейка запасных». Мы расширили пушкинский репертуар («Каменный гость», «Пир во время чумы») и выпустили спектакли по произведениям Ф. М. Достоевского (ведь мы родились под его крышей) и Л. Н. Толстого.

Рождение студии и ее работу одобряли в печати, но, может быть, главным плодом студийного энтузиазма было появление своего зрителя, готового по нескольку раз смотреть пушкинские спектакли. Вот отрывки из одного письма, переданного нам после очередного представления: «Дорогие товарищи актеры! Спасибо вам за то, что в городе есть пушкинский театр, за ту радость, которую вы дарите людям. Пушкинское творчество прекрасно и сложно. Оно, как музыка, не с первого прослушивания бывает понятно, и, как музыку, его слушать можно (и нужно) снова и снова... Пушкин, растворившийся в своих героях, возникает в этих спектаклях, фантастически обретая плоть и кровь».

О тех богатствах, которые мы открыли для себя, читая и перечитывая пушкинский текст, вскрывая действенную подоплеку поступков и речей его героев, о неожиданных связях и отталкиваниях, возникших на сцене между действующими лицами, об общих законах пушкинского театра, которые мы всем существом ощутили, следовало бы рассказать подробно, но это — дело будущего. Ведь мы не успели завершить даже первого круга «драматических изучений»: не поставлены «Скупой рыцарь», «Сцены из рыцарских времен» и «Борис Годунов». Как заманчивы тайны бездонных пушкинских ремарок, какой наполненности требуют головокружительно краткие сцены, какие великие страсти обуревают героев, какие неожиданности открываются в них, на первый взгляд таких знакомых!..

Но стали появляться организационные препятствия. В Ленконцерт поступили новые инструкции, урезывались фонды на «внештатных» артистов.

В это же время на нас обрушилось и настоящее стихийное бедствие в виде небольшого наводнения, вполне достаточного, впрочем, для нашего подвала. И станки, и костюмы, хранившиеся в сундуках, и реквизит, и паркетный пол в зале были основательно испорчены. С этого момента печальные предчувствия уже не покидали нас. В новых условиях дирекция Ленконцерта не разрешила нам и думать об обновлении постановочной части...

Кроме организационно-технических, накопились в студии и внутренние трудности, у части артистов отсутствовала твердая зарплата... Но когда спектакли перестали идти, мы все осознали, что для нас значила Пушкинская студия...

Я заметался по городу в поисках выхода. На встречах с должностными лицами идея Мемориального Пушкинского театра единодушно и горячо приветствовалась, но разведенные руки моих собеседников свидетельствовали об их личном бессилии.

В один из тех дней я был приглашен в Управление культуры Ленгорисполкома. Оказалось, что обеспокоенные паузой в работе студии зрители стали писать письма, а я понадобился для того, чтобы дать информацию для готовящегося вежливого ответа. После ряда доброжелательных переговоров в Управлении культуры я составил обстоятельную записку о положении дел.

Вот уже более года записка эта вместе с соответствующими выкладками, расчетами и обоснованиями занимает свое место среди управленческих бумаг. Правда, один из ответственных работников Управления дружески советует мне пойти на прием к еще более ответственному работнику, но в то же время дает понять, что организационно дело опять замкнется на повязанном очередными инструкциями Ленконцерте, а движущей силой в борьбе с ватной стеной снова останется одинокий энтузиазм.

Думаю, что деятельность Пушкинской студии представляет собой опыт, освоить и развить который — дело следующего этапа. Им, на мой взгляд, должно явиться создание Мемориального Пушкинского театра, художественного организма, взятого под опеку не одной, хотя бы и мощной, организацией, а городом или страной. Быть может, это тот случай, когда к созданию нового театрального дела следует подойти не ведомственно или регионально, а государственно.

Мемориальному Пушкинскому театру предстояло бы из года в год ставить и играть пьесы А. С. Пушкина, привлекая к своей работе новых исполнителей и режиссеров, вдумчивых исследователей-пушкинистов и художников; ему пришлось бы самым конкретным образом, то есть применительно к творчеству Пушкина, использовать все его теоретические положения о драме и театре. Из года в год более зрелые, опытные актеры и режиссеры могли бы передавать свой опыт молодым, так, чтобы не рвались связи и возникали школа и традиция.

ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

ЗАСТАВА ПОГОДЫ

Какие они? Как они там живут?
Неужели их не тянет ближе к людям?..
Не иссякает любопытство к тем,
кто выбрал дело, которое понуждает
жить вдали от больших городов,
от культуры, от удобств.
Страна наша необъятна,
и немало в ней углов
поистине медвежьих и без всяких кавычек.
В таком вот месте на Алданском нагорье,
в Якутии, и находится труднодоступная
гидрометеостанция Чюльбю.
Сегодня мы знакомимся с ее людьми.

Борис РЯЗАНЦЕВ,
фото
Александра НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Старый Чок подслеповат и туг на единственное ухо. Вместо другого гладкая кожа. И, пожалуй, совсем потерял нюх.

— Он у меня на почетной персональной пенсии,— говорит Шатковский и, чуть помолчав, добавляет: — Дважды из-под медведя вытаскивал...

Живет Чок в служебном помещении, где рация. Вход сюда посторонним заказан. И потому его никто зря не беспокоит. Ни хозяйкин баловень бывалый Барбоска, имевший в свое время разногласия со старым псом по собачьим вопросам. Ни тем более молодой шалый Шарик, поджарый уличный сторож, ставший, однако, уже и на охотничью тропу. Теперь его учит Барбос, а того в свое время натаскивал Чок.

Чок был предан до самоотвержения. А вот научить тому же Фому не удалось. Лукавого ума был пес — на задних лапах чуть не танцевал, горазд был на всякие забавы и хитрости, чтобы подачку получить. Может, для цирка подошел бы в самый раз. Но до охоты не охотник.

Словом, однажды ночью встал на пути Шатковского шатун. Таежный мишка совсем не так добродушен в природе, как на арене. А уж тот, что бродит зимой, голодный и с головной болью от бессонницы, многократно свирепей. Собаки бросились на хозяина тайги. Но Фома струсил и выкатился под ноги человеку. Стряхнув второго пса, зверь навалился на Анатолия...

Как он, задохнувшийся от тяжести и боли, нажал спуск — не помнит. Как грянул выстрел, пробивший через подбородок медвежий череп, Шатковский не услышал. Быть может, судорожно цепляясь за крючок, он в нем чувствовал искрой исчезающего сознания последнюю связь с жизнью. Может, сработала охотницкая интуиция. А может, и медведь, навалившись, помог. Сейчас и сам объяснить не может, что вернее.

Очнулся, однако, в стороне от туши — Чок вытащил. Не будь его, ободранный и лишившийся чувств Шатковский мог бы запросто задохнуться.

И до, и после были встречи с шатунами. Особенно досаждал тот, что приходил в отсутствие Анатолия. Смышленый зверь дожидался, когда охотник уходил на промысел, и заявлялся на станцию. Причем выбирал время дежурства Надежды Ивановны. К шести утра она торопилась на «срок» — так метеорологи называют один из восьми моментов передачи информации в эфир. Мало радости вообще один на один встретиться с косматым великаном. Даже с ружьем на изготовку, чтобы отпугнуть выстрелом. Но потом, включив рацию, работать дрожащими пальцами на ключе, прямо скажем, несподручно.

В общем, допекла Шатковских назойливость медведя. Пришел он както раз опять, потоптался у станции и, учуяв хозяина дома, ушел в тайгу. Анатолий двинулся по свежему следу.

— Я, понимаешь, круг сделал и снова к дому вышел,— вспоминает Шатковский, с которым мы, почувствовав взаимную симпатию, перешли на «ты».— Верней всего, что повезло мне больше, чем ему. И шел я побыстрей, и осторожен был так, что он не услышал. А только я поспел как раз. Он у крыльца в рост поднялся. И стали мы глаза в глаза...

Встретишь Анатолия Владимировича на шумной городской улице, и подозрения не возникнет, что он и с медведями на «ты». Пожалуй, даже потеряется в толпе спортивного вида удальцов. Но вот лицо его, лицо бывалого человека с острым оценивающим взглядом, врежется в память надолго.

Шатковские познакомились в Свердловской гидрометшколе почти двадцать лет назад. С тех пор вместе. Быть может, их объединила тогда не только школа, но и общая родина. Она из Читинской области, он из самой Читы. В 1969 году они пришли в Якутское территориальное управление по метеорологии и контролю природной среды. Работали на разных станциях. А здесь, на гидрометеостанции Чюльбю, расположенной на реке Учур на Алданском нагорье, трудятся без малого полтора десятка лет.

ГМС была организована еще в 1949 году. Цель создания — изучение климата, метеорологическое обеспечение развивающегося горнорудного района и изучение водного режима бассейна реки Алдан. Его приток — Учур, в который, в свою очередь, впадает горная речка. По ее имени и названа гидрометеостанция.

А еще раньше, в годы войны, был тут золотоискательский ям, где старатели меняли лошадей.

За годы старое здание ГМС обветшало. Грибок его поразил. Жить в нем стало неуютно. Стоит-то оно и теперь. В нем и мастерская, где Анатолий ремонтирует технику, и охотничий балаган, где висит сохатиная шкура, и чулан. Шатковские живут в новом доме.

На станции — пятеро. Кроме Шатковских, два молодых техника-радиооператора, Наташа Спирина и Люда Кривопалова, недавние выпускницы новосибирского ГПТУ № 7. У восемнадцатилетних девушек сейчас, как принято говорить, период адаптации. И полугода не прожили тут. Они только-только привыкают к непривычному таежному быту. И не погасло в них пока очарование училищных легенд о таких вот, как Шатковские, посвятивших себя посту, а точнее, заставе погоды. И потому девочки предпочитают вникать, наблюдать, вживаться в бесконечную круговерть станционного уклада, в коем красной нитью — время выхода в эфир.

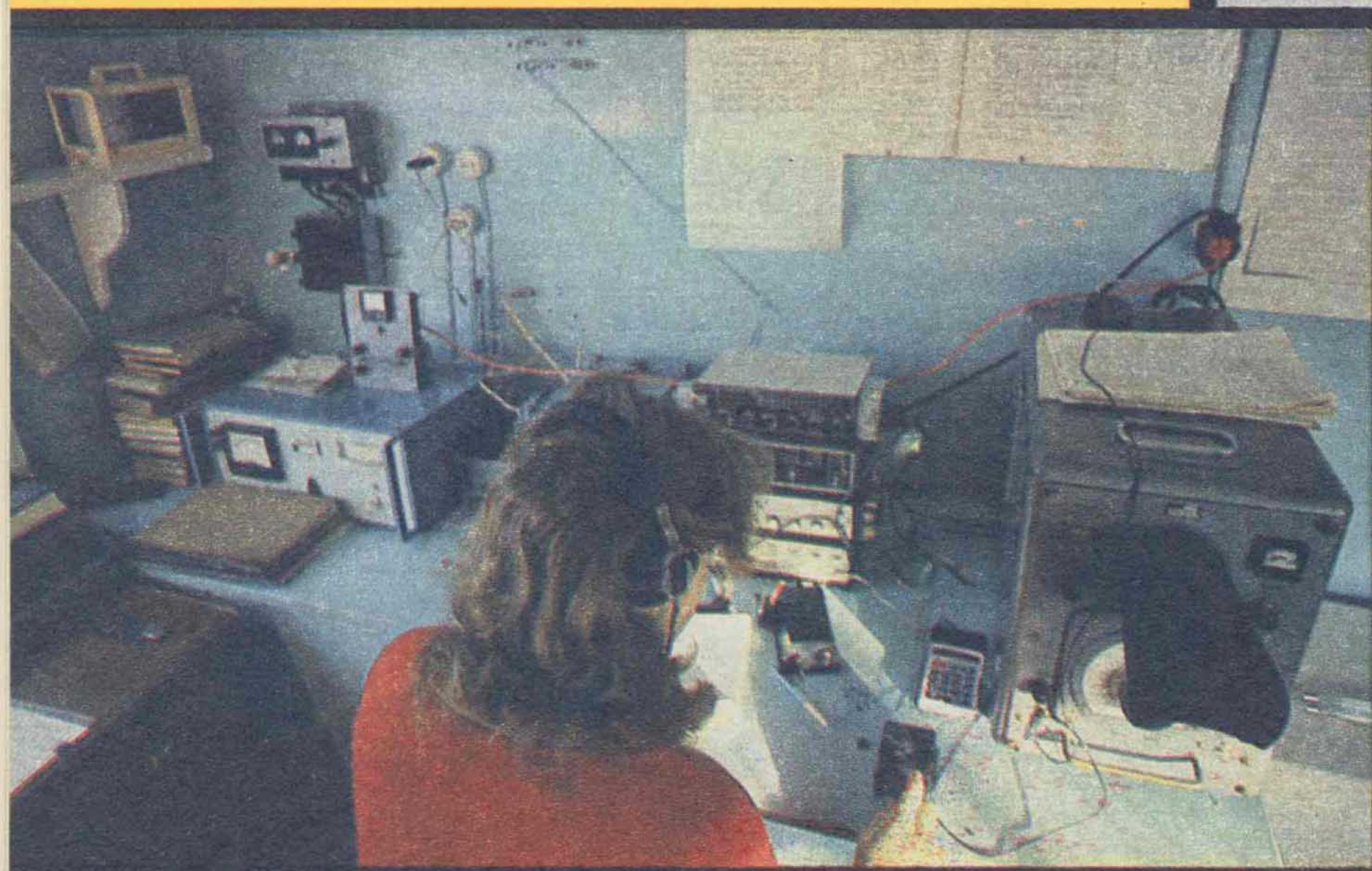
А перед этим надо сходить на метеоплощадку, снять показания приборов: куда и как дует ветер, сколько насыпало снегу, какова крепость мороза. Словом, проследить все сию-

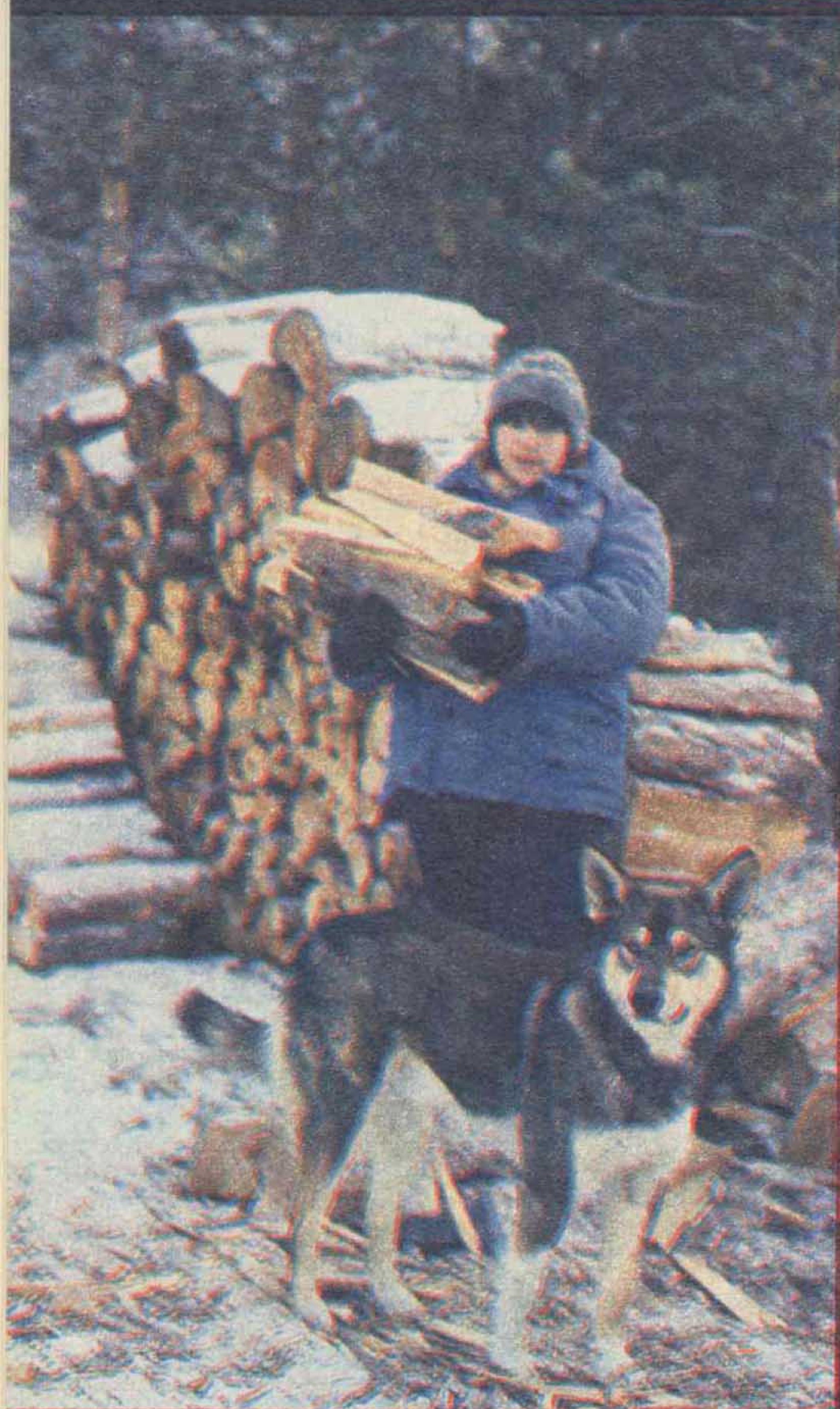
Окончание на стр. 24.

Коммуна Чюльбю
На снимке (слева направо): Б. И. Обвинцев, А. В. и Н. И. Шатковские, Н. Спирина.

Гидролог Борис Иванович Обвинцев.

Служба
в ритме эфира,
повседневность
таежного быта,
но все-таки
впечатление
праздника.
Ведь только что
сверкнул елочным
золотом
Новый год.

УДИВИТЕЛЬНАЯ
ВНУТРЕННЯЯ ЦЕЛЬНОСТЬ,
ГОТОВНОСТЬ
К САМОПОЖЕРТВОВАНИЮ,
ВЕРА И НЕОБХОДИМОСТЬ ЖИТЬ
СОГЛАСНО СВОЕЙ ВЕРЕ —
ВОТ ЧТО ОБЪЕДИНЯЕТ
ГЕРОИНЬ ТАТЬЯНЫ ДРУБИЧ.

РАМПА

...ДНИ ПОСЛЕ ДЕТСТВА

Сергей МАРКОВ

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Сидя в кабинете, глядя на нее и на лица больных, пришедших за помощью в гомеопатическую поликлинику (первая и, как она сама считает, основная профессия Татьяны Друбич — врач), я думал вот о чем: в погоне за техническими новшествами, в спорах о филиппинской медицине, о том, существуют ли биополя или не существуют, в прочих спорах, ссорах и славословиях мы забываем порой, что простое человеческое обаяние, не фальшивая, а искренняя доброта и искреннее внимание к больному, способность к состраданию не по должности, а по сути своей, по душе — тоже целебные препараты, и весьма действенные.

— Поможет, доктор? — спрашивали Татьяну.— Я ведь почти все уже перепробовал...

— Поможет,— мягко улыбаясь, отвечала она.— Думаю, что поможет.

— Вы такая молоденькая, простите уж, но я почему-то верю вам...

И еще я думал, как удачно сказано кем-то: все время люди спорят, «что» главное в искусстве да и вообще в жизни или «как», но главным при всем том остается «кто».

Кажется мне, что Татьяна Друбич играла и в первом фильме режиссера Сергея Соловьева — десятиминутной документальной ленте «Взгляните на лицо», где актеров вообще не было, скрытой камерой операторы под руководством режиссера фиксировали в зале Эрмитажа реакцию посетителей на «Мадонну Литту», и постепенно эти зарисовки выражений лиц, самых разных, молодых и пожилых, мужских и женских, одухотворенных и не слишком, соединялись, сливались в единое целое, в образную мысль создателей картины о неизбывной тяге человека к духовности, к прекрасному, возвышенному идеалу...

Теперь, после таких картин Соловьева, как «Сто дней после детства», «Спасатель», «Избранные», «Наследница по прямой», как-то даже странно думать, что они запросто могли не встретиться, режиссер и актриса, да и вообще Татьяна Друбич могла актрисой не стать.

Родилась она в центре Москвы, училась в специализированной французской школе, очень много читала, читала все, но особенно любила русскую классику: Толстого, Тургенева, Бунина... Таня заканчивала седьмой класс, когда в школу пришли с киностудии и пригласили на пробу. Сперва испугалась, потом остались в памяти запах раскаленных ламп, ослепляющие вспышки на фотопробах, чьи-то успокаивающие голоса, жужжание кинокамеры, съемки, просмотр — и ужас, стыд, бог знает что! После просмотра Таня торжественно поклялась себе больше никогда ни за что ни под каким видом не появляться на киноэкране. Это был фильм И. Туманян «Пятнадцатая весна».

Но прошел год, снова в школу пришли с киностудии и вместе с несколькими другими девочками отобрали и Таню — пошла, потому что стояла очень хорошая погода, и от уроков освобождали, а то, что проходили, она уже знала.

— Привстань-ка, пожалуйста, девочка,— попросил вошедший в комнату режиссер, который потом и оказался Сергеем Соловьевым.— Так, понятно... Все ясно. Спасибо. Ты свободна.— И, подождав, пока она выйдет, спросил у подруг:—Девчата, что это у нее с ногами? Почему она на полусогнутых, болела, что ли, в детстве?

— Да нет, что вы! Она стесняется просто, у нее рейтузы на коленках растянуты. А вообще Таня у нас уже настоящая киноартистка — она ведь снималась, и почти в главной роли!..

— Серьезно? Верните-ка ее, пожалуйста, надо повнимательней ее разглядеть...

И начались «Сто дней после детства».

— Многие думают, что кино портит детей,— говорит Татьяна Друбич,— дети зазнаются, становятся эгоистичными... Что касается меня, то работа над фильмом «Сто дней после детства», я точно знаю, не испортила, наоборот, очень и очень многое дала, научила... Человек живет ожиданием, надеждой, мыслью, что главное, самое главное впереди, правильно? Даже если и старик уже. Любой человек. А вот я, как теперь понимаю, именно тогда, во время «Ста дней», жила по-настоящему, каждый день, каждый час, каждое мгновение я чувствовала жизнь, ее прелесть, ее печаль, ее восторг... Открытие мира, огромного, безграничного... Нет, я, конечно, не хочу сказать, что у меня не осталось больше никаких надежд, надежд много, кажется, даже с каждым днем их все больше. Но и не оставляет меня чувство, что все последующие работы — как бы комментарий, послесловие к «Ста дням». И уж уверена я, что не повторится никогда того, что подарила мне судьба, сведя с такими истинными художниками, как режиссер Сергей Соловьев, оператор Леонид Калашников, композитор Исаак Шварц, художник Александр Борисов...

Мне думается, что картина «Сто дней после детства» успехом своим— а успех был прямо-таки фантастическим для молодого тридцатилетнего режиссера: и главная премия на Всесоюзном кинофестивале во Фрунзе, и три международных, и премия Ленинского комсомола, и Государственная премия СССР,— успехом этим картина во многом обязана Татьяне Друбич, и не только, и даже не столько ее актерской игре, сколько самому облику ее, словно изнутри светящемуся подлинной и столь редкостной во все времена духовностью, врожденной женственностью, поэзией.

— Потом, уже после выхода фильма,— говорил Сергей Соловьев,— мне приходилось слышать упреки, что все это выдумка, что в жизни ни пионерских лагерей таких, ни детей таких не бывает, герои обитают в искусственной, нереальной атмосфере... Как часто мы собственную слепоту, душевную усталость и нелюбопытство склонны выдавать за единственную «реальность». Человеку, впервые нырнувшему в акваланге на глубину, подводный мир тоже может показаться искусственным, хотя для определенного рода живой материи это именно естественная среда. И, наоборот, тот замусоренный пляж, с которого нырнул аквалангист и который кому-то уже кажется естественной средой, может оказаться для этого рода жизни просто смертельным...

После этой картины Таню сразу пригласили во ВГИК — без вступительных экзаменов, прямо из девятого класса. Но она не пошла. Она не хотела быть актрисой. Почему?

— Не хотела, и все. Я думала поступать в полиграфический институт, но старший брат учился в медицинском, и я, окончив школу на пятерки, поступила в медицинский. И не жалею. Работаю врачом в поликлинике, работа, конечно, непростая, но мне очень нравится. Ну и в кино снимаюсь. Нет, не хочу сказать, что кино для меня — просто так, развлечение, хобби такое. Глупо и смешно было бы так говорить. Кино — это работа, еще какая работа! И тоже любимая, особенно когда режиссер картины не имитатор, а личность со своим видением, своим миром. Меня привлекают художники в буквальном, первоначальном смысле слова, то есть режиссеры, мыслящие образами, а не кинопублицисты.

— Какие роли хотелось бы сыграть?

— Если бы это было хоть немного реально, я бы не стала говорить, побоялась бы сглазить. А так, пожалуйста: мечтаю сыграть Анну Каренину. Это мой самый любимый роман и самая любимая героиня, потому что сложная, неожиданная, очень живая. Вообще очень люблю русскую литературу, перечитываю постоянно Ивана Алексеевича Бунина. Не понимаю, почему его не ставят в кино? Сколько крику, особенно последнее время: сценариев нет хороших, сценаристов да и литературных первоисточников, подходящих для кино, тоже нет!.. А Бунин! Кино ведь не только сюжет, анекдот, но и (а по-моему, вообще это главное в кино!) атмосфера, интонация, настроения, полу- и четвертьтона...

Бунин... Столкновение огня со льдом, поэзии с прозой жизни, мечты, идеала — с реальностью. Постоянное, беспощадное, жестокое порой испытание идеалом, и в испытании этом недопустимо отклонение ни на миллиметр. Мечтаю любую из женщин Бунина сыграть.

Героинь Татьяны Друбич отличает удивительная внутренняя цельность, способность и всегдашняя готовность к самопожертвованию, вера и необходимость жить согласно своей вере.

Для Аси Веденеевой из «Спасателя» все то, о чем говорил в школе преподаватель Ларикова—духовность, душевная обнаженность,— не просто слова, но истина, отречься от которой все равно что отречься от своего «я», и поэтому она способна на поступок, заставляющий всех по-новому взглянуть на мир и на себя.

— Миленький, миленький, что они с тобой сделали!..— кричит в финале картины «Избранные» Ольга, а кажется, что сама Таня Друбич кричит, от себя, всем существом своим оплакивая не смерть главного героя истории, не свою к нему любовь, но уничтоженную человеческую душу, но Любовь, это иссеченное плетьми, в грязь втоптанное, распятое, чистое, вечное чувство.

Ольга в «Избранных» — латиноамериканка, колумбийка, но никакого это не имеет значения, героиня Татьяны Друбич могла быть по национальности кем угодно, потому что суть ее не знает границ, она выше границ и всяческих различий, суть ее общечеловечна. Самое страшное, что только мог сделать мужчина с женщиной, человек с человеком, с Ольгой, сделал Б. К.— предал, продал, но она прощает его, она любит, несмотря ни на что...

Недавно на экраны вышел фильм режиссера Р. Балаяна «Храни меня, мой талисман», где Друбич сыграла одну из главных ролей.

— Прикосновение к творчеству Пушкина,— говорит Татьяна,— это всегда счастье, всегда наслаждение. Но и ответственность огромная, и сложность — ведь у каждого свой Пушкин, это как небо и облака, как березы, отражающиеся в озере, как вся наша Родина...

В этом фильме я старалась показать женщину, верную по своей сути, по своему душевному складу, я старалась как бы сыграть саму верность, которая, естественно, немыслима без испытаний, и порой мучительных...

ИВАН БУНИН

1870—1953

Один из лучших мастеров русской лирической прозы, начинавший как поэт. Лауреат Нобелевской премии — первый из русских писателей. Блистательный стилист — учитель юного Катаева и многих других будущих писателей. Он как будто родился мэтром. Литературная генетика бунинской прозы, может быть, в лермонтовской «Тамани». Генетика его поэзии — скорее всего, в Баратынском. Его стихи сдержанны, чеканны. Октябрьскую революцию Бунин не принял, эмигрировал. Однако за годы эмиграции, где он написал одну из своих лучших ностальгических книг «Темные аллеи», Бунин во многом переменился, с надеждой и трепетом вслушиваясь в поэтические голоса из Советской России, и высочайше оценил «Василия Теркина» Твардовского как истинно народную русскую поэму. Он не вернулся на Родину, но вернулось его творчество и не могло не вернуться, ибо всеми корнями было связано с землей, его породившей.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

•

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО.

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

1867—1942

Знаменитый поэт своего времени, особенно популярный среди восторженной молодежи. Маяковский называл его вместе с Северяниным «фабрикантом патоки». Однако он же однажды защитил Бальмонта, сказав, что ненастоящий поэт никогда не написал бы такую строку, как «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...». У Бальмонта было предостаточно кокетливой пустоватой звукописи, «красивоватости». Однако имя Бальмонта неотъемлемо от русской поэзии. Поэзия была его единственной любовью, и он служил только ей одной, может быть, слишком по-жречески, опьяненный собственным воскуриваемым фимиамом, но беззаветно. Большим поэтом он, как показала история, не оказался, но остался именно как поэт, а это уже немало. Умер, почти забытый, в эмиграции.

●

Льет без конца. В лесу туман.
Качают елки головою:
«Ах, боже мой!» — Лес точно пьян,
Пресыщен влагой дождевою.

В сторожке темной у окна
Сидит и ложкой бьет ребенок.
Мать на печи,— все спит она,
В сырых сенях мычит теленок.

В сторожке грусть, мушиный гуд...
— Зачем в лесу звенит овсянка,
Грибы растут, цветы цветут
И травы ярки, как медянка?

— Зачем под мерный шум дождя,
Томясь всем миром и сторожкой,
Большеголовое дитя
Долбит о подоконник ложкой?

Мычит теленок, как немой,
И клонят горестные елки
Свои зеленые иголки:
«Ах, боже мой! Ах, боже мой!»

10.V.1923

РОДИНЕ

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

1891

ОДИНОЧЕСТВО

И ветер, и дождик, и мгла
 Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
 До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,
 Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
 Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один — без жены...

Сегодня идут без конца
 Те же тучи — гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
 Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вослед:
 «Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
 Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
 Хорошо бы собаку купить.

1903

КАМЕННАЯ БАБА

От зноя травы сухи и мертвы.
Степь — без границ, но даль синеет слабо.
Вот остов лошадиной головы.
Вот снова — Каменная Баба.

Как сонны эти плоские черты!
Как первобытно-грубо это тело!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Мне улыбаешься несмело.

О дикое исчадье древней тьмы!
Не ты ль когда-то было громовержцем?
— Не бог, не бог нас создал. Это мы
Богов творили рабским сердцем.

1903—1906

●

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

А внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И всё выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

1894

МЕЖ ПОДВОДНЫХ СТЕБЛЕЙ

Хорошо меж подводных стеблей.
Бледный свет. Тишина. Глубина.
Мы заметим лишь тень кораблей,
И до нас не доходит волна.

Неподвижные стебли глядят,
Неподвижные стебли растут.
Как спокоен зеленый их взгляд,
Как они бестревожно цветут.

Безглагольно глубокое дно,
Без шуршанья морская трава.
Мы любили, когда-то, давно,
Мы забыли земные слова.

Самоцветные камни. Песок.
Молчаливые призраки рыб.
Мир страстей и страданий далек.
Хорошо, что я в море погиб.

●

Я с ужасом теперь читаю сказки —
Не те, что все мы знаем с детских лет,
О, нет: живую боль — в ее огласке
Чрез страшный шорох утренних газет.

Мерещится, что вышла в круге снова
Вся нежить тех столетий темноты:
Кровь льется из Бориса Годунова,
У схваченных ломаются хребты.

Рвут крючьями язык, глаза и руки,
В разорванный живот втыкают шест,
По воздуху в ночах крадутся звуки —
Смех вора, вопль захватанных невест.

Средь бела дня — на улицах виденья,
Бормочут что-то, шепчут в пустоту,
Расстрелы тел, душ темных искривленья,
Сам дьявол на охоте. Чу! — «Ату!

Ату его! Руби его! Скорее!
Стреляй в него! Хлещи! По шее! Бей!»
Я падаю. Я стыну, цепенея.
И я их брат? И быть среди людей!

Постой. Где я? Избушка. Чья-то ноги.
Кость человечья. Это — для Яги?
И кровь. Идут дороги всё, дороги.
А! Вот она. Что слышит? Помоги!

Декабрь 1905.

МЫ ПЕРЕД ВРЕМЕНЕМ В ОТВЕТЕ

В последние месяцы в редакцию приходит все больше писем, авторы которых откликаются на волнующие проблемы наших дней, ставят наболевшие вопросы. Вот строки из этих писем.

Очень умная и очень честная жизнь — это тот идеал, к которому мы стремимся, к которому идем. Это конечная цель перестройки, становления страны. Но не будем закрывать глаза, что существует определенное сопротивление перестройке со стороны людей, держащихся за свои привилегии. Так что окончательная победа будет достигнута в борьбе. В упорной, напряженной борьбе с бюрократизмом, консерватизмом, инертностью, застоем, в борьбе со всеми негативными явлениями. И тут в первую очередь нужна гласность.

В. КОРНЕВ

Ростов-на-Дону.

Расскажу, почему за тридцать лет работы моя трудовая книжка превратилась в трехтомник от «по собственному желанию». Вот лишь два примера. Судите сами.

...Довольно-таки солидное предприятие. Я в числе руководителей одного из подразделений. По крайней мере половина из нас бездельники. Ребята толковые, грамотные, а пристроились уютно и «вырабатывают» молча персоналки — за стаж безделья и должности — за непротивление судьбе. И меня грызет совесть. Выступил я против нахлебничества. Назвал бездельника бездельником, приспособленца приспособленцем. Не поняли. Решили, что я хочу выжить начальника и занять его место. Так стал я неудобным человеком. Не выдержал, взял перевод и ушел с завода на стройки Нечерноземья. Все! Чтобы я еще куда-то влез! Сколько можно быть битым? С такими мыслями я приступил к работе. Через месяц я понял, что, если сделаю вид, что «моя хата с краю», перестану уважать себя. Приписки, хищения. Вновь облачился я в свои помятые в предыдущих боях латы и вступил в схватку.

«Если сам не уйдешь, выгоним»,— заявили мне и... уволили за несоответствие занимаемой должности. Борьба продолжается, состоится суд. В том, что меня восстановят, сомнений нет, речь не о том. Дело в том, что, победив, я останусь побежденным. Меня восстановят в должности, но и те останутся на своих местах, в своих креслах. Как быть?

Дети у меня растут. Два сына. Выпустить их в жизнь по образу и подобию своему? Будут биты... Или воспитать в них примиренчество.

Г. НИКОНОРОВ

Калинин.

Почему становится честный человек диковинной редкостью в наши дни? Ведь почти каждый знает, что быть честным всегда и всюду, на работе и дома, в помыслах и делах, в отношениях к близким и самому себе есть самая первая нравственная заповедь?

Почему же подлинно честный человек оказывается зачастую жертвой своей честности? В жизни общественной и подчас семейной?

Мне кажется, что нечестные люди умелее развивают «средства подавления честности», чем честные — «подавления бесчестности», непорядочности.

П. ЛЕБЕДЕВ, научный сотрудник

Москва.

Уверен, что слова о человеческом факторе не должны расходиться с делами. Особенно если речь идет о детях.

В Макеевке работает спецшкола-интернат № 44 для глухих детей, среди которых есть и сироты. Мы не хотим, чтобы они скучали, когда их сверстники уезжают к родителям на воскресные дни. Для экскурсий, отдыха, посещения театров и кино нужен автобус. По нормам материального снабжения школа имеет право на его приобретение, но Донецкое облоно в течение длительного времени не может нам его выделить, ссылаясь на нехватку автобусов.

По поручению коллектива директор школы-интерната А. К. ПОГОНЕЦ

Макеевка
Донецкой обл.

Хорошую книгу купить трудно. Справедливо виним издательства. А разве писательская организация союзного значения орган менее авторитетный? Как же туда проникает бездарь? А раз эта бездарь в Союзе писателей, то и издателя она уж как-нибудь найдет. Не решаемся мы пока говорить смело, не боясь обидеть издательства, которые выпускают макулатуру, и писателей, ее создающих.

М. КИСЛЯК

Кореновск
Краснодарского края.

Работаю мастером в курортном управлении. Строим сейчас мы клуб-столовую для санатория на озере Увильды. Наболело на душе оттого, что на производстве полно бездельников и мало кто считает, что с ними лучше всего бороться рублем.

Современный бездельник не так прост: он прикрывает свое безделье словами, выступлениями на собраниях. И главное — ему выгодно получать зарплату наравне со всеми. Как раньше бурлаки на Волге... Тянут лямку все одинаково, в команде, а один отпускает лямку и только орет, когда нужно взять порог. Он и деньги получал, как все, и вдобавок свои дополнительные «горловые» — чарку водки.

Как бы лишить нынешнего бездельника «горловых»?

Работают под моим руководством два землекопа, я принял их от другого прораба. Один — здоровый и работник. Другой — маленький и лентяй. Получали поровну, на двоих 300—350 рублей. Так вот, вижу — катается маленький на большом. Выписываю наряд на двоих, как прежний прораб. И думаю: как сказать, что ты, мол, маленький, плохо работаешь? Чувствую, характера не хватает... Ответят мне, какое твое дело, и уволятся. А где работников найти? Они свои, местные, из одного села, сговорятся. Помог случай. Вдруг они раздружились. Я им сразу отмерил по норме одинакового грунта для траншеи. Выписал по наряду — работайте... Работяга стал получать 210—240 рублей, а лодырь — 80—90 рублей. Лентяй быстро понял свою ошибку и лисой к работяге. А тому жалко стало свои заработанные сто рублей делить с лодырем, даже лесть не подействовала.

Еще пример. Строили мы консервный цех, принял я тогда разваленное хозяйство: прораба посадили на два года. Материал разворовывают, пропивают, заработки низкие, текучесть кадров. Пригляделяся — получают все поровну. Я взялся за реорганизацию. Бригадира поставил рабочим, а из них же выбрал бригадира, который хорошо знал каменные работы. Заменил шофера на грузовой машине. Разряды установил от 3-го до 6-го. У кого 3-й, зарабатывали по 90 рублей, как у них и было, у кого 6-й — 160—170 рублей. И что произошло? Третьеразрядники-бездельники сначала злились, а потом и работать стали лучше, и пить меньше.

Я против уравниловки, каждому по труду — вот это правильно. Заработанный рубль обязательно скажется на качестве работы. Да и жалко бросать на ветер деньги, если вкалываешь за них.

Д. НОВИКОВ

г. Шацк
Рязанской обл.

Как человек, вдоволь хлебнувший всех бед и трудностей, которые встречают изобретателя на его тернистом пути, я от всей души приветствую инициативу «Огонька», решившего организовать журналистскую фирму «Внедрение». Сошлюсь на собственный опыт. На моем счету около пятидесяти внедренных предложений, правда, не особенно крупных — с годовой эффективностью не выше миллиона рублей. Как только дело шло об изобретениях с эффективностью в сотни миллионов, они под разными предлогами отклонялись. Считаю, что невозможно переоценить помощь прессы в борьбе с косностью, бюрократизмом, а иногда и даже намеренным противодействием.

Л. КЛУБОК, инженер

п. Иноземцево
Ставропольского края.

Узнал я, что на одном предприятии в нашем городе комсомольско-молодежная бригада сменную выработку вдвое перекрывает. Решил написать репортаж. Знакомлюсь с результатами. «Хорошо,— думаю.— Да только сегодня этого недостаточно».

— А чем молодежь живет в свободное время? — спрашиваю.

— Не организован у нас еще досуг. После смены ударники не знают куда себя деть,— отвечает бригадир Санников.— Начальство о перестройке только говорит громко да план требует. А о нуждах молодежи не заботится. Например, на пустыре перед общежитием можно спортплощадку оборудовать...

Пошел я к директору. Пригласил он ответственных работников. Постановили загнать на пустырь бульдозер и за неделю сделать волейбольную площадку.

Прихожу через неделю. Натянута новенькая сетка. Только вот спортсмены сидят на скамейках.

— Почему же вы, ребята, не играете?

— А потому что мяча нет.

Я к директору. Вызвал он бухгалтера: «Хоть расшибись, а чтобы мяч был».

На следующий день картина та же. Сгрудились у забора и вместо мяча полтинник подбрасывают.

— Так что, не дали вам мяч? — спрашиваю бригадира.

— Дали,— отвечает.— Да он ненадутый. Что с начальством поделаешь...

Может быть, вам покажется мой репортаж ироничным, но факт этот, увы, действительный. Мне не раз приходилось сталкиваться с тем, что молодежь ждет, когда ей преподнесут готовенькое, как говорится, на блюдечке. А где же собственная инициатива? К сожалению, перестройка, начатая в обществе, натыкается на рифы иждивенческих тенденций, которые еще сильны в нашем сознании.

С. КУЗНЕЦОВ, журналист

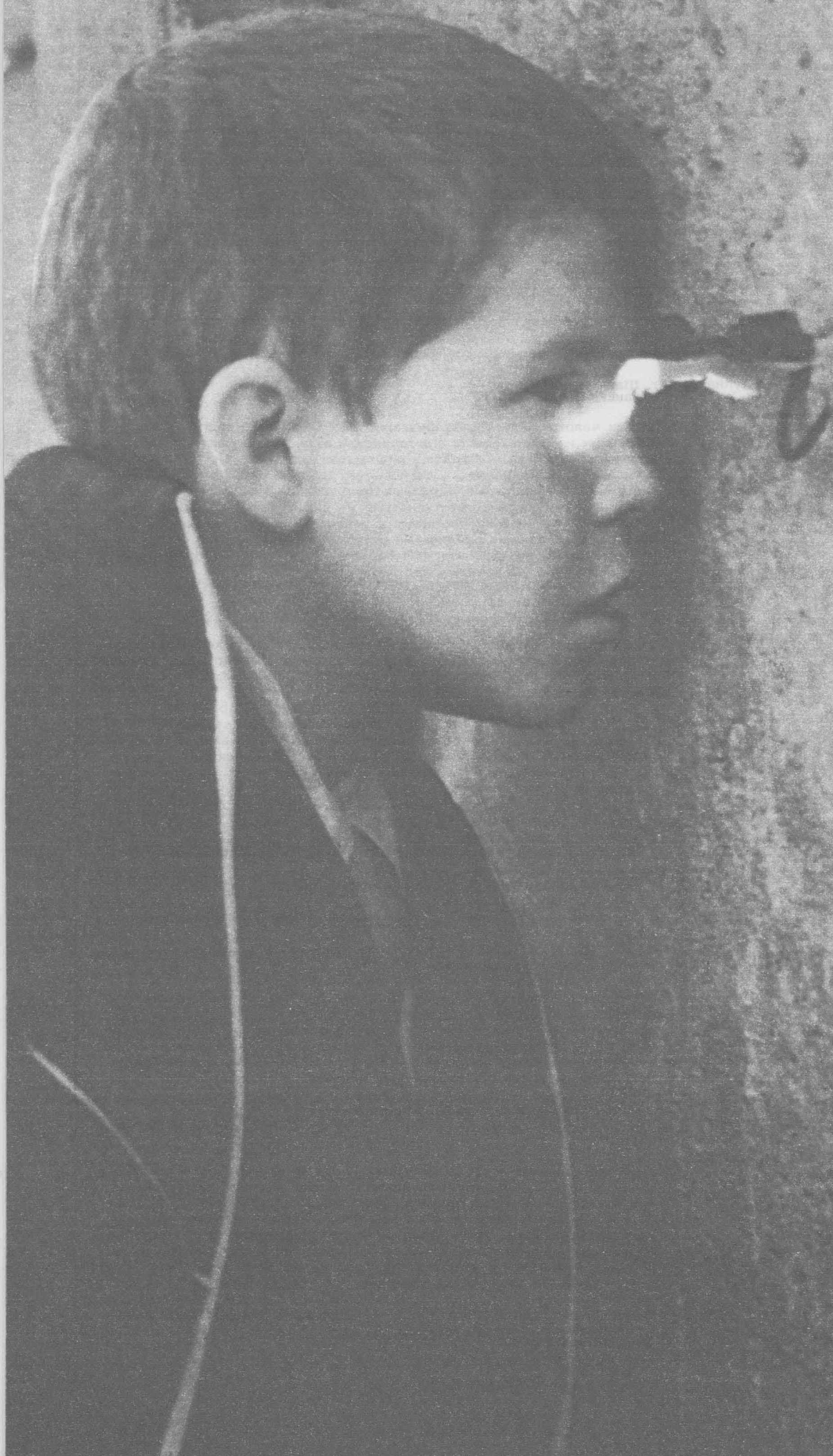
Саратов.

Всегда причислял себя к рядовым, простым людям, был самокритичен. Старался жить скромно, просто, честно. Но вот как встретишь чинуш, хапуг — кровь в голову ударит, так и потянет драться. До сих пор не хочется тишины, хочется еще что-то сделать доброе, вмешаться, помочь людям. Наше время — время перестройки, перестройки нравов и дел, время людей энергичных, ответственных и некрикливых. И самое главное сейчас — перестройку эту не заболтать, не заговорить, принять ее как кровное свое дело. Мы перед временем в ответе.

А. ПИТУЛИН, ветеран Великой Отечественной войны

с. Андреевское
Костромской обл.

ЭФФ

В редакцию пришло письмо
от жительницы Ленинграда Н. П. Дьяченко.
«...Это учебное заведение называется так:
специальная школа
для детей и подростков,
нуждающихся в особых условиях воспитания,
Главного управления
народного образования Ленинграда.
Там живут, учатся и работают
мальчишки 11—15 лет,
в прошлом правонарушители.
Школа хорошая, новый директор
за последнюю пятилетку ее преобразил.
В этой школе много внимания
уделяется музыке:
на двести мальчишек — духовой оркестр,
хор, отряд горнистов и барабанщиков,
вокально-инструментальные ансамбли».
С ребятами там занимаются
заслуженные музыканты, ветераны войны,
которые впервые исполняли
знаменитую симфонию Шостаковича.
О таких школах вообще пишут редко.
А тут столько интересного...
И я отправилась в Ленинград.

...ЕКТ ДОВЕРИЯ

Марина ГАБРИЕЛЯН,
фото Игоря ГАВРИЛОВА

краина. Несколько зданий за высоким забором. Недалеко от проходной — спортивная площадка, ребята гоняют мяч. Шорты, рубашки, кеды. Разбитые коленки, худые локотки, торчащие уши. И все как на подбор — крепкие, здоровые. Вроде бы обыкновенные мальчишки. Только, пожалуй, более угловатые движения и чуть больше сосредоточенности.

Около площадки стоял маленький мальчишка, ну просто воробышек.

— А ты-то как тут оказался?

— А у меня двадцать девять квартирных краж, я «форточник».

— А ты почему? — спрашиваю я у другого.

— А я бродяжка...

Поверить в это нелегко, но приходится — все они правонарушители. Становится страшно от сухого списка: воровство, хулиганство, бродяжничество, наркомания, пьянство. Рядом с этим невинно звучат слова «прогулы в школе».

В одном из фантастических романов человек будущего, землянин, переспрашивает судей на далекой планете: «Детская преступность? Что это?.. Дети не могут совершать преступлений».

И тем не менее вот они стоят передо мной, внешне обычные мальчишки, и все это происходит не где-то за тридевять земель, а в Ленинграде. Наверное, никому не нужно говорить, что значит для нас всех этот город, как мы гордимся им, его великой историей — историей нашей страны. Как, почему получилось, что эти дети, родившиеся через много лет после самых страшных испытаний, в благополучное время, оказались здесь?

Мы иногда бездумно применяем это слово — «воспитание», когда можно говорить разве что о совместной жизни взрослых и детей под одной крышей. О том, что воспитание — непрерывный труд, кричат буквально все без исключения великие педагогические книги. А у нас говорят: кто вырастет из ребенка — никогда не угадаешь. Вот, например, Ивановы, Петровы, Сидоровы — уж на что хорошие родители, работящие, образованные и т. д., перечисляются все мыслимые положительные качества, а сын — бездельник, мямля, грубиян. Значит, что ни делай...

Конечно, и я слышала такие разговоры, и мне очень хотелось найти им опровержение здесь, где собраны ребята, которые уже стали в свои небольшие годы «отрицательным результатом» воспитания.

Нет, эти ребята совсем не потерянные. Даже язык не поворачивается назвать их «бывшими». Им просто не повезло — с первых шагов жизни попали не на тех людей. Жаль, что законы слишком мягки к этим взрослым людям. Почти у всех мальчишек неблагополучная семья, у некоторых нет родителей. А школа, соседи, родственники очень мало, к сожалению, интересовались их судьбой. Никто ими особенно не занимался.

Как сказал один из ребят:

— Я сидел дома, думал, что делать. А делать нечего. И пойти некуда. Скучно. Ну, вышел во двор, там мопед стоял. Я и угнал.

— А мы с ребятами,— продолжает другой,— очень хотели есть. Денег у нас не было. Мы залезли в «Кулинарию», взяли вареную курицу, колбасу, паштет. Вкусно было!

Когда их привезли в спецшколу, директор Юрий Васильевич Непомнящий сказал им:

— Значит, мальчишки, так. Ваши старые дела я запираю в железный ящик. Теперь у вас начинается новая жизнь. Здесь все будет зависеть от вас.

Он в школе с 1981 года. Вот строчки из его дневника: «16 января 1981 года. Началась моя новая работа. В школе 216 воспитанников, из них 64 в побеге. На 216 детей 17 простыней и один пододеяльник. Половина детей едят стоя. Не хватает ложек. Нет стекол». «Я ведь не хотел туда идти,— скажет потом Юрий Васильевич,— но увидел разваленную школу, этих несчастных ребятишек и уже не мог спокойно спать». Ушел в спецшколу, бросив прекрасный, благоустроенный интернат, директором которого был.

— Когда я приехал его забирать оттуда,— вспоминает шофер Петр Филиппович,— машину облепили ребятишки, кричат, шумят, плачут. Минут двадцать отъехать не мог!

Для Юрия Васильевича начались трудные дни. Он старался как мог. Бывало, упрекали: ишь какой нашелся, санаторий тут хочет устроить! Это для бывших-то воров и хулиганов! Но он не обращал внимания. Да, санаторий. А почему бы и нет? Ребята и так много натерпелись за свою жизнь, многие и детства-то не видели.

— А начал я, разумеется, с ребят,— рассказывает Юрий Васильевич.— Поверить в себя, осознать себя как личность, раскрыть свои способности — это, на мой взгляд, было для них основное. Я считаю, сначала нужно понять каждого. Одиннадцать — пятнадцать лет — это своего рода «мост». Не зря же называют этот возраст переходным. Ребята, с одной стороны, стремятся к знаниям, у них пробуждается жажда деятельности, энергия, активность. А с другой — они неуравновешенны, возбуждены, у них быстро меняется настроение. Главное — проблема занятости. Уроки, общественно полезный труд, кружки, спорт, музыка... А то ведь когда я пришел сюда — такое впечатление, что вся школа бегает просто так...

Никто и никогда не учил этих мальчишек самому главному: как получать удовольствие от труда — на уроках, в домашнем хозяйстве, в мастерской. Теперь это будет очень нелегко, а времени не так много по нашим взрослым меркам: два года они должны провести в школе, и режим в эти два года суров. Никаких увольнительных в город, поездок на каникулы вместе с родителями, ничего того, что мы воспринимаем естественно, как утро или приход лета. И нельзя забывать, что значит этот срок — два года — для одиннадцати-пятнадцатилетних.

Вот распорядок дня: уроки до двух, как и везде, до пяти — ребята в школьных мастерских. У меня на столе лежит небольшой изящный блокнот, от корки до корки сделанный в школе. Пусть это несложная работа, но она их собственная и нужная, могу подтвердить.

Вечером уроки и занятия в кружках. Об этом мы еще поговорим подробнее, но вот что важно: ни на минуту ребята не остаются без дела. Занятия самые разные, многое можно выбирать по вкусу; но праздно болтаться не получится. Конечно, можно по-другому оценить такой режим: нет времени, например, на то, чтобы полежать на траве и подумать о чем-нибудь серьезном или просто ни о чем (кто из нас не любит этого иногда). Но это цена за наплевательское отношение тех, кто должен был думать об этих ребятах раньше, да и за их собственное ленивое «плавание по течению».

...Летом ребята едут в свой лагерь под Ленинградом, в Барышево. Там много солнца, зелени, света. И самое главное — все сделано своими руками. Трудились все: и ребята, и воспитатели, и директор.

То, что для ребенка личный пример взрослого перевесит тысячу слов,— азбучная истина педагогики. И директор много не говорит. Он просто делает. Глядя на него, не стоят без дела ребята.

— Юрий Васильевич, а красить вы умеете?

— Умею.

— А готовить?

— Да. Дома очень любят, когда я готовлю.

— А стол сделать можете?

— Конечно. Я многое умею.

Да, ребята чувствуют себя хозяевами школы. Вместе с директором. И все построено на доверии. Все вопросы решает совет командиров. Самоуправление — это то, что нужно. И как результат: курение, алкоголь, татуировки — все в прошлом.

— Вы знаете, директор и нас, взрослых, отучил курить,— говорили мне воспитатели.— Просто неудобно при ребятах...

И еще одно меня удивило: самоотчеты. Каждый вечер в своих отрядах ребята отчитываются, что сделано сегодня хорошо, что плохо. Причем это не для воспитателей. Директор как-то предлагал сократить самоотчеты до раза в неделю. Но ребята запротестовали: привыкли. Я немного по-

Мальчишки всегда мальчишки.

завидовала им и подумала, что, наверное, каждому из нас неплохо бы приобрести такую привычку. Ведь недаром ежедневного самоотчета требовал от своих учеников еще Пифагор. А воспитанникам Юрия Васильевича ох как понадобится это в жизни.

— Знаете, какие приходят? — говорит Юрий Васильевич.— Не умеют читать, не знают таблицу умножения. Казалось бы, полное отсутствие интеллекта. Только нам ни в коем случае нельзя в это верить.

— Вов,— спрашиваю одного из ребят,— а где лучше учиться? Здесь или в школе?

— Конечно, здесь!

— Почему?

— Ну в школе как? Мне все время твердили: разгильдяй, тупица... А тут учителя стараются, остаются с нами после уроков, объясняют, что не понял. Отношение другое. Здесь нас уважают.

А теперь о музыке. Она здесь не одно из мероприятий, не дежурная дисциплина.

Взять хотя бы Михаила Терентьевича Парфенова, он двенадцатый год руководит оркестром. С 1936 года служил в образцово-показательном оркестре Ленинградского радиокомитета. 9 августа 1942 года Большой зал филармонии заполнился худыми, изможденными людьми. Ленинградцы пришли слушать Седьмую симфонию Шостаковича. В программке под подписью «Валторны» номером 56 был Парфенов М. Т., 57 — Горелик С. Б. Горелик сейчас тоже работает в этой школе, руководит отрядом горнистов и барабанщиков.

— Каждый год приходят новые ребята, ветераны начинают почти все сначала. Трудно. Но я получаю огромное удовольствие от своей работы,— говорит Михаил Терентьевич.— А музыка ребятам нужна. И не только нашим, а всем. Я, например, не верю, чтобы человек по-настоящему любил музыку и вдруг сделал какую-нибудь подлость, гадость — у него и желания такого никогда не возникнет.

Признаться, я сначала подумала: может, ребятам просто повезло с этими преподавателями? Но скоро убедилась, что для директора подбор кадров — очень сложная задача. Приходят и случайные люди. Недавно, например, устраивался один воспитатель, как выяснилось, бывший кошколов. Тут уж директор «встал на дыбы». Он, такой ровный и добрый с ребятами, очень требователен к взрослым. Начав работать, расстался с третью персонала. Отбирал их по единственному признаку: быть для детей примером.

Могут, конечно, и возразить: а ведь кое-кто потом попадает в колонии, тюрьмы. Например, из 64 выпускников 1985 года четверо осуждены. Но нужно ли винить школу? Мальчик, выйдя из ее стен, возвращается домой и...

Витя Антонов. Родителей у него нет. Только дед и брат. Пришел к деду. «А ну тебя, отвечать еще потом!» Пришел к брату, а тому вообще не до него. Парень ушел жить на чердак. А жить-то на что-то надо. Стал воровать. Сейчас в колонии.

Или возвращается мальчишка в прежнюю школу и слышит:

— Бандит вернулся!

Очень часты случаи, когда детей устраивают в другие школы. Как не понимают люди или не хотят понимать, что к ним пришел уже совсем другой человек! Берегут «марку» своей школы, своего ПТУ... А получается — провоцируют мальчишку на новые преступления.

Вот еще один неожиданный факт: многие после обязательных двух лет учебы в спецшколе просят оставить их еще на один год. Все можно объяснить и в каждом таком случае найти свою причину, но ведь главное остается: человеку дают свободу, а он отказывается. Пусть каждый спросит себя, почему...

У меня не выходит из головы рассказ шестнадцатилетнего Дениски Викторова.

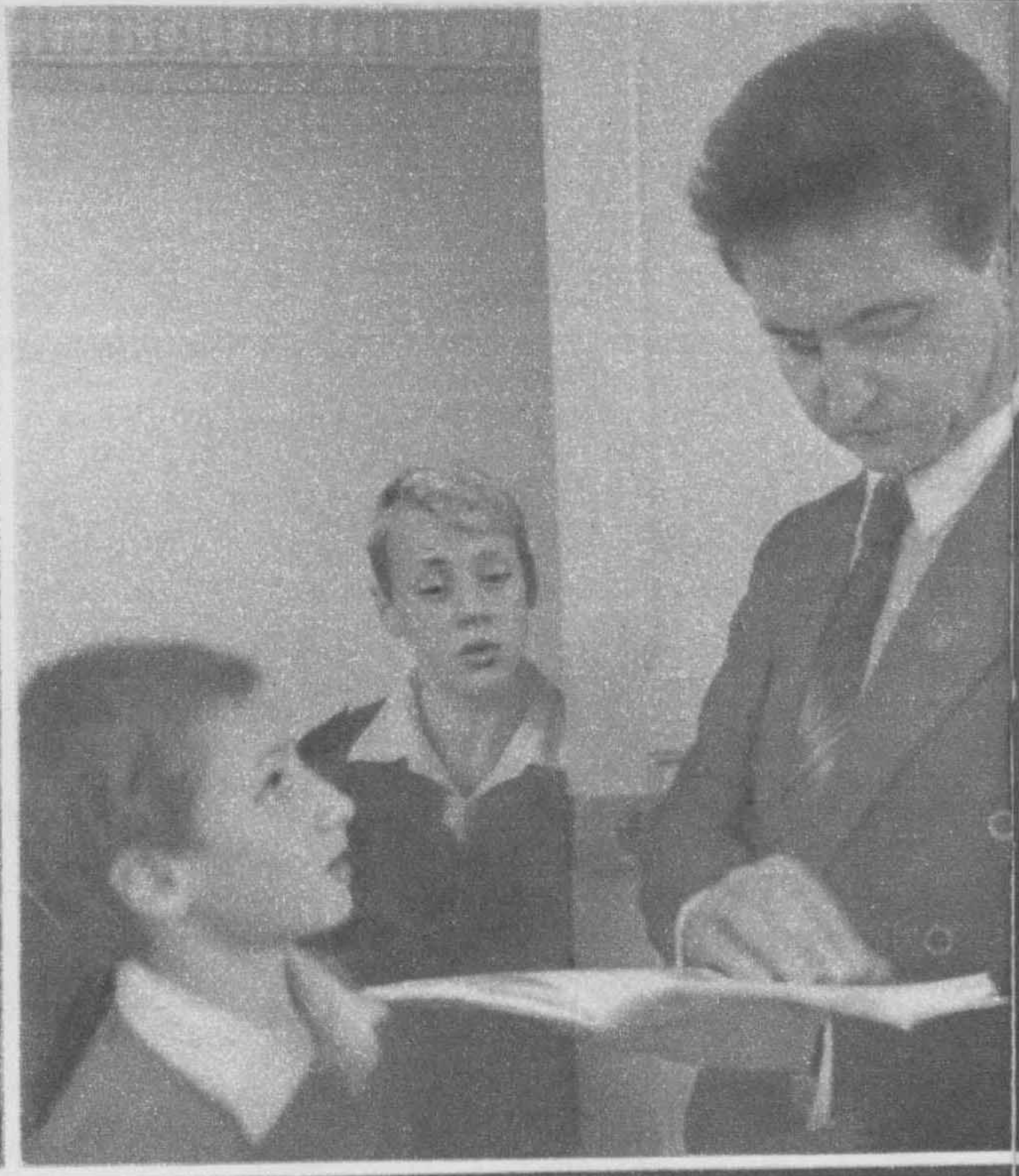
— Понимаете,— говорил он,— я этот день никогда не забуду. Никогда! Забирать меня из спецшколы пришел отец, мама тогда работала вечером, она официантка, у них в ресторане была свадьба. Я взял сумку, тетрадь с адресами ребят, и мы пошли. И мне было грустно и радостно. Понимаете?

Денис с сомнением посмотрел на меня. Но я понимала. Именно так, грустно и радостно. Радостно: сейчас он придет домой... Грустно: спецшкола, из которой он уходил, за три года стала его домом.

— Дениска, а ты в себе уверен?

— Ну, как-то наполовину. Если б вернулся в прежнюю школу, честно скажу, может, и сорвался бы. Но я устраиваюсь на завод. Думаю, все будет как надо. Не могу я подвести Юрия Васильевича...

При школе-интернате есть мастерская.

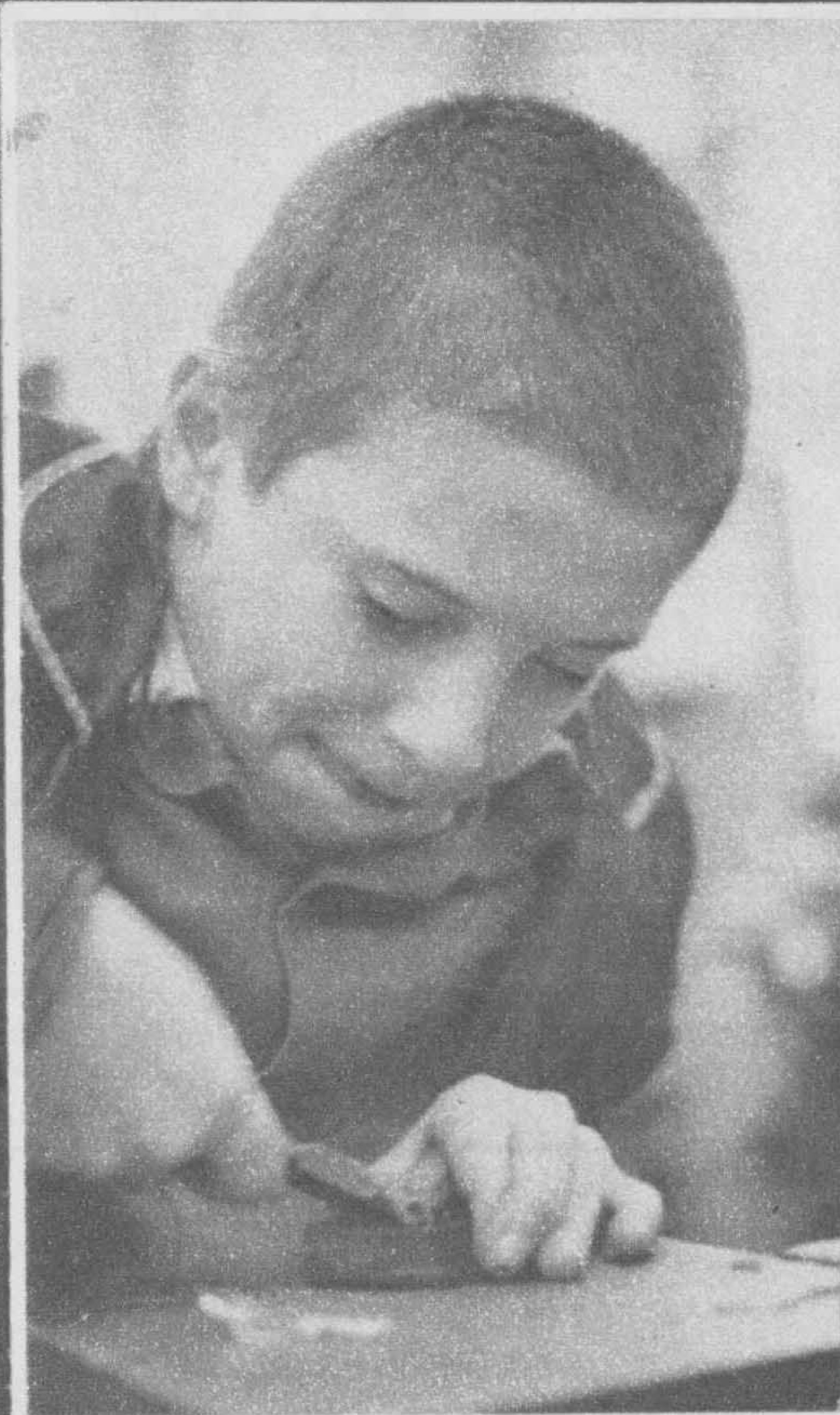
К директору за помощью.

Математика — наука серьезная...

Андрей Ежов занят делом.

Один из оркестров — духовой.

Здесь наш дом.

НАШ ХЛЕБ

КУСОЧЕК СЧАСТЬЯ

С какого возраста начинает человеческая память заполнять свои кладовые? Не знаю, как отвечает на этот вопрос наука, но могу сказать о тех, кто, как и я, родом из военного детства. Думается, что мои сверстники, появившиеся на свет накануне или в самом начале лихолетья, помнят первые годы жизни особенно обостренно; каждому, видимо, в сознание врезались те события, которые связаны с изнурительным ощущением голода...

Отца не взяли в действующую армию, потому что у него не хватало пальцев на правой руке. Еще мальчишками он и его братья неудачно взорвали гранату, играя на поле, где прокатились бои гражданской войны. Его, инженера, направили строить военные аэродромы. Мама решила, что семья должна быть вместе, и, взяв трехлетнюю сестренку и меня, годовалую, поехала за отцом.

Итак, в сорок первом году мы отбыли из старинного сибирского города в направлении, противоположном тому, по которому двигалось тогда гражданское население. А к осени 44-го, когда мы оказались в Грозном (отец приехал туда восстанавливать один из заводов), в копилку моей памяти прочно легли первые горести и восторги, названия мест, имена подружек. В этом городе произошло событие, которое я отчетливо, в деталях помню и по сей день.

Там нам с сестренкой было особенно голодно и одиноко. Папа бывал дома редко: заходил, чтобы оставить полбуханки хлеба, это была наша еда на несколько дней. Мама каждое утро надолго уходила за питьевой водой, и мы оставались одни в огромной комнате с громоздкой мебелью. Впрочем, комната и мебель, вероятно, были самыми обыкновенными, просто я была маленькой. Особенно хорошо запомнился буфет: двухэтажный, с резным кокошником, но главное, из него выдвигалась доска, на которой мама резала хлеб.

Как-то раз, когда мы ждали папу, а он все не шел, сестра, чтобы отвлечь меня от желания поплакать, придумала сказку про волшебника, который будто бы принес нам кусочек хлеба, но где-то спрятал его.

— Нужно хорошенько поискать, и обязательно найдем,— воодушевила она меня, и мы принялись за дело. Извлекли наружу все содержимое нижней части буфета: ступку с пестиком, коробку от конфет, ящичек с гвоздями... Хлебом там и не пахло.

Тогда сестра пододвинула табурет и велела: «Полезай!»

Замирая от страха, я вскарабкалась на верхнюю полку. Она была пуста, но надежда, что кусочек все же где-то есть, заставила меня пошарить в полутьме. Вдруг рука зацепилась за что-то шершавое, что застряло между полкой и стенкой буфета. «Нашла»,— еле прошептала я от волнения. Мы отодвинули полку, и из-за нее выпал сухарь — целая горбушка, которая неведомо когда завалилась туда, может, не один год назад. Мы смотрели на нее, как на сущее чудо. Угрызть же волшебную корочку было невозможно, и мы ее по очереди лизали и нюхали.

С тех пор я уже знала, что счастье на свете есть.

Софья КЕДРИНА

ЗАСТАВА ПОГОДЫ

Начало см. стр. 16.

минутные причуды климата. Оказавшись в числе многих подобных данных в вычислительном центре Якутска, они образуют целостную картину сегодняшней погоды. А по ней, как по самой правдивой гадальной карте, синоптики предскажут прогноз на завтра.

У Чюльбю, кроме МГС, имеется и еще одно сокращение — ТДС, что означает труднодоступная станция. До ближайшего жилья отсюда 180 километров. Лучше всего добираться вертолетом до слияния двух рек...

Внизу, похожий на взлетную полосу, стоит своенравный Учур. Верней, не стоит, а струится подо льдом. С утра старший техник-радиооператор Шатковский и гидролог Борис Иванович Обвинцев осматривали реку. Бурили лунки в ее панцире, что при сорока ниже нуля приходится делать ежедневно, мерили его толщину и бег течения.

Не стоит неистовый Учур, способный за несколько дождливых часов подняться на восемь метров. Прожигает он полыньи люто-жгучей водой. Теряя уровень, Учур ставит под тонкой верхней кромкой ловушки-«пустоледы», своеобразные ледовые карманы. Беда, коли человек на снегоходе «Буран» попадет в такой капкан.

В феврале, однако, на Учуре оживет зимник, пойдут машины. И тогда ТДС на короткое время станет доступной. Почта на станцию пойдет почаще. И давний подписчик «Огонька» Шатковский получит номер с этим материалом. Кстати, библиотеке метеоотшельников может позавидовать иной книголюб.

Но и этим удивить кого-нибудь трудно. А вот то, что с последней почтой инженер начальник ГМС Шатковская получила два тома курса высшей математики, нас озадачило:

— Зачем?

— Не поверите, но нравится. Как бы это поточней... Словом, с художественной литературой сочетается хорошо...

Поверить, конечно, трудно. Но и заподозрить Надежду Ивановну в кокетстве или неискренности тем более нелегко. Ей в том нужды нет. И такое убеждение сложилось потому, что никакие гости не могут изменить ход жизни на ГМС, не нарушат ее постоянный цикл. Каждый занят повседневным делом, от которого не уйти, не спрятаться.

Скажем, стирка. Или банный день. Летом проще — включили бы насос. Энергии хватает, свет не гаснет вечером — дизель стучит без перерыва. Но зимой мороз ломает шланги. И потому мужчины носят воду в ведрах. С реки и по крутому склону. А женщины пекут хлеб.

Зимой хозяйственных забот как будто меньше. Нет хлопот с огородом, с теплицей, в которой осенью собрали урожай помидоров и огурцов. Хватит старожилам на зиму и своего картофеля. А вот девушкам и Борису Ивановичу его вместе с капустой доставил вертолет. Но на будущий год и новоселы вскопают свои грядки. На том самом месте, где была старательская конюшня, довольно неплохая почва. Ее-то и надумали метеорологи перевезти поближе к станции. Сажать на месте не с руки. Если лето будет опять маловодное, сухое, то с поливом намучаешься: берег там крут, а насос не включишь. Правда, и землю перевезти непросто.

Мясом обеспечивает сотрудников Шатковский. С помощью ружья и лицензии. Правда, за рогачом еще и побегать требуется. Ведь сохатый не медведь, под окнами не ходит. Но у Анатолия, охотника почти профессионального, имеющего разрешение своего руководства на заключение договоров по отлову соболя, видимо, есть своя метода. С помощью которой, кстати, он не тронул ни одной лосихи. Смешно было бы возить на Чюльбю и рыбу. В Учуре ее вполне достаточно, чтобы запасти на сезон всем пятерым. Да и какая рыба! Таймень, ленок, хариус!

Живет станция трудовым, устоявшимся порядком. Службой, окрашенной в цвета дежурств, поделенных на сроки, заботами о технике и приборах, о натуральном своем хозяйстве. Для Шатковских—это жизнь, в которой день не похож на другой. Она полна событий, образующих довольно своеобразный опыт, коему, если вдуматься, цены нет. Особенно потому, что нужда в таких станциях пока немалая. И весьма разумно поступает руководство, используя Шатковских как практиков, способных передать свой таежный багаж молодежи. Ведь Наташа и Люда далеко не первые, кто проходит в Чюльбю учебу тайгой, урок разлуки с близкими, науку постижения природы.

— Конечно, нам трудно,— признается Наташа.— Но рядом Надежда Ивановна! Наверное, в тайге и должны быть такие душевные, сердечные люди. Она нам как мама... А готовит она как замечательно! А ведь тут плиту не включишь — ее надо дровами растопить. И посуду не помоешь так, как дома,— горячая вода из крана не льется.

Надежда Ивановна мыла посуду и разбила чашку.

— Давай хлестать все подряд! — поддержал ее, смеясь, Анатолий.— Чтоб счастья еще больше было!

И, отсмеявшись, ушел на срок. Каждые три часа целая армия метеорологов в стране садится к рациям. На Чюльбю ее включают несколько раньше. Зимой, когда появляются полярные сияния, прием передач затруднен из-за помех. А здешняя станция расположена таким образом, что атмосфера особенно не глушит морзянку с других метеопостов и МГС. Поэтому на Чюльбю собирают информацию с целого куста и потом сразу единым куском передают ее в центр.

Так и движется жизнь на Чюльбю, которая среди ТДС всей страны уже занимала первое место. Не исключено, как сказал позднее по секрету начальник отдела государственной системы наблюдений ЯУГКС А. Терехин, что Чюльбю снова займет призовое место. А заместитель начальника управления Б. Козлов добавил, что сюда скоро доставят оборудование для приема телепередач. Все это, безусловно, приятно метеорологам. Но при всем благополучии оказалась тема, которой Шатковские касались неохотно. Годы идут, силы убывают, а у них нет на «материке» своего дома. Имеют они право на кооператив, но ведь вступление в него требует времени, требует зачастую непосредственного присутствия на месте строительства. А как бросишь станцию? Ведь и в отпуск метеорологи уходят не каждый год. Быть может, нужно обсудить эту проблему на уровне всего Госгидрометео? И решить ее комплексно для всех передовых дозорных погоды.

И, как всегда, вертолет прилетел не вовремя. То, бывает, его слишком долго ждешь. А этот прилетел раньше, чем хотелось бы нам. Впрочем, авиация тут ни при чем. Просто велико было желание подольше не расставаться с хорошими людьми.

Елена Андреевна Волкова.

Фото Льва МЕЛИХОВА

СКАЗОЧНИЦА

Ксения БОГЕМСКАЯ

Недавно в выставочном зале на Беговой улице столицы экспонировались произведения самодеятельных художников, и среди них — работы Елены Андреевны Волковой. Они покоряли всех, кто видел их впервые. Сама она родом из Чугуева. Для каждого, кто интересуется искусством, этот украинский город ассоциируется с именем Репина — родиной великого русского художника.

В конце прошлого века деду Елены Андреевны городские власти выделили место для дома на островке посреди реки Северский Донец. Степан Пастухов был известным в городе спасателем-водолазом, мужественную эту профессию унаследовал и отец художницы.

С острова, на котором стоял дом Пастуховых, был перекинут мост на второй островок, а дальше — мостки на берег. Земли вокруг дома были заливные, очень плодородные. Здесь был огород, была лошадь, чтоб его вспахать, были козы, корова, куры. Весной крыги — льдины во время ледохода — шли прямо возле сараев. Полая вода подходила под самые окна.

«Я помню себя с пяти лет,— говорит Елена Андреевна.— Я помню все вокруг себя цветное — цветы, музыка, сады. Все это я впитывала, всем любовалась. В семье родилось восемнадцать детей. Все голубоглазые, жизнерадостные. Все любили петь, танцевать. Такая порода».

Несколько раз в году в большом селе за рекой проходила ярмарка. Елена Андреевна вспоминает, что в детстве не пропускала ни одного такого дня. Со всей окрестности свозили туда умельцы свой товар. Тут была и черепяная (глиняная) посуда, и кружева, и разные вышивки, и нарядные платья.

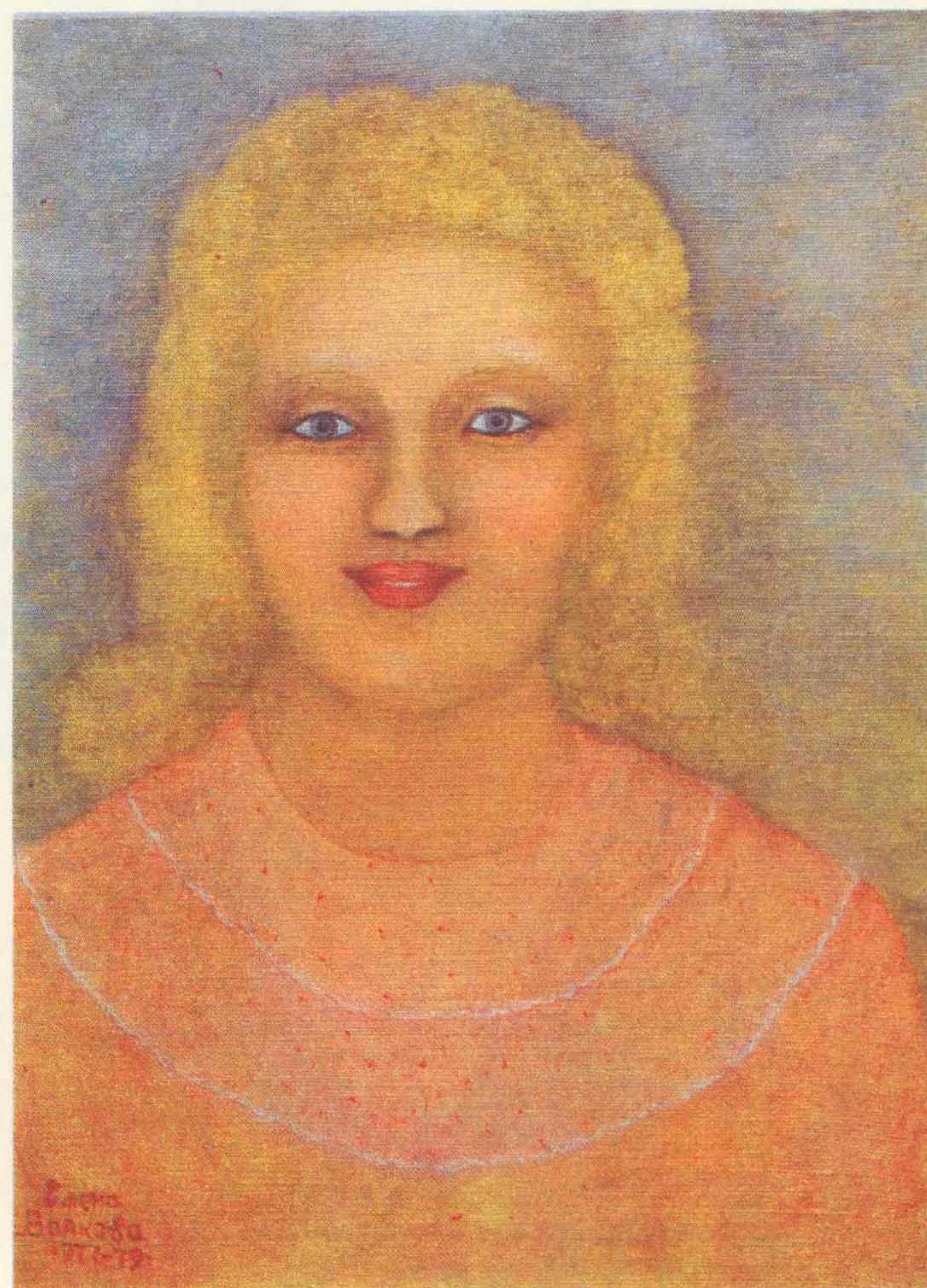
Из белой глины на берегу Донца девочка лепила посуду, раскрашивала ее. Но стоило в глиняные чашечки налить воды, и они расползались, весь труд шел насмарку. Тогда она придумала рисовать то, что вылепливала, на картоне той же белой глиной, обводить сажей. Тут же пририсовывала яблоки, груши, тут же и собаку.

Занимаясь с глиной на берегу Донца, девочка простудилась. Из-за долгих болезней не пришлось ходить в школу, училась по учебникам братьев и сестер. Музыка, вышивка, рисование помогали забыть о беде. Став постарше, ходила в кружки — то в

Народное гулянье на реке Иртыш.

Автопортрет.

хоровой, то в драматический, почти каждый день бывала в клубе. Самодеятельные артисты разъезжали по селам, пели песни.

...Пришла война, мужа призвали в армию. В сорок втором его не стало. На фронте были и братья, один погиб, двое тяжело ранены.

Елена Андреевна пошла работать в чугуевский госпиталь. Растила сына...

Чугуев издавна славился местными живописцами. О них вспоминает Репин как о первых своих учителях. В прошлые времена здесь жили иконописцы, но умели они писать и пейзажи, портреты. Когда через Чугуев проезжал Айвазовский, они понесли ему показать копию с его картины. «Копия была так дивно исполнена, что Айвазовский долго с восхищением рассматривал ее»,— рассказывал Репин.

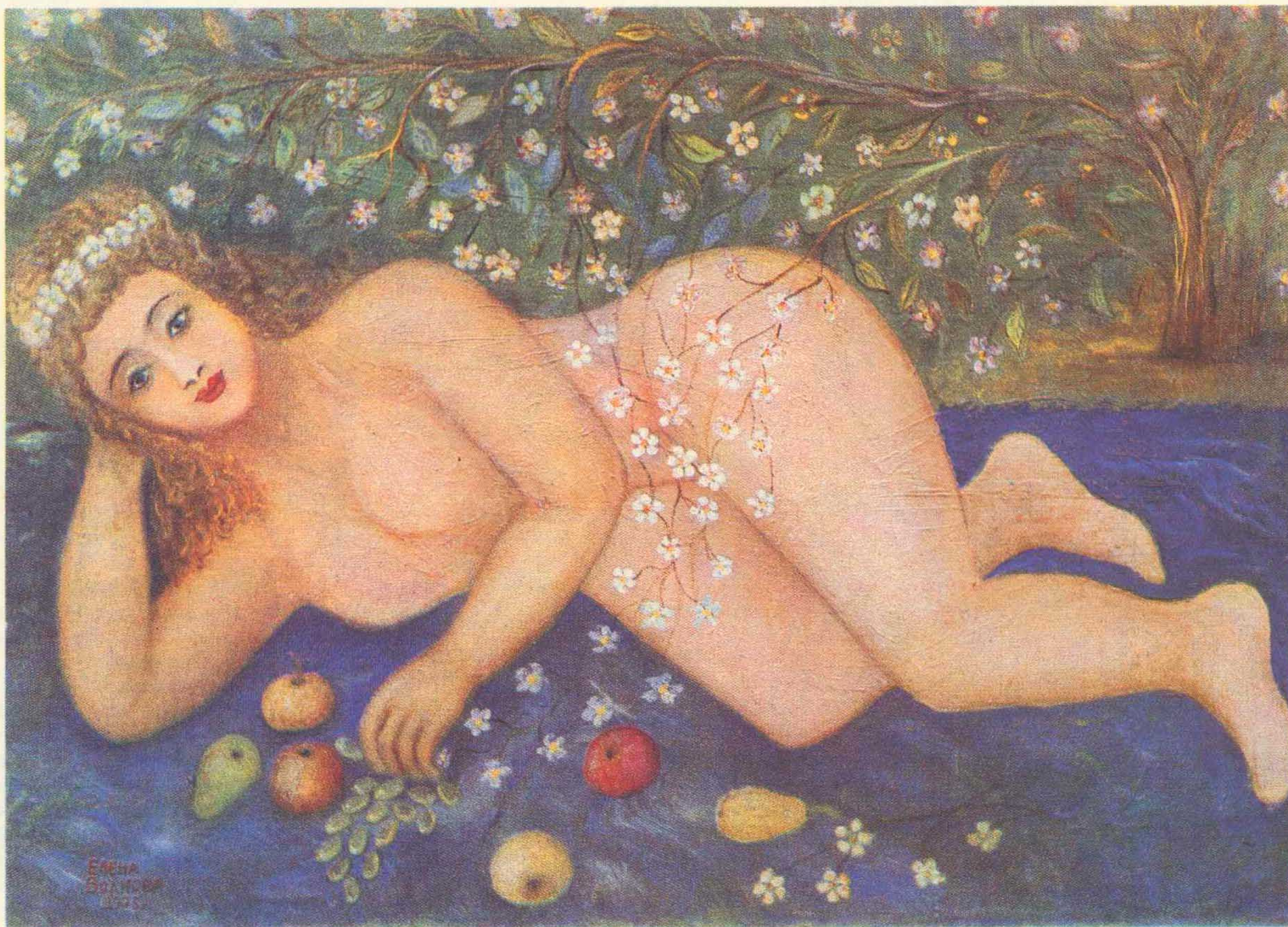
...Однажды, взяв краски сына, написала Волкова натюрморт. А потом и дальше продолжала создавать картины, воскрешая в них светлые дни детства, сказочный мир праздника и изобилия. Как и у лучших чугуевских живописцев прошлого, которых описывает Репин, все у Волковой представлено в «сфере собственного миросозерцания».

«Автопортрет с охотником» 1975 года, где собачка держит в зубах туфлю, а сама художница сидит перед мольбертом, на котором стоит картина с изображением зайца и павлина, воспринимается как приглашение в сказочную страну. Сначала картины мыслились как игра в сказку. «Медведи-рыболовы», «День рождения птенца» — веселые рассказы с забавными деталями.

Со второй половины 70-х годов Волкова начинает «портретировать» зверей. Конечно, она хорошо помнила домашних животных, которые окружали ее в детстве. Помнила, как заботились о скотине родители, как все переживали, когда погиб конь, которому корова пропорола бок.

В изображения животных она также вкладывала дух детства. Каждого зверя и птицу рисовала как любимого друга — с добрыми человечьими глазами.

«Рыб я пишу,— говорит Елена Андреевна,— так как их хорошо знаю. У нас в Донце много рыбы води-

Сибирская красавица.

Голубь мира.

Король-олень.

лось». «Мечта рыболова» называется картина с красавицей рыбой, а в ней на заднем плане (как лиса, подкарауливающая цыплят в другой картине) показан рыболов на берегу. В натюрмортах, где Волкова часто пишет рыбу, она изображает ее живой, с чешуей, нанесенной выпуклыми мазочками, с хитрыми глазками и улыбающимся зубастым ртом — в разных картинах то смеющимся, то ухмыляющимся. «Рекордсменка»—«групповой портрет» матери-свиньи с ее детишками, ласково тычущимися в бока мамаши. Тема материнства часто раскрывается Волковой в образах «братьев наших меньших». Пуделиха, смешная, вся в завитушках, как провинциальная модница, ласково взирает на своего кувыркающегося щенка.

Животные у художницы воплощают лучшие черты человеческого характера. Старый волк спокойно лежит и смотрит на зрителя добрым, всепонимающим взглядом. Гордый олень с короной ветвистых рогов топчет злую черную змею.

Мир животных, притягивающий не только Волкову, но и многих самодеятельных художников, манит естественностью жизненных проявлений, простотой и справедливостью отношений, царствующих в природе.

Живопись Волковой воплощает извечную человеческую мечту о полноте и изобилии жизни, где все ладят друг с другом.

Кисть в руках Волковой, как волшебная палочка, способна превращать все, к чему она прикоснется, в красивое, привлекательное для глаз. В ее картинах действует сказочная логика — вот разложили скатерть-самобранку, вот медведь заговорил человеческим голосом, вот разлилось озеро, а по нему лебеди плавают. А вот появилась девица необыкновенной пригожести —«Сибирская красавица», прекрасная и целомудренная, она, как русалка, словно вынырнула из глубины реки, а цветущие вишневые ветви с берега наклоняются к ней.

К началу восьмидесятых годов стиль живописи Волковой меняется. В это время к ней уже приходит известность. О ней знают и у нас в стране, и за рубежом. Ее картины ждут на больших выставках. Работы ее становятся больше по размеру, в них изображается меньше предметов. Мелкий мазок сменяется более сглаженной, плавной манерой декоративного письма. Так написан великолепный натюрморт с рыбой и арбузом. Или картина «Голубь мира». Символ у Волковой обретает индивидуальные черты ласковой голубки, летящей к своим птенцам. Надпись «Мир всем!» воспринимается как личное пожелание художницы, придавая высокому, общезначимому символу особую доверительную интонацию.

От рассказа, сказки художница переходит к метафоре, обобщению. Ее искусство живет, развивается, дарит радость людям.

ЖИВОГО СВЕТА НЕ ЗАТМИТЬ

ДЕБЮТ В «ОГОНЬКЕ»

Поэт Виктор Лапшин живет в небольшом, но имеющем большую историю городе Галиче, расположенном в полутораста километрах к северу от Костромы.

Читая стихи Виктора Лапшина, нельзя не ощутить воплощенное в них слияние высшего духовного порыва и ничем не прикрашенной жизненной правды.

Поэзия Виктора Лапшина опирается на традиционный путь отечественного искусства слова начиная от его былинных истоков, но живущие в его стихах тревога и надежда, сомнение и вера, боль и восторг всецело принадлежат нашему сегодня.

Виктор ЛАПШИН

ПОД КОМЕТОЙ

Надоели мне вымыслы-бредни
Изощренного в слове ума!
Лучше вспомним давай, как намедни
Лютовала зазноба-зима.

Как рассветная стужа, наглея,
Город зыбила сизою мглой
И слепая комета Галлея
Нависала над бедной Землей.

Под хвостатым, под призрачным дивом
Вдоль по уличным темным извивам
Молодайка бежмя да бежит!
Знать, нужда на нужде спозаранок,—
Под полозьями быстрыми санок
Шлак скоргочет, снег звонко визжит.

В пух удушливый глухо замотан,
Закулеман мальчоночка, вот он —
На салазках, родной человек.
...Жив ли, дышит ли — слушает робко,
Подоткнет одеяльце торопко
И опять припударится в бег!

По горбам да по наледи катит,
Хоровей полушалок косматит;
От морозу набрякла слеза;
На запястье отчаянно глянет,
На обочину в страхе отпрянет:
За спиной верещат тормоза!..

Эх, сестренка! Грозны наши годы,
Но поверь же и ты горячо,
Что тому и даются невзгоды,
Кто их может взвалить на плечо.

Все обиды твои, укоризны
Занесет очистительный снег...
За тревогами милой Отчизны
Мы тебя не забудем вовек.

ВЕТЕР

Тени веток на занавеске,
На печи в изразцовом блеске —
Мельтешение и разлад.
Отвожу потихоньку штору:
Кто там бродит в такую пору?
Никого. Фонари горят.

Целый век не могу заснуть я!
Сучья корчатся, прыщут прутья,
В искрах прядают провода.
Шип гадючий во тьме беззлунной;
Под поземкою лед чугунный
Тускло светится... Ни следа.

Ночь пустынная, ночь слепая,
Ночь без памяти, ночь без края,
Без святого порыва ночь!..
Помню все, вольным духом зрящий!
Вспомним все, чтобы вихрь мертвящий
Мирным подвигом превозмочь.

ТРОСТНИК

Мерцают ветлы над пенной лывой.
Камням не спится от крика чаек.
Волной зеркальной, волной ленивой
Тростник дремотный, тростник качает.

Над тиной стебли—тоска над скукой.
Парить ли в небе, тонуть ли в иле?
И призрак мысли им был бы мукой,
Как жизни чувство для нас—в могиле.

Ни упованья, ни укоризны...
Не сам он зыбок, не сам он гнется.
Не сметь он смеет не дольше жизни...
Он не погибнет—он в смерть вернется.

СНЕГА

Сонное небо туманной зимы.
Тихо курятся поземкой холмы.
Тропки петляют, виляет дорога.
В смутном ольшанике чисто и строго.
В ивах дегтярно блестит полынья.
Глянешь кругом: ни зверья, ни жилья.
Лишь на опушке, у древнего стога,
Скачет ворона, нища и убога...
Жизнь-то чужая, да совесть твоя.

ЗАБВЕНИЕ

Вдали от бешеных дорог
Есть незабвенный уголок
В лесной глуши просторной.
Там дятлы день-деньской гремят,
Косули робкий бег стремят
По мшистой ельне черной.

Где ветр вольней, листва светлей,
Белеет гордый мавзолей.
Лучи, в окне пылая,
Сиянье благостное льют
На вечный, на святой приют
Сурового Барклая.

Здесь скорбь кощунственна, нелеп
Гнев на судьбу... Обширен склеп.
Пристойна тишина.
Два важных гроба в глубине.
По яркой меди на стене
Роятся письмена.

И усыпальница — и храм!
Но есть еще для сердца там
Растрава и упрек:
Могильный неизвестно чей
Под стражей серых кирпичей,
Невзрачный бугорок.

Там кости русские... В войну
Настигли женщину одну
И голод, и беда...
Прощай, сиротское житье!..
И как бы не было ее —
Нигде и никогда!

Чисты эстонские пески
И как забвенье глубоки;
Сияют ночью светляки
Над бедною могилой;
Ни цветика, ни деревца.
Без имени и без лица.
И только звезды из венца
Ее Отчизны милой.

ЖЕЛАНИЕ

Без искания, без искуса
Как в глаза тебе взглянуть?
Словом только душу высказать —
На твою не посягнуть?

Как бы руку взять покорную —
И жалеть, не вожделеть,
Чтобы страсть мою упорную
Нежностью преодолеть?

Как бы в памяти — ни помыслом,
Ни видением — во сне,
Ни касанием, ни голосом
Не владеть тобою мне?

Как бы волею ревнивою
Образ твой не исказить:
Истинную и счастливую —
Не себя в тебе любить?

* * *

Я на грозу не налюбуюсь!
Так мне по нраву лихость-буесть,
А не унылая слеза!
Священный пламень в землю всажен,—
Чу, лава ринется из скважин,
О государыня Гроза!

Огонь восторженно грохочет,
Он не порочит, не пророчит:
Всевластен он в себе самом!
Ах, вот когда с землей прощаться!
Хотел бы умереть от счастья
Под первый гром!..

* * *

Твоим умом уныло-злобным,
Лишь изнурять себя способным,
Живого света не затмить.
Пускай ты прав тысячекратно,
Что все изменчиво, превратно,
Нет счастья высшего, чем жить.

А смерти нет — есть страх исхода,
Души чрезмерная свобода;
Смерть — тоже жизнь, ее венец.
Смерть — жизнь! Страшиться не пристало
Нам завершенья, как начала:
Твореньем радостен творец.

СОЛОВЕЙ

Вот стезею неисповедимою
В славе торжествующей своей
Снова на березу на родимую
Прилетел из рая соловей.

За сараем с древнею скворечнею,
Дремлющими листьями укрыт,
Несказанной песнею нездешнею
Он глубоко память бередит.

Встрепенется вещее, далекое,
Но понятной мукою не вдруг
Отзовется сердце одинокое
На таинственно знакомый звук...

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

РОМАН

Еремей ПАРНОВ

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

При неизвестных обстоятельствах исчез профессор-химик Георгий Мартынович Солитов. Тревогу забила его домработница Аглая Степановна Солдатенкова. Вести дело поручено следователю прокуратуры Гурову и сотруднику уголовного розыска Люсину. Вместе с экспертом Крелиным они прибывают на место происшествия — на дачу профессора. Там выясняется, что в кабинете, где он вел различные химические исследования, произошел взрыв. В сфере интересов Солитова лежали лекарственные растения, с которыми он работал, проверяя забытые рецепты народной медицины.

Оставляя без внимания специальные справочники и монографии, Владимир Константинович сосредоточил внимание на старинных изданиях, отсвечивающих золотым тиснением кожаных корешков. Вместе с фотокопиями он насчитал около двухсот наименований.

Судя по всему, Георгий Мартынович Солитов был широко и всесторонне образованным человеком. Лишь с помощью его рукописных пометок Люсину удалось кое-как выполнить поставленную задачу. И немудрено, потому что китайские иероглифы, равно как санскритские и тибетские буквы, оставались для него тайной за семью печатями. Как, впрочем, и для подавляющего большинства людей. Не исключено, что и сам Солитов не владел редкими восточными языками и пользовался услугами переводчиков.

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

Но как бы там ни было, а его комментарии, выполненные бисерным каллиграфическим почерком, обильно уснащали фотокопии рукописей: «Синь-Сю-Бэн-Цао», сочиненной ученым конфуцианцем Ли Ди, описавшим 844 вида растительных лекарств, знаменитой «Бэн-цао-ган-му»[1] Ли Шичженя, древнеиндийской «Яджур-веды»[2] и тибетской «Жуд-ши»[3].

С рукописью Диоскорида, отснятой со средневекового пергамента, разобраться было легче. Ее название Люсин перевел как «Лекарственные вещества». Сумел разобраться он и с книгами Раймунда Луллия, Теофраста Бомбаста Парацельса фон Гогенхейма, Альберта Великого и Николая Фламеля, иногда писавшего, к радости неопытного переводчика, по-французски. Что же касается «Изборника» великого князя Святослава Ярославовича, переписанного в 1073 году с болгарского свитка, то с ним Владимиру Константиновичу было еще легче.

Изданную в 1789 году в России книгу «Врачебное веществословие, или описание целительных растений, во врачевстве употребляемых» он даже решил включить в список для временного изъятия. Ведь именно это составленное все тем же Максимовичем-Амбодиком сочинение, буквально раскрытое наугад, дало ключ к пониманию малознакомого старшему оперуполномоченному МУРа слова «вертоград». Узнав, что загадочный вертоград означает и сад, и огород, и одновременно «травник», Люсин не только уяснил существо одноименного труда, переведенного в семнадцатом веке Николаем Булевым, но и нашел единственно подходящее определение для ботанических изысканий Георгия Мартыновича. Огороженный дощатым забором земельный участок, где росли коренья и травы, столь поразившие люсинское воображение, и был самый что ни на есть доподлинный вертоград.

— На дворе уже ночь, поди, и ветер поднялся,— заметил Борис Платонович.

— Ветер?— не понял Люсин, возвращаясь из своего далека.— Какой еще ветер?

— А вы посидите здесь часик-другой, тогда узнаете,— желчно поежился Гуров.— Ишь задувает...

— Задувает, говорите?— Люсин задумчиво закусил губу.— Аглая Степановна, голубушка,— просветленный внезапной догадкой, он подступил к старой домоправительнице.— Как говорится, не в службу, а в дружбу, откройте-ка на минуточку входную дверь.

— Это еще зачем?— Она не двинулась с места. Остальные, кто недоуменно, кто, словно прислушиваясь к чему-то, уставились на него.

— Ну, пожалуйста, бабушка...

— Ведь не отвяжется, будь ты неладен!— Она тяжело поднялась и зашаркала к выходу. В наступившей настороженной тишине было слышно, как звякнуло в сенях неловко задетое ведро. Затем заскрежетал засов и заскрипели давно не мазанные петли. И тут же холодный порыв из окна подхватил с таким трудом разложенные бумаги, закружил их вокруг печи, отозвавшейся утробным урчанием. Распахнутая дверь подалась и вдруг захлопнулась с пушечным выстрелом, прокатившимся по всему дому.

— Вот вам и первый ответ,— сказал Люсин, отмыкая защелкнувшийся при ударе замок.

Глава четвертая

БОЛОТНОЕ ЗЕЛЬЕ

Условившись встретиться с Гуровым на «нейтральной почве» — возле ЦУМа, Люсин заглянул в охотничий магазин на Неглинной, где и приобрел полсотни дефицитных латунных гильз калибра 38 к своему бельгийскому ружьецу. Забирая у продавщицы мелодично позвякивающую картонную коробку, он мысленно выругал себя за бездумную импульсивность, ибо патроны да и само ружье были ему совершенно без надобности. За всю жизнь он ходил на охоту раза три-четыре, не более. Причем со времени последней вылазки благополучно минуло шесть лет. Промерзнув тогда двое суток на озере, он подранил чирка, который то ли упал далеко в воду, то ли затерялся в камышах.

Гуров уже ожидал на скамейке, дымя сигаретой и печально поглядывая на очередь за пирожками. На сверток, который Люсин деликатно отодвинул подальше, он не обратил никакого внимания.

— Напрасно вы не согласились навестить нас, Владимир Константинович,— упрекнул он.— Могли бы пообедать вместе. У нас, между прочим, недурно кормят.

— Едал я за прокурорскими столами.— Люсин не удержался и чихнул на выкатившееся из-за крыш солнышко.— Больно уж захотелось на свежем воздухе посидеть.

Гуров покосился на него и скептически хмыкнул.

— Есть новости?

— Все новости у вас, Борис Платонович.

— Тогда у нас с вами не густо... Проверили мы Солдатенкову.

— Ну и как?

— Вроде была на Шатуре в те дни. Старуху там знают. Приехала утром двенадцатого, отбыла шестнадцатого. Ее даже провожали какие-то дальние родственники. Но чистого алиби не получается. Знаете, чем она занималась? Целыми днями по лесам-болотам бродила. Якобы за травами.

— Вы так говорите, Борис Платонович, словно у вас есть веские основания подозревать Аглаю Степановну. Не думаете же вы, в самом деле, что она под видом лесной прогулки тайно, причем с самой неблаговидной целью, возвратилась домой?

— Нет, не думаю. Однако стопроцентного алиби у нее нет. Это факт. Если желаете, можете иронизировать дальше.

— Скажите откровенно, Борис Платонович, вам что-нибудь не нравится в ее поведении? Я, например, обожаю таких старух. В них есть настоящее, понимаете? От языческой тайны земли, от материнской силы природы.

— Вот видите, какие мы разные люди.— Гуров нетерпеливо-дрожащими пальцами выцарапал из смятой пачки новую сигарету и прикурил от окурка.— Вам нравится, а мне нет. Меня настораживает, что старики, помнящие Солдатенкову, пусть полушутя, но называют ее ведьмой.

— Ишь ты! — усмехнулся Люсин.

— Все-таки штрих! Но и это не все. Куда интереснее представляется мне запись, относящаяся к Солдатенковой, в завещании Солитова.

— Вы нашли завещание? — Люсин с невольным уважением взглянул на следователя.— Ну и ну! Я даже не надеялся на такое.

— А я, представьте себе, надеялся,— порозовев от скрытого сознания удачи, подчеркнул Гуров.— Согласно завещанию Солитова, депонированному в городской нотариальной конторе, дача в случае смерти завещателя переходит в полную собственность гражданки Солдатенковой. И часть денег тоже. С его личного счета в поселковой сберкассе. Есть и доверенность вкладчика на ее имя. Сумма, положенная на вторую сберкнижку в сберкассе по месту основного жительства, завещана дочери. Такие дела...

— Поздравляю, Борис Платонович. Быстрота и натиск.

— Чего уж...— Гуров устало поморщился.— Помните, как это: «Мани, мани, мани...» И немало, должен вам сказать.

— Ничего удивительного. Профессор, завкафедрой... У него десятки внедренных изобретений, запатентованных лекарств.

— Лекарств? — Гуров заинтересованно поднял бровь.— Ах, да, я и забыл! Конечно... Эту линию придется отработать как следует. Тут тоже далеко не все так просто, как кажется. Я не Солитова, конечно, имею в виду. Что с него взять? Он весь как на ладони. Эксцентричный, доверчивый человек.

— А вы не сгущаете краски? — Невольно отдавая должное профессиональному мастерству следователя, Люсин внутренне ощетинился. Оценивая факты, которые можно истолковать в любую сторону, Гуров даже не пытался разглядеть за ними живую душу. Безапелляционно раздавал ярлыки, не утруждая себя поиском альтернативных решений. Годы неизбежно разрушают юношеский максимализм, сглаживая остроту эмоциональных всплесков. Однако опасное поветрие подозревать всех и каждого счастливо минуло Владимира Константиновича. Как и прежде, ему глубоко претил механистично-выборочный подход к людям. За ним частенько угадывалась нравственная слепота.— Приглядитесь поближе к Аглае Степановне. Не тянет она на роль злого гения, никак не тянет,— посоветовал он.

— Тянет не тянет... Что за терминология, батенька? — Гуров настороженно подобрался.— Я ведь к внутренним голосам не прислушиваюсь, потому как это чушь собачья — внутренний голос. Я факты исследую, а факты — вещь упрямая. Думаете, я по одним сберкассам шастал? Ан нет! Я и в аптекоуправлении успел побывать.

— Интересно,— протянул Люсин, не понимая, куда клонит собеседник.

— А вы как думали? Кое-что узнал у специалистов по фитотерапии. Не интересовались такой наукой?

— Почему не интересовался? Как раз сейчас читаю Максимовича-Амбодика. Причем с увлечением.

— Значит, идем параллельным курсом.— Гуров достал из внутреннего кармана сложенную вдоль школьную тетрадку.— Мне, понимаете, стало вдруг интересно, почему наша уважаемая Аглая Степановна выбрала для своей, так сказать, командировочки именно это время, а не какое-нибудь другое. Улавливаете?

— Улавливаю,— невольно улыбнулся Люсин. Увлеченность следователя была по-своему трогательна. Работал он мастерски. Ни единой ниточки не упускал, всесторонне исследуя алиби.— Надо полагать, нашли что-то особенное против нашей ведуньи?

— Против? Не знаю.— Гуров нервно передернул плечами.— Это уж как посмотреть. Но вот за определенно не нашел... Смотрите, что у нас получается.— Он надел очки и раскрыл тетрадку: — Всякое лекарственное растение содержит в себе одно или несколько действующих начал. Так? Иногда эти целебные свойства бывают присущи всему растению, но чаще активные вещества сосредоточиваются только в определенных его частях: цветке, семенах, листьях, корневище. Согласны?

— Полностью вам доверяю, Борис Платонович.

— Не мне — науке. Я только законспектировал показания экспертов... Эффективность действующих начал, содержащихся в лекарственных травах,— прошу сосредоточить на этом внимание,— неодинакова в различные периоды роста и сильно колеблется в зависимости от сезона. Поэтому время сбора приурочивается к моменту наибольшего содержания целебных соков.

— Я вас от души поздравляю, Борис Платонович!

— Нет, погодите! — С рьяностью неофита Гуров спешил обнародовать обретенную истину.— Тут не только общие рассуждения. Тут, можно сказать, конкретно! — Он торжествующе погрозил пальцем.— Так, например, если в дело идет все растение целиком, то сбор проводят в начале цветения. Тогда же заготавливают и растения, у которых наиболее активна надземная часть, или, говоря попросту, травы. Семена и плоды собирают в период их полного созревания, кору — весной, когда пробуждается сокодвижение, корни — преимущественно поздней осенью.

— Живой календарь! — прокомментировал Люсин.

— Мало сказать! — хитро прищурился Гуров.— Учитываются и синоптические особенности. В частности, сбор надземных частей растений, в особенности цветов, производится исключительно в сухую погоду и по сходе росы, иначе все сгниет к чертовой матери или самоперегреется от всяких там микробов.— Он отер лоб изжеванным платком и бережно спрятал тетрадь.— Короче говоря, Владимир Константинович, я задался вопросом: что именно надеялась собрать Солдатенкова в середине августа, когда многие травы уже отцвели, семена перезрели, а корни еще не нагуляли веса? Ей что, в окрестных лесах стало тесно?

— Притом все эти дни шли дожди,— со вздохом заключил Люсин, разматывая клубок причин и следствий.— Ваши подозрения обретают серьезную почву.

— С дождями как раз неувязочка,— досадливо цыкнул Гуров.— Между двенадцатым и пятнадцатым на Шатуре было ясно.

— Тогда остается проверить немногое. Прежде всего,— Люсин загнул палец,— требуется установить, какие растения все же продолжают цвести в середине августа. Это раз. Затем я бы на вашем месте поинтересовался, какие виды шатурской флоры дают именно в этот период семена высшей кондиции. Я уж не говорю о том, что всегда есть надежда отыскать у соседа нечто особенное, чего не найдешь в собственном огороде.

— Вы это серьезно? — Голос Гурова обиженно дрогнул.

— Вполне. Довожу до логического завершения вашу идею.

— До абсурда доводите!.. Разве вам не все ясно?

— Пока ясно только одно: когда мы мокли под ливнем, на Шатурской ГРЭС стояла отличная погода. Остальное в области гипотез.

— В принципе вы правы,— вынужденно признал Гуров,— но это временная правота формалиста и буквоеда. Тем не менее я проверю. Но Солдатенковой придется облегчить наши ботанические разыскания,— он иронично скривил губы.— Пусть посвятит в тайны своей знахарской кухни, а мы проконсультируемся потом у специа-

[1] «Основы фармакологии».
[2] «Наука о жизни».
[3] «Сущность целебного».

листов. Надеюсь, вы не против? Тогда и поговорим про цветы, про семена...

— Можно и так,— кивнул Люсин, задумчиво покусывая губу.— Надеюсь, мы не совершим большого греха, если слегка совместим следственные действия с розыскными?

— Что вы имеете в виду?

— Не будете возражать, если с ней побеседую я, Борис Платонович?

— Нет, разумеется, но почему обязательно вы?

— А вдруг она и вправду не захочет говорить с вами? — Беглой улыбкой Люсин дал понять, что шутит.— Нет, в самом деле, нам очень нужно как-то сориентироваться во времени. Когда произошел этот злосчастный взрыв? Когда ушел из дома Георгий Мартынович: до или после?.. Без ответа, пусть хотя бы приблизительного, мы не сдвинемся с мертвой точки.

— У вас есть конкретные идеи?

— Есть. Но я вам расскажу после экспертизы. Из чистого суеверия, Борис Платонович.

Люсин вернулся к себе в управление, что называется, в растрепанных чувствах. Добытый Гуровым материал, причем в рекордно короткие сроки, спутал все карты. Факты были вескими, требующими самой серьезной проверки. Такие даже при самом сильном желании не сбросишь со счетов. Впрочем, не это главное. Труднее всего оказалось смириться с мыслью, увы, справедливой, что в результате всего претерпело жесточайшее потрясение хлипкое сооружение, возведенное Люсиным. Дымом развеялись приблизительные контуры, начертанные им в безвоздушном пространстве. «Картинка», так он именовал первоначальную интуитивно угадываемую модель, рождавшуюся где-то на зыбких границах подсознания, была загублена на корню. Она не вырисовывалась в воображении, а без этого он не мог приступить к работе над версией. Гурову удалось поколебать самый остов, нарушив — да что там нарушив,— перемешав до неразличимости исходную расстановку сил. Владимир Константинович понимал, что не сможет теперь абсолютно непредвзято, с легким сердцем и чистым взглядом провести встречу с Аглаей Степановной. А без этого разговора могло и вовсе не получиться. Огромный массив провернул Борис Платонович, нужный, важнейший, да вот беда — немножечко рано. Не для работы в целом, разумеется, а лишь для него, Люсина. Преждевременно возникли эти деньги, сберкнижки и прочие аккумуляторы людских вожделений, вытесняя со сцены что-то неизмеримо более важное, чему еще только предстояло выкристаллизоваться в непостижимых глубинах души.

Угрюмо-сосредоточенный, он в поисках хоть какой-нибудь опоры поднялся в НТО[4], хотя твердо знал, что анализы еще не готовы. Здесь, среди сверкающего кафеля стен, звона лабораторного стекла и убаюкивающего гудения мигающих индикаторами электронных блоков, ему было не так одиноко, не так беспросветно пасмурно на душе.

— Рано вы, голубчик мой, препожаловали,— встретил его седой, розовый старичок в безупречно отглаженном белом халате.— И что за нетерпение такое?

— Нет, Аркадий Васильевич, вовсе не нетерпение.— Люсин напустил на себя благодушно-угодливый вид.— Так, маюсь со скуки, не знаю, куда руки приложить.

— Будто я вас не знаю! Слава богу, вот уже... Сколько лет мы с вами знакомы? Десять?

— Пятнадцать, Аркадий Васильевич.

— Вот видите! А вы все не меняетесь. Вынь да положь! Судьба ваша зависит от этих минут? Жизнь?

— Иногда и зависит. Не моя, конечно, чужая.

— Но ведь так у всех здесь. Не у вас одного.

— Судите сами: бесследно пропал человек, кстати, ваш коллега-химик. На его даче до или после произошел взрыв. И хотя «после этого» не означает «вследствие этого», какая-то связь между этими событиями, несомненно, есть... Кстати, вам не встречалось имя Георгия Мартыновича Солитова? Может, в научных трудах?

— Э, друг мой, нынешняя химия, что твой океан! Я и по специальности-то далеко не все читать успеваю. Полистаю иногда реферативный журнал, и будет с меня, пенсионера... Значит, взрыв, говоришь. Что же, вполне реальная штука. Смесь паров эфира и спирта — это не шутка.

— Как эфира? — Люсин не сдержал удивленного восклицания.— Разве не спиртобензол?

— Кто сказал подобную ересь?

— Крелин... Правда, предварительно.

— Тоже мне эксперт! Химик! Трассология, баллистика, извини меня, кровь — это его дело, тут он кумекает.

— Не суть важно, пусть будет эфир. А маслянистые пятна тогда откуда?

— Смолы и прочие экстрактивные вещества. Жутко трудная смесь. Нам в ней не разобраться. В пору специальное НИИ создавать. Да и спирт не простой оказался. Я бы даже рискнул сказать — особенный. Нечто вроде коньячного.

— Шутить изволите.

— Нет, я серьезно. Твой профессор самогоноварением не увлекался?

— Только этого мне не хватало... Силу взрыва рассчитать сможете? В самом первом приближении?

— Элементарно.

— Большего мне пока и не надо. А на смолы не обращайте внимания — не до научных открытий...

— Спасибо, Люсин, снял камень с души. У меня от этих смол головокружение. Все хроматографические колонки загружены.

— Извините. Это мы по безграмотности задание неправильно сформулировали. Главное — взрыв... Мы еще вам корешок какой-то сдавали. Если не очень сложно...

— Попробуем, чем черт не шутит.

— Возможно, мы узнаем тогда, какой гомункул вызревал в реторте,— пошутил Люсин.

Визит в лабораторию, несмотря на полное отсутствие каких бы то ни было конкретных результатов, все же принес известную разрядку. Люсин был рад и тому, что хоть немного успокоился, переключился. На своем столе он нашел должным порядком оформленное заключение дактилоскописта. Обнаруженные на стеклянных предметах отпечатки принадлежали одному и тому же лицу, которое в картотеке не значилось.

Скорее всего, сам Солитов — напрашивался единственно приемлемый вывод.

Глава пятая

МАЗЬ ВЕДЬМ

По пути в управление Люсин ухитрился забежать в сберкассу, где сделал широкий жест, оплатив телефон на полгода вперед. Этот в значительной мере символический акт — прочие квартирные платежи были заморожены до получки — помог ему окончательно сбросить унизительное бремя забот, которые почему-то считаются мелкими. Окрыленный удачей, он позвонил в МХТИ и сразу попал на ученого секретаря кафедры — Наталью Андриановну Гротто. Если б кто знал, как нужна была ему эта неуловимая женщина! Одна из немногих, кого Солитов дарил безраздельным доверием. Не опуская трубки, Владимир Константинович соединился с гаражом. Через семь минут он уже был на Миусской, где за чугунной оградой сквера пламенели, предчувствуя близкую осень, роскошнейшие в старой Москве клены.

Институт жил отголосками приемной страды. В сумрачном вестибюле слонялись еще сохранявшие надежду абитуриенты, чьих имен не оказалось в списках, и как в воду опущенные родители. С какой завистью смотрели они на оживленно-озабоченных парней и девушек с набитыми консервными банками рюкзаками! Зачислены, распределены по группам и едут теперь на картошку — счастливцы! Настоящие баловни судьбы.

Люсин, чье обычно безотказное удостоверение оказалось малодейственным в сложившейся обстановке, был вынужден чуть ли не клясться, что он не к ректору и вообще не по приему.

Взлетев по широкой старинной лестнице на третий этаж, он быстро нашел дверь с табличкой «Кафедра биоорганической химии». На другой, привинченной чуть пониже, перечислялись научные титулы Г. М. Солитова. Отчужденно, как с надгробной плиты, блестели амальгамированные буквы.

Наталья Андриановна приняла Владимира Константиновича в кабинете шефа.

— Есть какие-нибудь известия? — Ее зеленоватые глаза тревожно расширились.— О Георгии Мартыновиче?

— К сожалению, ничего нового.— Люсин взглянул на темные резные шкафы и старые кожаные кресла. Пожалуй, ничто в этой сумрачной комнате, сберегавшей канцелярский стиль минувших эпох, не выдавало эксцентричных пристрастий владельца. И прежде всего корешки за стеклянными дверцами: пузатые справочники на русском, немецком и английском языках, химические журналы, учебники. Никакого золотого тиснения. Сплошь сиротский коленкор отчетов и диссертаций.

— У нас дважды было полное переоборудование.— Она по-своему истолковала его ищущий взгляд.— Но Георгий Мартынович попросил ничего не трогать... Садитесь сюда, тут вам будет удобнее.

— Я рад, что наконец смог увидеться с вами.— Люсин сначала присел на вытертый до блеска краешек, а потом осторожно продвинулся вглубь.— Вам передавали, что я звонил?

— Да, мне говорили... Я ведь ничего не знала. Только вчера вернулась в Москву, и на тебе... Кошмар какой-то! До сих пор в себя не приду. Как, по вашему мнению, есть хоть какая-нибудь надежда?

— Надежда на что, Наталья Андриановна? — спросил он с печальной прямотой.

— Найти Георгия Мартыновича,— затрудненно сглотнув, пролепетала она.

— Найти,— вздохнул Люсин, включив портативный магнитофон.— Ничего, если я запишу наш разговор? Ведь никогда не знаешь заранее, какая мелочь может неожиданно пригодиться...

— Пожалуйста,— с несколько нарочитой небрежностью разрешила Наталья Андриановна.— Есть хоть какие-нибудь шансы на то, что он... еще жив?

— Вы сами верите в это? Ведь сколько времени прошло...

— Вы правы, конечно.— Наталья Андриановна развела и тотчас вновь соединила кончики пальцев.— Но старики иногда уходят из дома. Вы понимаете? Мой покойный отец однажды пропадал целых два дня... Впрочем, что я болтаю? Простите.

— Разве у Георгия Мартыновича наблюдались сенильные[5] проявления? — Люсин заинтересованно подался вперед.

— Нет.— Она взволнованно поежилась.— Конечно же, нет.

— Вы уже знаете подробности? Я имею в виду взрыв и все прочее?

— Да, от коллег.

— Как бы вы прокомментировали подобное происшествие? Забывчивость? Рассеянность? Ведь он ушел, не отключив нагреватель. Значит, случилось нечто экстраординарное, его куда-то спешно вызвали или он сам вдруг о чем-то вспомнил...

— Забывчивость? — Она медленно покачала головой.— Только не в таком деле. Он же вообще не должен был ничего отключать.

— То есть как? — настороженно удивился Люсин.

— Экстракция, дистилляция, перегонка — все эти процессы он вел обычно беспрерывно, много дней. Собственно, лишь по этой причине работы выполнялись на дому, в каникулярное время. В учебном институте, согласитесь, не так просто наладить, как у нас говорят, непрерывный цикл.

— У меня нет слов, Наталья Андриановна. Сами того не зная, вы ответили на один из главных моих вопросов.

— Нет, я знала, что вы об этом спросите,— возразила она.— Как же иначе?

— Знали? Но почему?

— Разве можно без помощи специалиста разобраться в том, чем занимался Георгий Мартынович и что в конце концов послужило причиной взрыва? Для меня никаких неясностей тут нет. Узнав подробности, я сразу же восстановила полную картину.

— Вы очень обяжете меня, если поделитесь своими соображениями.

— Это мой долг. Что вас в первую очередь интересует?

— Меня интересует все. И разговор у нас, если позволите, будет долгим.— Люсин доверчиво улыбнулся.— Начнем поэтому с главного. Вы сказали, что Солитов не должен был отключать нагреватель. Ведь так?

Она согласно закивала.

— И тем не менее он вышел из дома, оставив свои колбы благополучно кипеть?

— Не иначе рассчитывал скоро вернуться.

— Во всяком случае, до того, как выкипит водяная баня?

[4] Научно-технический отдел.

[5] Старческие.

— Но почему-то не возвратился.— Гротто задумчиво сцепила пальцы.

— Это «почему-то» и есть главное, Наталья Андриановна.— Люсин припечатал ладонью кожаный валик.— А теперь расскажите про вашего шефа. Мне необходимо понять, что он за человек.

— Редкий, прекрасный, каких теперь не бывает.— Она медленно отвела потемневшие глаза.

— Продолжайте, пожалуйста,— тихо попросил Люсин.

— Я не умею так... Слишком много всего, разного... Это ведь жизнь, большой отрезок жизни. Всего и не перескажешь. Вы лучше спрашивайте.

— Пусть будет так.— Люсин сосредоточенно сдвинул брови.— Почему Георгий Мартынович, человек весьма пожилой и не очень здоровый, вел столь оригинальный образ жизни? Вместо того, чтобы отдыхать, вкушая сельские прелести, он работает. И как работает! Даже ест у себя в кабинете. Невзирая на отпуск, днем и ночью что-то варит, анализирует. Добро бы еще выращивал на грядках всякие сорняки — мало ли бывает увлечений? — но он кипятит какие-то корешки, разлагает, смешивает и все такое... Подвижник, которого заклинило на моноидее? Экстравагантный фанатик? Вдохновенный творец, нащупавший золотую жилу?..

— Трудно ответить определенно.— Сдерживая волнение, она никак не находила нужных слов.— Его образ не вмещается ни в одно из ваших определений. Все значительно проще, чем вам кажется, и вместе с тем намного сложнее. Георгий Мартынович действительно очень увлеченный человек, и ему удалось многое сделать в науке, но как бы это сказать?.. Он всегда стоял чуточку выше. Выше себя самого, своих увлечений и тем паче заслуг. Вы понимаете, что я имею в виду? Он воспринимал жизнь немножечко иронично. Вдохновение, творчество, о фанатизме я и не говорю — это не из его лексикона. Он стеснялся высокого штиля. К нему, пожалуй, больше подходит слово «любопытство». Он отличался удивительной, обаятельной любознательностью и плюс к тому редкой работоспособностью. Вообще в нем неуловимо сочетались самые противоположные качества: умудренная зрелость и детская наивность, неутомимость и резкие перепады настроения... Не знаю, поняли ли вы меня, но то, что в другом человеке могло показаться чуть ли не экстравагантным, было для него органичным, естественным.

Люсин не сомневался в искренности Натальи Андриановны, но между образом, который она рисовала, волнуясь и трогательно выискивая слова, и тем, что непроизвольно соткался в его воображении там, на даче, зиял провал. Они не совмещались, едва намеченные, еще не облаченные плотью контурные эскизы, разделенные полосой непроглядного мрака. Самоирония, постоянная готовность взглянуть с высоты — словом, все то, о чем говорила Гротто, лежало по одну сторону, а «вертоград» с его ядовитыми саженцами и укромной теплицей, где вызревали под пленкой неведомые плоды тропиков,— по другую. Тут не детской любознательностью попахивало, но сверхчеловеческим, маниакальным упорством. Она многие годы знала и, возможно, любила по-своему одного человека, а он увидел совсем другого и никак не мог расстаться с первоначальным наброском. Пусть он знал Георгия Мартыновича лишь по фотографиям из личного дела, что были спешно размножены и разосланы по милицейским подразделениям. Однако за плоским черно-белым изображением взрывались стекла и кружились поднятые на воздух листки, утонченно орнаментированные латинской скорописью. Они немало значили, эти разрозненные фрагменты. Пусть не Фауст, выращивающий в колбе гомункула, но углубленный в забытые тайны искатель — вот какой портрет мозаично слагался из острозубых осколков, затуманенных темной накипью. Отсюда, от печки, переделанной под алхимический горн, и нужно было начинать осторожный танец.

— Вы так хорошо сказали об увлеченности.— Люсин сделал первый шаг.— Но каков сам предмет увлечений? Георгий Мартынович держал вас в курсе своих исканий?

— Не только я, вся кафедра, весь институт знали. Не в подробностях, само собой разумеется, в общих чертах. Сначала над ним подтрунивали, затем перестали. Так ведь всегда бывает в жизни. Человек должен отвоевать право остаться самим собой.

— Нужны определенные бойцовские качества,— нащупывая почву, подал реплику Люсин.

— Вот этого я бы как раз и не сказала. По своему складу он типичный ученый-одиночка. В глазах большинства доказательством правоты является не столько вера, сколько успех. От репутации законченного чудака шефа спасала удача. Он умел добиваться успеха в самый критический момент, когда все складывалось против него и вообще обстоятельства загоняли в угол. Только поэтому его оставили в покое. И что вы думаете? После того, как препараты пошли в серию, погода молниеносно переменилась. Вчерашние насмешники начали буквально осаждать просьбами. Кто для себя, кто для родственников, а кто — в расчете на ответную благодарность — для влиятельных друзей.

— Вы имеете в виду...— Люсин наклонился к ней, заговорщически понизив голос.

— Ну, конечно, лекарства,— подтвердила она.— Сейчас вообще распространилась мода на народную медицину: травы, иглоукалывание, экстрасенсы опять же всякие... Георгию Мартыновичу житья не стало от просьб. Как-то он даже пожаловался, что превращается в знахаря. Вы не представляете себе, как он страдал от столь неожиданной популярности. Она мешала ему работать и жить не меньше, чем интриги завистников и тайных врагов. Но что можно поделать? Ведь у каждого свои недуги. Шеф понимал и жалел людей. Отказывать он не умел. Любой лишенный ощущения деликатности человек мог вить из него веревки.

— Как вы хорошо сказали: «ощущение деликатности»,— оценил Люсин.— Ну, а если вернуться к интригам, тайным, опять же по вашему определению, врагам?

— Уголовщина не наш стиль,— поняла она с полуслова.— В научных кругах приняты несколько иные методы, я бы сказала, более результативные...

— Приблизительно догадываюсь.— Он понимающе опустил веки.— Мне приходилось сталкиваться однажды... Но ведь лишняя информация не повредит? Кто, по-вашему, мог быть заинтересован в... исчезновении, скажем так, Георгия Мартыновича?

— Увольте меня от подобных вопросов.— Наталья Андриановна упрямо покачала головой.— Недоставало только, чтобы я начала перемывать косточки коллегам! За кого вы меня принимаете?

— Простите, но когда перед тобой полная неизвестность, невольно хватаешься за соломинку.

— Такая соломинка вас не вывезет. Поищите лучше в другом направлении, в других сферах.

— Пусть будет по-вашему,— с готовностью согласился Люсин, досадуя на свою оплошность. Разве не знал он, что там, где требуется вживание во внутренний мир человека, профессиональный опыт подчас не только не помогает, но даже становится досадной помехой? Привычка хороша, когда работаешь на конвейере. Виртуозная партия требует самозабвения. Каждый раз, как впервые,— высшее напряжение. Слепой полет в неизведанном пространстве чужой души.

— Вы же сразу схватили главное.— В ее голосе прозвучала нотка упрека.— Нужно прежде всего понять, что заставило Георгия Мартыновича оставить дом. Ненадолго, потому что он наверняка предполагал вскоре вернуться. Чем дольше я над этим думаю, тем большей проникаюсь уверенностью.

— Ну, и как по-вашему?

— Не нахожу однозначного ответа.

— И необязательно. Давайте несколько вариантов.

— Кто-то мог позвонить,— неуверенно, словно вступая на неокрепший лед, предположила она.— Вызвать куда-то... Или прийти без предупреждения, а затем увести с собой. Как вы считаете?

— Вполне здраво,— одобрил Люсин.— Однако с той же степенью достоверности можно предположить и заранее обусловленную встречу? Сейчас не это важно. Все три варианта сводятся к одному: «кто-то». Оттуда, куда эта неведомая для нас фигура увлекла Солитова, он не вернулся. Итак: кто? Вам легче вычислить, чем мне.

— К сожалению, не знаю.

— Вот и получается, Наталья Андриановна, что мы от чего ушли, к тому и пришли. Прямо, в лоб, такие задачки, как правило, не решаются. Неизбежно приходится отталкиваться от каких-то личностных особенностей, особенностей среды. Поэтому вновь взываю к вам: помогите. Мы должны воссоздать обстановку.

— Понимаю.

Продолжение следует.

среди книг

«ПИНКЕРТОНЫ» ГРЯЗНЫХ ДЕЛ

Более века минуло с тех пор, как шотландец Аллан Пинкертон организовал первое в Америке сыскное агентство. Десятилетия прошли с июля 1908 года, когда президент Теодор Рузвельт издал указ о создании специального следственного отдела министерства юстиции, окончательно трансформировавшегося в 1935 году в Федеральное бюро расследований. Однако с самого начала это новое ведомство США было задумано как беспощадное орудие для подавления любого инакомыслия, расправы с прогрессивными и демократическими силами страны. На этом поприще ФБР оставило не только грязные, но и откровенно преступные следы.

Фактически с первых дней своего существования ФБР было наделено неограниченными правами чинить беззаконие. Со временем, и во многом благодаря Эдгару Гуверу, возглавлявшему ведомство при восьми (!) президентах, ФБР стало настоящим государством в государстве. Америка чувствовала это особенно в период маккартизма, когда оказаться за решеткой было легче, чем остаться на свободе. Эта позорная, недостойная страница в истории США, казалось бы, давно закрыта. Тем не менее антиамериканская по своей сути деятельность ведомства продолжалась и продолжается.

С этой точки зрения несомненный интерес представляет насыщенная интересными фактами и размышлениями книга А. Подобеда, в которой рассказывается о деятельности Федерального бюро расследований — одного из важных звеньев механизма сохранения заокеанской «демократии».

Автор приводит многочисленные и неопровержимые данные. Люди Гувера вели многолетнюю травлю Мартина Лютера Кинга, которая закончилась выстрелами в Мэмфисе. Многие, в том числе сами американцы, считают, что ФБР непосредственно причастно к убийству президента Джона Кеннеди. На этом фоне слежка фэбээровцев за негритянским певцом Полем Робсоном, актером и режиссером Чарли Чаплином, писателем Эрнестом Хемингуэем, доктором Бенджаменом Споком, рок-музыкантом Джоном Ленноном может показаться детской забавой. Впрочем, ирония здесь вряд ли уместна. Можно представить, каково приходится рядовым гражданам, если даже всемирно известные люди находятся «под колпаком». Конкретизирует эту мысль журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт»: еще в первые годы пребывания в Белом доме президент Рейган выдал ФБР полномочия на «официальный пожизненный надзор за каждым американцем».

Слежкой за американцами занимаются более 20 тысяч сотрудников «фирмы». Вносят свою лепту в этот «демократический процесс» ЦРУ, полиция, Агентство национальной безопасности, иные частные, государственные, военные и гражданские организации. Люди из ФБР, указывает автор книги, имеют доступ к 264 миллионам полицейских записей, 323 миллионам историй болезни, 100 миллионам досье кредитных учреждений. Только на федеральном уровне данные на каждого гражданина США фигурируют по меньшей мере в 18 банках информации.

«Особой заботой» ФБР и другие спецслужбы окружают представителей Компартии США, лидеров профсоюзных, женских и молодежных организаций, а также участников движения за мир и разоружение. Правящая элита рассматривает их как самые опасные «подрывные элементы», угрожающие безопасности США и устоям американской демократии. Как это ни чудовищно, но к категории таких людей была отнесена и Саманта Смит. ФБР занесло ее имя в «черные списки» сразу же после поездки в Советский Союз. В дальнейшем каждый шаг, каждое слово этой юной посланницы мира фиксировались в специальном досье. Последняя запись в нем была сделана 26 августа 1985 года, когда Саманта Смит и ее отец погибли в авиационной катастрофе...

Случайность ли это? Этим вопросом заканчивается книга «Грязный след ФБР». История даст и на него ответ. А сегодня можно со всей определенностью констатировать, как подметил бывший сенатор Фулбрайт: Америка создала общество, главным занятием которого является насилие.

Виктор ЕНИКЕЕВ

А. Подобед «Грязный след ФБР». М «Советская Россия». 1986.

БРАТЬЯ

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
собкор «Огонька»
Фото Анатолия БОЧИНИНА

В небольшом тренировочном зале вольной борьбы меж двумя баскетбольными корзинами, которые прилепились на стенах, как ласточкины гнезда, моталась орава парней. Хриплое дыхание, короткие, понятные только им выкрики. Игроки то завихрялись вокруг мяча, то летели врассыпную. Тон задавали два крепыша в резиновых, как у водолазов, костюмах. И когда они вышли из зала, игра расстроилась.

— Вы не боитесь задохнуться!

— Что поделаешь... Такой костюм вытягивает из меня вес хорошего обеда,— сказал один, распуская «молнии» и стягивая мокрую резину.

Так я познакомился с братьями-близнецами — борцами-«вольниками» Белоглазовыми.

Они владеют всеми возможными спортивными титулами и званиями: многократные чемпионы Союза, Спартакиады народов СССР, Европы, мира, чемпионы Олимпийских игр, обладатели кубков мира и суперкубков по вольной борьбе. Анатолий был чемпионом мира в трех различных весовых категориях. Причем дважды получал приз, который вручается лишь одному из десяти победителей — лучшему борцу чемпионата. Еще более побед мирового уровня у Сергея.

Раз пять я уточнял, кто из них Сергей, а кто Анатолий,— так они похожи. Родились и выросли братья в Калининграде. Мать работала дворником, нравоучениями не докучала. Они самозабвенно гоняли футбольный мяч, даже преуспели в играх на приз «Кожаный мяч». Но однажды в школу кто-то принес потрясающую новость: в Доме офицеров появился тренер, настоящий мастер спорта, который будет учить вольной борьбе. Так восемнадцать лет назад произошла встреча братьев с Гранитом Ивановичем Таропиным, и он потом признавался, что никак не рассчитывал на их спортивные успехи, думал: пусть возятся, может, окрепнут, а то худенькие, как кузнечики.

К семнадцати годам братья Белоглазовы стали мастерами спорта, и не было у каждого из них более серьезного соперника, чем родной брат. На первенстве страны среди юношей жребий снова свел братьев в одной подгруппе, и судья дважды предупреждал их за пассивное ведение борьбы. В конце концов над ними нависла угроза дисквалификации, и в перерыве Гранит Иванович сказал, что пора бы им и разозлиться. Сережа разозлился меньше и вылетел в утешительную группу, но в полуфинале снова должен был бороться с братом. Долго они думали, как же быть. Это же все равно, что свою правую руку заставить бороться с левой! Решили: все же попытаются разозлиться. И их поединок стал украшением чемпионата, но завершился... вничью.

Потом разошлись братья по разным весовым категориям, однако и это не всегда их выручало. На первенстве мира-82 они оба вышли в финал, причем Сережа — в весе 62, а Толя — 57 килограммов. Казалось бы, спора между ними быть не может, но девушка из судейской коллегии по секрету сообщила, что судьи решили отдать приз «Лучший борец чемпионата» одному из них — тому, кто лучше проведет финальную схватку.

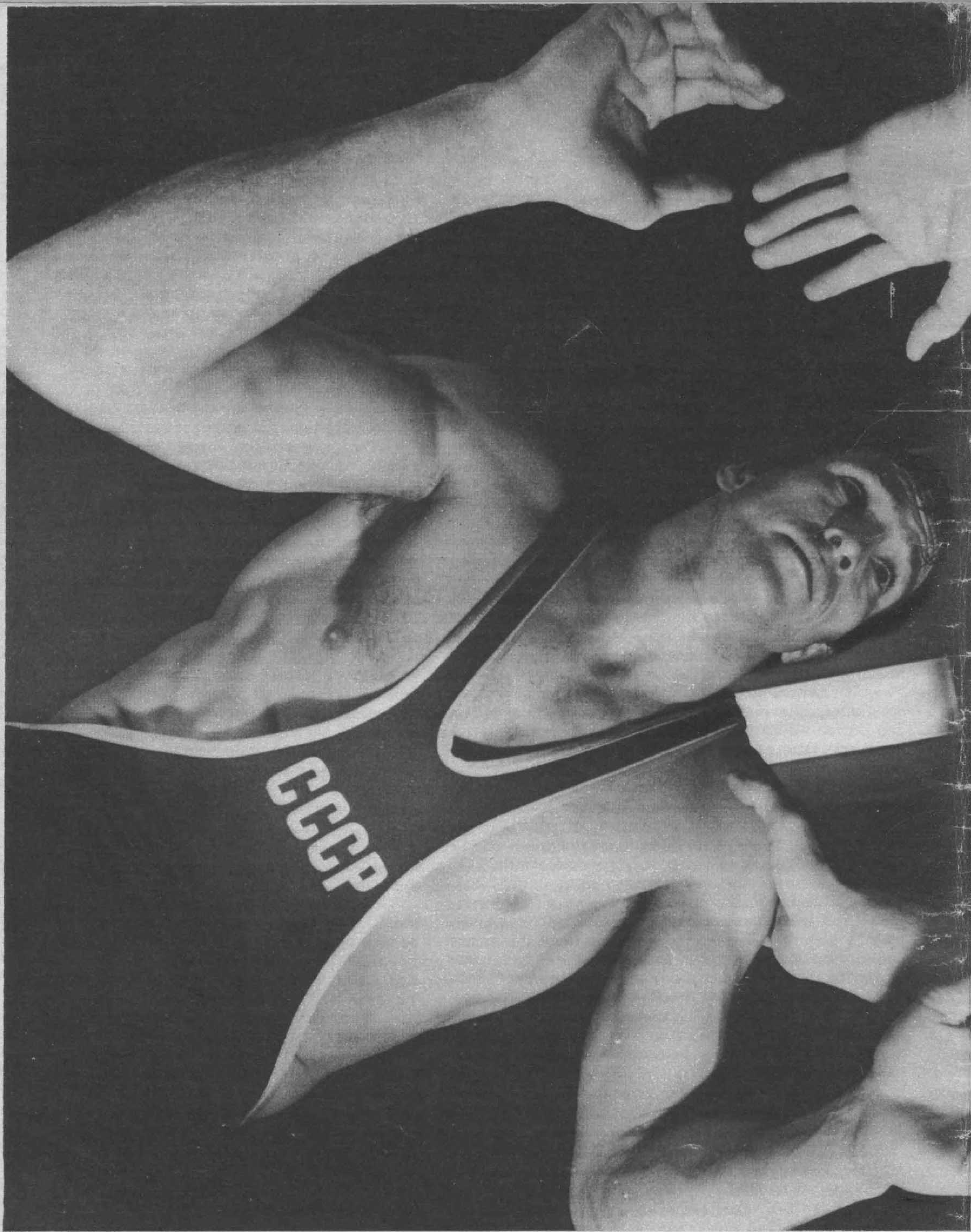
Один приз на двоих. Как тут быть! Сергею предстояла встреча с железным болгарином Симеоном Штеревым — двукратным чемпионом мира, а Анатолию попался противник не легче — японец Хидиаки Томияма, тоже двукратный чемпион мира. Оба брата добились победы, но приз был вручен Анатолию, который потратил на схватку всего сорок секунд.

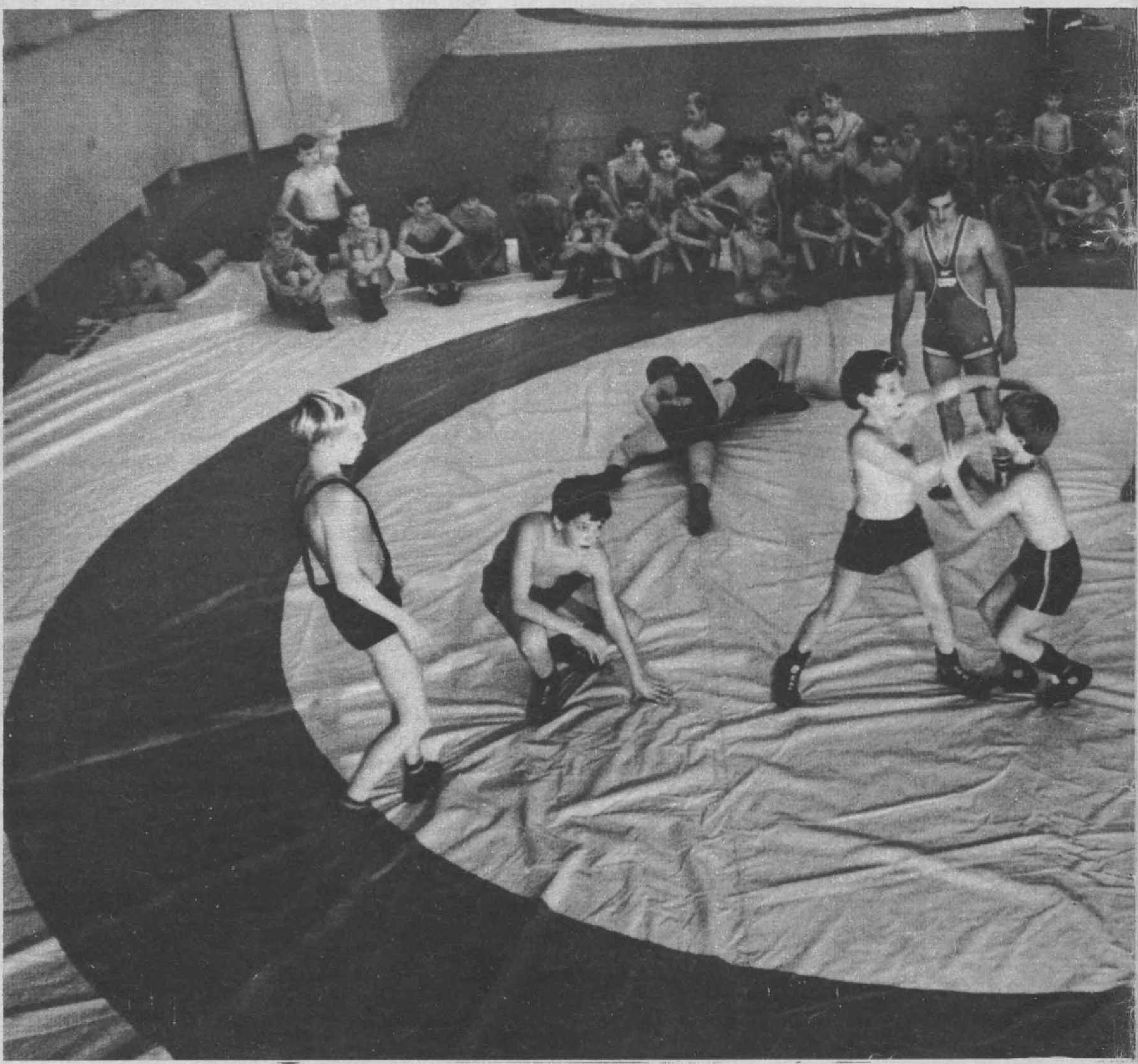
Жизнь не раз сталкивала их, но так и не научила ни хвастовству, ни завистливости.

Теперь Анатолий уже не выступает, он главный тренер «Динамо» по вольной борьбе, однако каждый день выходит на ковер вместе с братом, а тренирует Сергея по-прежнему Гранит Иванович. Когда в 1979 году он переехал в Киев, братья последовали за ним и почти год жили у тренера в его однокомнатной квартире, спали на полу, прикрывая простынкой борцовский мат.

...Старший тренер сборной СССР по вольной борьбе Иван Ярыгин, который многие годы не знал себе равных на ковре, так писал о братьях Белоглазовых: «Анатолий и его брат могут сцементировать любой коллектив... Такие ребята — это полкоманды».

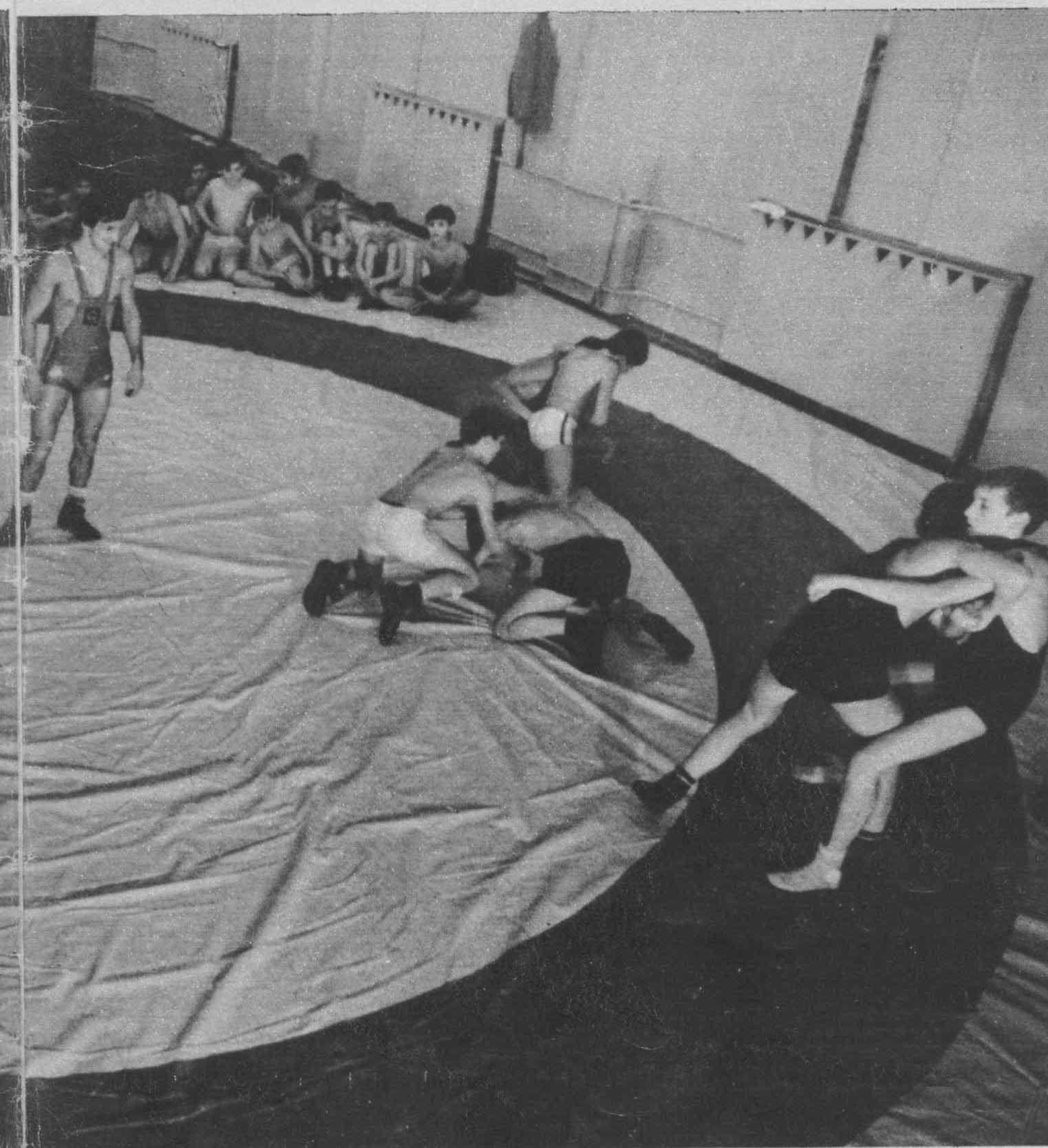
Киев.

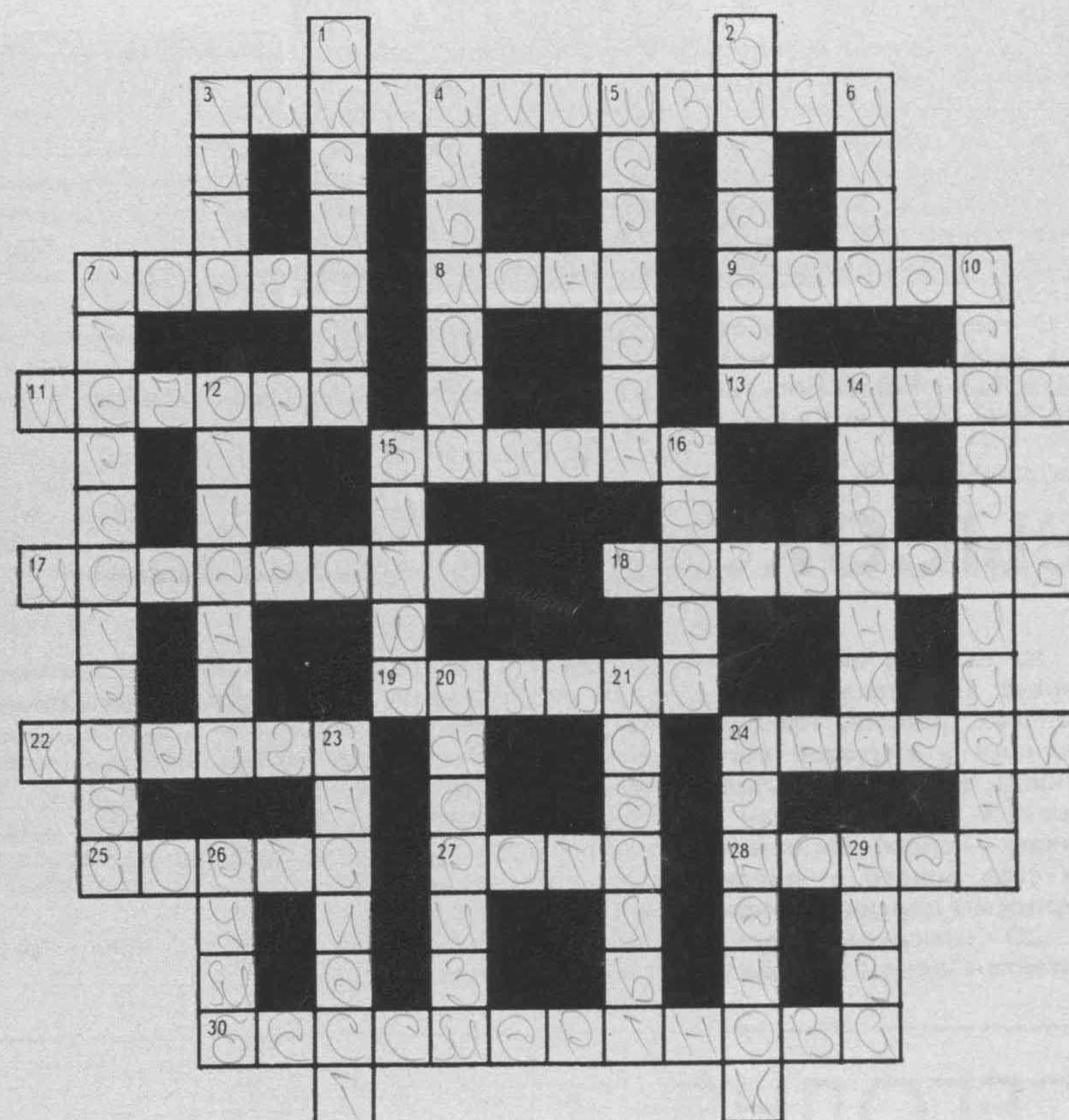

Сергей и Анатолий Белоглазовы.

кроссворд

По горизонтали: 3. Грузинский композитор, лауреат Ленинской премии. 7. Злак. 8. Лошадь малорослой породы. 9. Город в Азербайджане. 11. Река на севере РСФСР. 13. Часть театральной декорации. 15. Форма бухгалтерской отчетности. 17. Умеренный темп в музыке. 18. Период учебного года в школе. 19. Опера С. Монюшко. 22. Высушенные плоды абрикоса. 24. Чешский композитор. 25. Главная артерия кровеносной системы. 27. Войсковое подразделение. 28. Музыкальный ансамбль. 30. Балерина, народная артистка СССР.

По вертикали: 1. Положение, принимаемое без доказательств. 2. Областной центр в Белоруссии. 3. Надпись в фильме. 4. Домашнее животное, разводимое в Перу и Боливии. 5. Английский драматург, автор комедий. 6. Малая планета. 7. Перископический оптический прибор. 10. Подбор различных товаров, изделий. 12. Оценка знаний учащихся. 14. Разновидность гармоники. 15. Приток Дона. 16. Поверхность шара. 20. Краткое изречение. 21. Химический элемент, металл. 23. Стихотворная стопа. 24. Басня И. А. Крылова. 26. Деление на круге компаса. 29. Засеянное поле.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 7. «Куранты». 8. Чонгури. 11. Домино. 12. Лагуна. 13. «Писатель». 14. Финиш. 16. Октет. 17. Насретдинова. 18. Метеорология. 20. Сезон. 22. «Ямщик». 24. Сличенко. 26. Кимоно. 27. Кричев. 28. Морошка. 29. Антоним.

По вертикали: 1. Бузони. 2. Ванилин. 3. Строп. 4. Рояль. 5. Агогика. 6. Гранде. 9. Баскетболист. 10. Утешительный. 15. Шарден. 16. Овация. 18. Монолог. 19. Ямпилов. 21. Ефимов. 23. «Иберия». 24. Сопка. 25. Окунь.

СУДЬБА МОЯ СГОРЕЛА МЕЖДУ СТРОК

«...Мне очень хотелось увидеть Федора Сологуба, сказать, что я люблю его с детства. С трудом в незнакомом мне городе нашел я квартиру знаменитого поэта... Сологуб долго расспрашивал меня о Елизаветграде, о родителях, о любимых поэтах, долго не отпускал и лишь под конец неожиданно спросил: «А сами-то вы стихов не пишете?» Пришлось признаться в своем «грехе». Он попросил что-нибудь почитать и, выслушав, вынес приговор: «Это очень плохие стихи, молодой человек, но вы не теряйте надежды, пишите, может быть, что-нибудь у вас и получится».

О своей жизни, работе в литературе, встречах с интересными людьми нашей эпохи рассказывает старейший советский поэт Арсений Александрович Тарковский. Беседа с ним и неопубликованные стихи поэта будут напечатаны в ближайшем номере журнала.

ВЫСОКОЕ ПАДЕНИЕ

На сей раз ему пришлось проделать все это под объективом фотоаппарата. Приехали в дачный поселок Удельная, что в подмосковном Раменском районе. Приблизились к двухэтажной хоромине с витыми решетками и винтовой лестницей — щелк! Роскошные покои, обставленные отнюдь не дачными гарнитурами, картины, медвежья шкура на полу — щелк! В кухне открыли потайной люк, спустились в подпол и дали ему лопату — щелк! Он извлек ржавый термос, отвинтил крышку и высыпал на стол золото в ювелирных изделиях, часовых корпусах и монетах с курносым царским профилем — щелк, щелк, щелк!

...О «высоком падении» бывшего заместителя министра Вешнякова читайте в одном из ближайших номеров журнала.

СЕГОДНЯ В КИТАЕ

Китай... Единственная в мире страна с миллиардным населением. Какой он ныне? Каковы его люди? Что в этой стране привлекает внимание более всего? Заметки журналиста-международника Евгения Болотина о сегодняшнем дне КНР, открывающие нашу новую рубрику «Из дальних странствий возвратясь», читайте в ближайшем номере журнала.

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

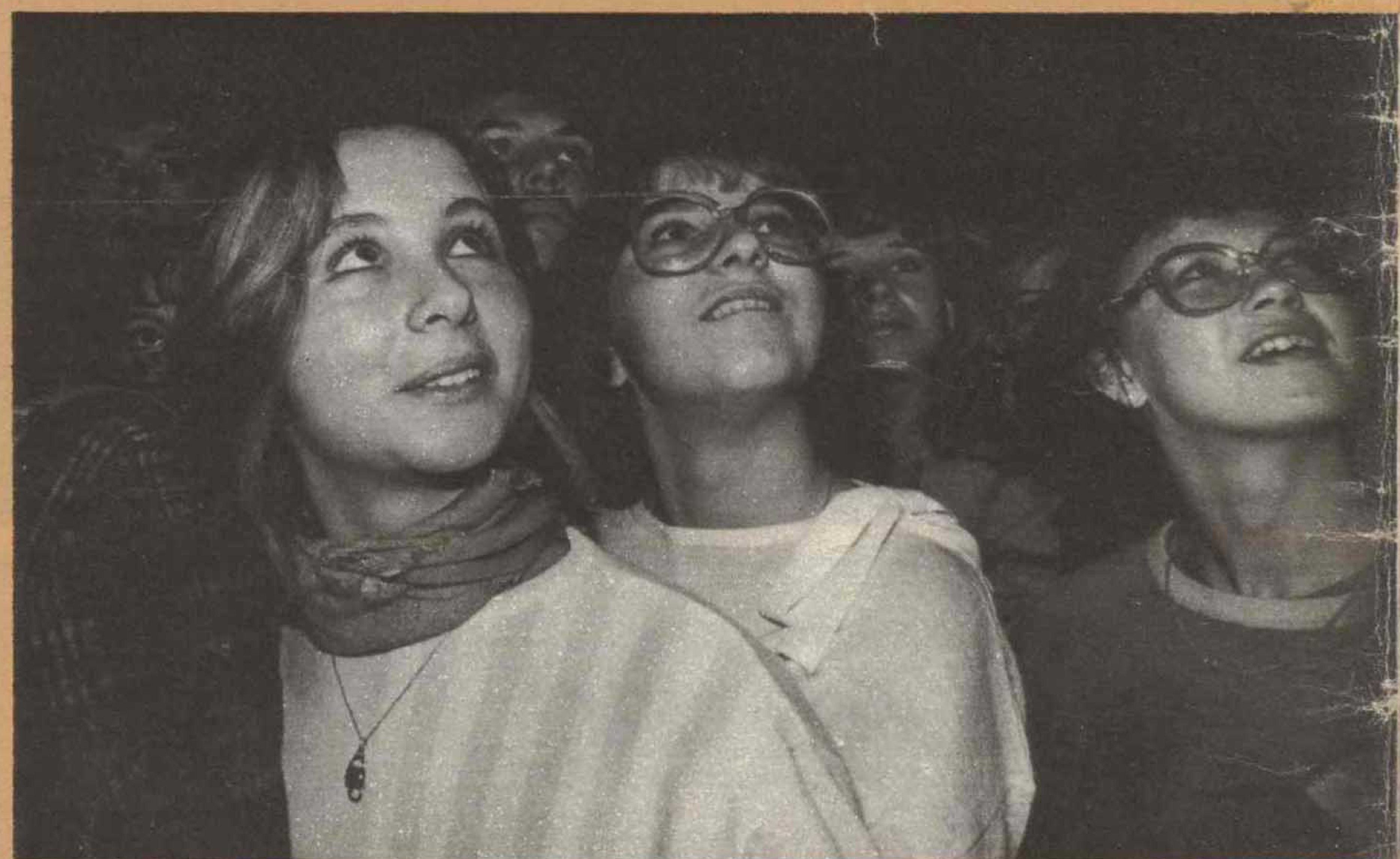
ДА ЗДРАВСТВУ

Мария ДЕМЕНТЬЕВА
Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Студийность сегодня в моде. О движении любительских театров-студий все чаще пишут, спорят. Число этих коллективов растет, но о многих мы знаем лишь понаслышке — не всегда есть возможность обнаружить подвалы и клубы, где любители находят себе пристанище. И вот молодежная редакция журнала «Театральная жизнь» собрала наиболее известные из них и провела Московскую декаду столичных любительских театров-студий, назвав ее «Игры в Лефортове-86» — по месту расположения ДК Московского энергетического института, приютившего «Игры» под своей крышей.

Семнадцать коллективов, представленных на декаде, оказались очень разными даже по своим задачам. Кто-то ходит в студию, чтобы выразить себя, реализовать творческие возможности, и ни на что больше не претендует. Для других любительский коллектив — место, где они рассчитывают сказать свое слово в искусстве театра.

«Игры» шли явно по нарастающей. Уже на третий день мы посмотрели «Доброй охоты...» — фантазию в стиле брейк по сказке Р. Киплинга «Маугли», спектакль театра-студии на Красной Пресне, подкупающий юной искренностью исполнителей и органично вплетенными в ткань спектакля танцами. Затем увидели очень интересный спектакль театра-студии «Человек» — «Владимир Маяковский» в постановке Л. Рошкован, в котором замечательный актер Роман Козак, играющий поэта, просто приковывал к себе внимание. Прекрасное умение работать с артистами вновь продемонстрировал Марк Розовский в спектакле театра-студии «У Никитских ворот» «Красный уголок» по своей же пьесе. С ним соперничать мог только, пожалуй, Роман Виктюк, как всегда, добившийся от исполнителей естественности, точности в спектакле «Девочки, к вам пришел ваш мальчик» по пьесе Л. Петрушевской. Гостем «Игр» стал студенческий народный театр «Манекен» из Челябинска, которым руководит А. Морозов. И, наконец, в последний день был показан самый, пожалуй, сильный спектакль — «Нищий, или Смерть Занда», поставленный театром-студией «В старом парке». Достойны уважения не только воплощение достаточно непростого для сцены произведения Олеши, но и крепкая режиссура Б. Тудакова, сильные актерские работы. Завершилась декада дискотекой, устроенной хозяевами ДК, и, когда все стихло, наступило время размышлений.

Во-первых, о своеобразном бунте «невостребованных профессионалов», которые сегодня в большом количестве пришли в студийное движение. Затем о том, что сегодня студии во многом повторяют репертуарные болезни профессионального театра: любительские сцены захлестнул шквал инсценировок классики, которые, как правило, сами режиссеры и делают. Практически отсутствует в репертуаре студий современная советская пьеса, зато есть пьесы режиссеров, которые не всегда хорошие драматурги. Вызывало удивление, что коллективы, в основном состоящие из молодежи, не показали ни одного спектакля на молодежную тему. Не захотели? Не сумели?

И все же не это представлялось главным. Думалось о том, зачем же нам нужна все-таки сегодня студийность. Я имею в виду, разумеется, не тех, кто занимается актерством для души. Все упомянутые студии способны поставить хороший, крепкий, вполне профессиональный спектакль. Совсем как на сценах «настоящих» театров. Это, конечно, замечательно, мы испытываем дефицит в новых театральных коллективах. Но и не менее важно для нас рождение новых театральных форм, направлений, ведь большинство тех, что существуют сегодня, за много лет перестали быть новыми, лишились способности к саморазвитию. Понятие студийности подразумевает дух свободного творческого поиска, открытий, иногда и

ЕТ ИМПРОВИЗАЦИЯ!

ошибок. Именно в любительских коллективах могут — и должны!—возникать то самое новое искусство, иные театральные эстетики, направления, программы, полемизирующие с уже существующими. То есть смысл студийности, ее ценность — именно в поиске нового, а не в повторении, пусть и на достаточно высоком профессиональном уровне, уже пройденного.

Открытий-то «Игры» и не принесли...

Впро́чем, одно открытие все же было. И виновник его — Олег Киселев, создавший студию пластической импровизации и показавший спектакль с неожиданным названием «Каникулы Пизанской башни». Это было умно, смешно и, главное, талантливо. Он и его артисты восхищали зрителей свободой актерской пластики, подлинным артистизмом. И, завершая размышления, хочется воскликнуть: «Да здравствует импровизация!»

Студийцы Р. Виктюка играют спектакль по пьесе Л. Петрушевской.

«Нищий, или Смерть Занда» Ю. Олеши.

В зрительном зале.

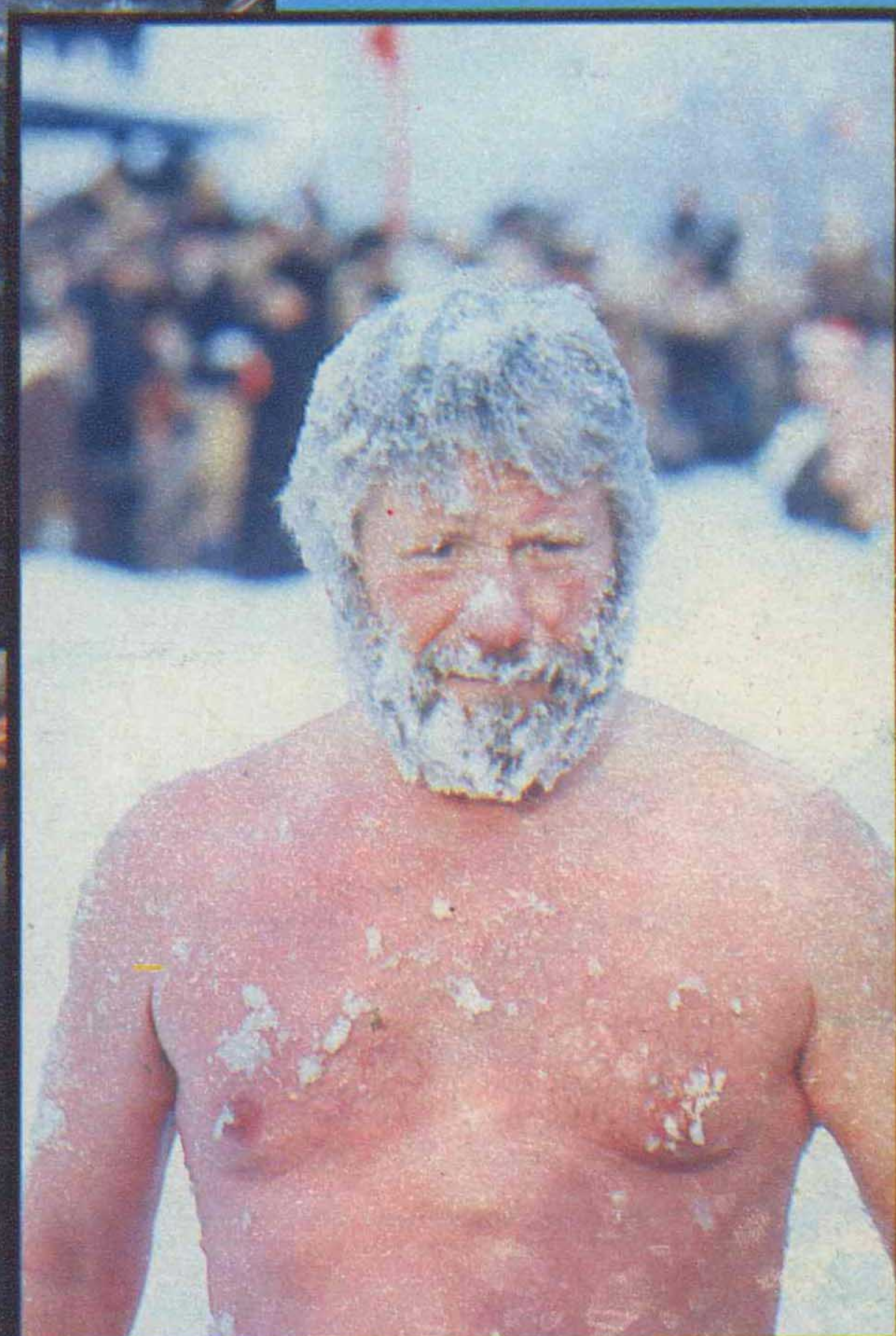
Дискотека Дома культуры МЭИ.

Студия пластической импровизации под руководством О. Киселева.

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

...24 года назад по льду пруда у московского стадиона «Наука» шел высокий седеющий человек. Скинул с себя тренировочный костюм и... полез в прорубь. Это сейчас в Москве двуногих «моржей» — как настоящих на Чукотском море, а тогда любителей было мало, и, главное, «моржевались» они поодиночке. Пятидесятилетний инженер Борис Семенович Пинтус (о нем речь) в тот первый раз и не думал, что его «крещение» в проруби станет как бы вторым днем рождения.

— Ко мне подходили люди, интересовались, что да как. Решили закаляться вместе. С годами выросла общественная школа закаливания, сейчас в ней около двухсот человек. Самый большой клуб «моржей» в столице! В других районах наши питомцы свои клубы создали... А открываем сезон здесь, у нас. Тысячи человек приходят! Да вот у вас на снимках все видно: праздник посвящения в «моржи»...

— А что же дальше! Всей Москве лезть в прорубь!

— Всем не всем, дело добровольное. Пора чудаков прошла, надо этот путь к здоровью сделать всеобщим. Что, наш опыт не пример!

И «морж-ветеран», скинув тренировочный костюм, нырнул в прорубь...

Борис МИХАЙЛОВ.
Фото Андрея ГОЛОВАНОВА.